

An aerial photograph of a lush forest landscape. A winding river flows through the center, leading to a large, irregularly shaped lake. The forest is dense, with trees in various shades of green and yellow, suggesting an autumn setting. The water in the lake is dark, and there are patches of lily pads or similar aquatic plants near the shore.

АНДРЕЙ ГЕРАЩЕНКО

**НА ИСХОДЕ
ДЕТСТВА**

Андрей Геращенко

16+

НА ИСХОДЕ ДЕТСТВА

Барнаул
«Издательство»
2021

*Книга издана при финансовой поддержке Правительства
Алтайского края в рамках реализации подпрограммы
«Поддержка и развитие связей с соотечественниками за рубежом»
государственной программы Алтайского края
«Развитие культуры Алтайского края».*

Герашенко А. Е.

На исходе детства.

Советская молодёжь 1983 года мало отличалась от нынешней, разве что не было компьютеров, смартфонов и других современных гаджетов. Парни и девушки тогда тоже дружили, любили, дрались, следили за новинками отечественной и западной музыки, танцевали, мечтали о будущей взрослой жизни. Но это было иное время и иная страна. Более взрослые читатели обязательно вспомнят свою молодость, своих школьных друзей и подруг, а молодые смогут сравнить себя со своими сверстниками из 1983 года.

© Герашенко А. Е., 2021

©

Об авторе

ГЕРАЩЕНКО

Андрей Евгеньевич

Родился 26 марта 1967 года в д. Ректа Славгородского района Могилёвской области. Белорус. Член Союза писателей Беларуси с 2005 года, Союза писателей Союзного государства с 2010 года, член Союза писателей Санкт-Петербурга с 2011 года. Председатель ВОО «Русский дом». Председатель Координационного совета руководителей белорусских общественных объединений российских соотечественников при Посольстве Российской Федерации в Республике Беларусь. Действительный член Русского исторического общества за границей.

Публиковался в журналах «Наш современник» (Россия), «Московский вестник» (Россия), «Великоросс» (Россия), «Немига литературная» (Белоруссия), «Неман» (Белоруссия), «Москва и соотечественники» (Россия), «Простор» (Казахстан) и др.

Автор книг «Белая Русь от древнейших времён до современности» (2020), «Белоруссия в годы Великой Отечественной войны» (2020), «Опалённая войной Белоруссия» (2019), «Андрей Полоцкий» (2018), «Грюнвальдская битва» (2015), «Несгибаемая Вера. О жизни и подвиге Веры Хоружей» (2015), «Сергей Притыцкий» (2013), «Очерки по истории Полоцка и Белой Руси» (2013), «Легендарные полочане» (2012), «Сыны Отечества. Славный 1812 год» (2012), «Мы во Вселенной» (2012), «На пороге Вселенной» (2013), «Путь к звёздам. Малая энциклопедия космонавтики» (2014), «Достославный Симеон» (2013), «Сыны Отечества. Батка Миняй и дядя Костя» (2013), «Сыны Отечества. Пётр Машеров и Сидор Ковпак» (2013), «Проклятый клад» (2013), «Сквозь паутину тьмы» (2001), «Планета теней» (2001), «Пронзая время» (2002), «Змеиный царь» (2007), «Беларускія камедыі» (2007), «Учебка. Армейский роман» (2013), «Наркота» (2013), «Остров Даманский» (2010) и др.

Победитель международных, российских и белорусских литературных конкурсов. Награждён медалями и грамотами. В январе 2016 года Указом Президента России В.В.Путина награждён государственной наградой - медалью Пушкина.

Слово к читателям

В жизни любого человека есть возрастные периоды, которые во многом определяют то, какой будет его жизнь, кем и, самое главное, каким человеком он станет.

Одним из самых таких значимых временных отрезков, которые навсегда отпечатываются в нашей памяти, является почти незримый переход между поздним детством и ранней юностью, начало нашего взросления.

Но растём, вырастем, затем стареем не только мы, но меняется и окружающий нас мир.

Повесть «На исходе детства» написана по мотивам произошедших со мной и моими одноклассниками, друзьями и школьными товарищами событий. Мои школьные товарищи, наши учителя, а также повстречавшиеся на нашем жизненном пути иные люди стали прообразами героев данной повести, события которой происходят в теперь уже далёком 1983 году. Многие мои одноклассники обнаружат определённое созвучие имён и фамилий с реальными.

Но повесть - это художественное произведение, а не некие мемуары, поэтому события, происходящие с персонажами, не всегда имели место в действительности, хотя, повторюсь, написаны на основе реальных и, что важнее, вполне могли произойти.

В нашем отечественном искусстве, литературе, кинематографе, живописи всегда присутствовал быт - описание самой обычной жизни. Часто, особенно раньше, такое «бытописание» подвергалось критике. Между тем именно жизнь обычных людей, их быт порой говорят об эпохе и времени гораздо больше, нежели сугубо сюжетные, зачастую надуманные произведения.

В повести речь идёт о жизни старших школьников, только что перешедших в выпускной, десятый класс. Действия происходят в позднем Советском Союзе, в провинции - районном центре и деревнях Белорусской ССР.

Лето 1983 года, страна застыла на пороге перемен и потрясений. Наше беззаботное детство, плавно перешедшее в юность, встречало свою молодость в лихие 90-е годы, когда рушился фундамент нравственности, сами основы и устои

нашей страны и нашего общества.

Но тогда, в 1983 году, всё это было ещё впереди, и мы даже не могли подумать и представить себе, как круто изменится наша жизнь спустя всего одно десятилетие.

Сейчас модно стало вспоминать советское время - появляется много сериалов, фильмов про СССР. Они часто шаблонны, достаточно спорны, ориентированы на столицы и, прежде всего, на Москву.

Между тем молодёжь во всей большой стране жила самой обычной жизнью, а коммунистическая идеология, которую так любят критиковать за стремление контролировать всё и вся, играла в этой обычной жизни очень малую роль.

Конечно, мы тогда любили свою страну, гордились нашими достижениями, но в целом мало чем отличались от нынешних парней и девчонок - разве что не было компьютеров, смартфонов и многих других гаджетов. Но мы тогда тоже дружили, любили, дрались, следили за новинками отечественной и западной музыки, впервые пробовали алкоголь, танцевали, мечтали о будущей взрослой жизни.

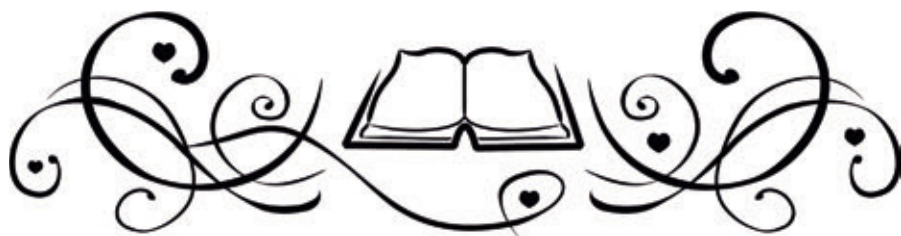
Каждое время по-своему уникально: Российская империя, СССР, сейчас - Российская Федерация и Республика Беларусь... Я надеюсь, что повесть «На исходе детства» будет интересной для нынешней молодёжи. позволит сравнить их, нынешних, с нами - теми, из 1983 года. А люди моего возраста обязательно вспомнят свою молодость, своих школьных друзей и подруг.

Конечно, книги стали читать мало, а от нашего гордого «мы - самая читающая страна в мире» осталось не так много, но всё же я полагаю, что бумажная книга будет жить.

Книга смогла выйти благодаря помощи Правительства Алтайского края, уделяющего большое внимание поддержке творчества и инициатив российских соотечественников, которые в одночасье помимо своей воли оказались после событий 1991 года за пределами своей страны, но сохранили самые тёплые чувства по отношению к России.

Особую признательность я хотел бы высказать лично Е.Г.Базиной, которая помогла реализовать данный проект.

Андрей Геращенко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОХОД В ВЕРЕЧЬЕ

Девятый класс позади. Как я пошёл на таран во время вождения при прохождении производственной практики. Мотор едва не отдал Жалейко пальцы. Мы идём в поход с ночёвкой. Я и «восточная принцесса». Нашего учителя, по его словам, заставляли в армии держать на вытянутых руках рацию. Дед Забудуй и его «Фердинанд». Песня про попа и его любимую корову Сильву, которая почему-то очень не нравится классной. По словам Пятитуркиной, пение Гутовского похоже на рёв сивого мерина. Неожиданно выясняется, что у Колёсова – ярко-красные трусы. Сивчука не берут в компанию. Фотографируемся на память возле памятника. Играем в «бульбу». Словесная перепалка с вереченскими. Лагерь в лесу. Ритка – «идеальная жена». Идём на поиски хлеба в соседние деревни. Кого было больше в Смоловке – полицаяев или партизан? Мы экспроприуем для себя часть добытого хлеба и сала. Почему меня укусила Сазонова. Машевский Олег не смог вырезать ложку. Свёртываем лагерь и возвращаемся в Веречье. Парикмахерская во дворе интерната. Беспокойная ночь. Почему, по мнению вереченской молодёжи, Козак похож на метеор, и где он мог служить в армии. Машевский Сашка с топором в руках собирается сразиться с неприятелем, а классная поёт песни. Встреча с ветераном. Мы пишем на доске в Вереченской школе всякие гадости в отместку за ночное нападение.

Девятый класс позади. На сердце легко и радостно - ни-

каких тебе нудных экзаменов, никакой нервотрепки. И самое главное - впереди целое лето. Целое лето юности, буйной природы и отдыха. Я переворачиваюсь с одного бока на другой на своём мягком и удобном диване и мысленно ещё раз переживаю сегодняшний день.

Сегодня мы в последний раз ездили на практику от учебно-производственного комбината на Первое озеро. Впрочем, на самом деле оно называется Луговым, но все как-то привыкли к порядковому номеру и используют его вместо названия. Зря я, однако, при сдаче нормативов отбросил страховочные дублирующие педали. По технике безопасности это, конечно же, не положено, но мастер Огольцов направил ко мне в кабину Гутовского, а Сергей Гутовский - мой лучший друг. Перед другом хотелось показать себя с лучшей стороны, так что уговорить его снять страховочные педали было делом техники, хотя Гутовский согласился не сразу - словно чувствовал неладное. И проехал-то я прилично. И только в конце перед нашим ГАЗ-52 неизвестно откуда выскочил трактор "Белорус", в кабине которого сидели Маузеров в Сидоров из девятого "Б", тоже практиковавшиеся в вождении. Сейчас это смешно вспоминать, особенно растерянные физиономий "бэков", когда я, растерявшись, вместо тормоза нажал на газ и пошёл с трактором на таран. Гутовский в это время лихорадочно искал педали, но было уже поздно - раздался глухой удар, и обе машины остановились. Огольцов выругался, назвал меня "вороной", а Гутовского - "тормозом". Сидоров и Маузеров, убедившись, что их никто ни в чём не обвиняет, поспешили убраться восвояси. Впрочем, Огольцов тоже не особенно долго злился - трактор вообще был невредим, а у нашего "газончика" лишь немного погнулся передний бампер, который выровняли за каких-нибудь пятнадцать минут. После этого случая вождение закончили и повезли всех в УПК.

Там пришлось сгружать с кузова какой-то мотор. Игорь Жалейко отмочил довольно любопытный номер. По команде преподавателя Жоры мы дружно стащили железный механизм с кузова, дружно опустили вниз и, дружно отпустив, поднялись. Но поднялись не все - Жалейко, согнувшись в три погибели, продолжал держаться за мотор.

- Ты чего, Игорек? - удивился Машевский Сашка.
- Ой, мальцы, у меня там пальцы остались, - растерянно пробормотал Жалейко.

- Ну ты даёшь, так можно и без руки остаться! - озабоченно сказал Жора и скомандовал: - А ну, взяли!

Мы вновь схватились за мотор и переставили его на другое место, дав Жалейко возможность разогнуться.

- Ты больше так, парень, не шути! А ну, покажи пальцы! - озабоченно потребовал Жора.

- Да ничего страшного, Георгий Андреевич, - заверил Жалейко и показал свой заметно посиневший палец.

- Ничего себе - такая тяжесть на пальце, а он так спокойно себя вёл, - удивлённо сказал я Гутовскому.

- Его палец просто в песок вдавило, вот он и не проявлял никаких эмоций, - махнул рукой Гутовский.

- Да... Тебе бы так вдавило, - недовольно буркнул Жалейко, услышавший наш диалог.

Вечно с Жалейко что-нибудь случается.

По шоссе проехала какая-то машина, и зал осветился яркими, бегущими бликами. Хорошо, что наш дом далеко от дороги - и как это, интересно, живут люди в больших городах, где дорога рядом с домом? В том же Витебске или Донецке, например? Вон когда в Витебске у родственников ночевал в Синем доме, так половину ночи заснуть не мог - то автобусы с троллейбусами до часу ночи шумят, то какие-то пьяницы под окнами отношения выясняют. Всё же у нас в Городке с этим получше. Я ещё раз переворачиваюсь с боку на бок и проваливаюсь в какую-то полусонную дрему...

Мы снова на озере. Объявляют мой заезд. В центре трассы на красивом стуле в блестящем платье с короной на голове сидит Ольга Березнякова, самая красивая девчонка на свете. И тот из нас, кто лучше всего проедет, получит возможность сесть рядом с ней на другой, точно такой же и пока ещё свободный стул. Я старательно кручу баранку и, поддав газу, вижу, что Гутовокий, улыбнувшись, поднял большой палец вверх. А это значит, что у меня лучшее время и я смогу сесть на заветный стул. Но перед самым финишем на дорогу неожиданно выскакивает трактор, в кабине которого сидят Маузеров и Жора. "Тормози!" - кричит Гу-

товский. Я изо всей силы давлю на тормоз, но педаль со звоном уходит вниз. "Сломалась!" - кричу Гутовскому. "А запасная?!" - напоминает Сергей. Я ищу запасную... "Быстрее, ты что - спишь, что ли?!" - недовольно кричит Гутовский и, подбежав, начинает раскачивать корпус моего почему-то остановившегося "газона".

- Ты спишь? Вставай, - тихо повторяет Гутовский...

- Вставай, Игорек - к тебе уже Серёжа пришёл, - ласково повторяет мама, и я открываю глаза.

На кресле возле кровати сидит Гутовский и, чуть заметно улыбаясь, поглядывает в мою сторону.

- Сколько времени? - спрашиваю я и тру глаза.

- Уже пять минут десятого, пошли быстрее, - отвечает Гутовский.

Солнечное июньское утро встречает нас свежестью и ещё не успевшей окончательно исчезнуть ночной прохладой. Воздух пьянит своей чистотой и вскоре от моего сонного состояния не остаётся и воспоминаний. Шагая рядом с Гутовским, я оглядываю его снаряжение: старые школьные штаны, чёрный свитер, на ногах - потёртые кеды, за спиной - огромный, полинявший рюкзак. Мой, висящий за плечами, примерно втрое меньше.

- Ты что, лодку туда запихнул, что ли? - я, наконец, не выдерживаю и показываю на рюкзак Сергея.

- У старого партизана всё должно быть в полном порядке. Не то, что у тебя - только пакет с едой влазит, - со смехом парирует Гутовский.

- Да ты знаешь, сколько всего сюда лезет?! Да ну тебя! - мне становится обидно за свой рюкзак, и я перевожу разговор на другую тему: - А хорошо, что с нами в поход Козак идёт?

- Чего хорошего?

- Конечно, хорошо - себя гораздо свободнее можно будет чувствовать. А вот без Крысы я бы вполне обошёлся.

- А мне всё едино - что с Крысой, что без Крысы, - пожал плечами Сергей.

Крысой мы почти всем классом дружно прозвали нашу классную - Светлану Ивановну Немченко. На это было несколько причин. До девятого класса мы с Гутовским зани-

мались английским в подгруппе у Царёвой - доброй и не слишком требовательной женщины, в девятом же, когда произошло всеобщее слияние классов, мы попали в подгруппу к своей классной. И с первого же дня она невзлюбила нас с Гутовским за "дурацкое произношение и лень", а мы отвечали ей на уроках той же монетой за бесконечные придирки и совсем уже не вписывающиеся ни в какие ворота "тройки". Немченко к тому же "доставала" нас и на классных часах - вечно или я, или Гутовский были виноваты то в недостатке макулатуры, то в плохой уборке класса. Справедливости ради стоит отметить, что подобным образом она относилась к большей половине класса. Заслуженно это было или нет, сказать трудно, в юности все воспринимается слишком максималистски, на факт остается фактом: в классе Немченко не любили.

Около школы собралась уже большая половина нашего класса и с десятков девчонок из параллельного.

- Где это, интересно, "бэки"? Тут только их девчонки! - удивлённо спросил я у Гутовского.

- Может, ещё не пришли, - предположил Гутовский.

Мы подошли к крыльцу и чинно, по-взрослому, поздоровались с сидящими там Сивчуком, Жалейко и братьями-близнецами Машевскими.

- Ты, Серёжа, как будто в тайгу собрался. А топор тебе зачем? - спросил у Гутовского Машевский Олег.

- Ведмедя завалим - шашлык будет! - пошутил Гутовский.

Его брат в это время взглянул в сторону школьных ворот и, широко улыбнувшись, сбежал с крыльца. Проводив его взглядом, я увидел, что в воротах показались Ольга Березнякова и её подруга Марьяна Степаненко. Машевский уже давно бегал за высокой, стройной, светловолосой Марьяной, которую многие считали самой красивой девочкой школы. Именно ей и предназначалась улыбка Александра. Мне же гораздо больше нравилась Березнякова, резко выделяющаяся на фоне остальных девочек густыми чёрными косами, почти чёрными глазами и вообще каким-то неславянским, восточным обликом. Ольга напоминала мне восточную принцессу.

Впервые я познакомился о ней на школьном новогоднем

празднике года три назад, когда объединили первую и вторую школы в одну. Наша вторая, одноэтажная, сгорела, и нас временно перевели в первую, трёхэтажную. А рядом уже строилось нынешнее здание, куда нас всех спустя год и перевели, а в старой первой школе устроили УПК - учебно-производственный комбинат, где нас обучали профессиям шофёра и тракториста. Березнякова до слияния училась в первой, так что до новогоднего праздника 1980-го мы с ней не встречались.

На празднике она была в каком-то красивом маскарадном платье, украшенном десятками блёсток, и показалась мне в этом наряде самой настоящей принцессой. На меня же тогда Березнякова не обратила абсолютно никакого внимания. Впрочем, вряд ли её мог заинтересовать маленький, худенький шестиклассник. Стоит ли говорить, как я был рад, когда узнал, что в девятом классе Березнякова будет учиться вместе с нами.

Я тоже подошел к девочкам и поздоровался с обеими. Машевский тут же отвлёл Марьяну в сторону, и мы остались одни.

- Ну как настроение, походное? - спросила Ольга.

- Ничего. Только бы дождь не пошёл, - я посмотрел на небо с таким видом, словно всю жизнь занимался метеорологией, и это неожиданно рассмешило Березнякову.

- Что ты там такое увидел?

На самом деле без очков я мало что видел, но носить их стеснялся.

- Может, дождь пойдет...

- Это при такой-то жаре?!

- Может и при жаре пойти...

Мне хотелось поговорить о чём-нибудь другом, но, как назло, ничего другого не приходило в голову.

В это время подошла Кирпичевская из 9 "Б" и, к моему огорчению, увела Ольгу с собой.

Без четверти девять пришла Светлана Ивановна, а без пяти, едва не опоздав, "трудолик" Козак.

Козаку не было еще и тридцати. Он служил в десантных войсках и постоянно рассказывал одни и те же истории: как он служил «дальномерщиком» и таскал на себе дальномер

для корректировки огня, и о том, как у них в части провинившиеся должны были стоять несколько минут по стойке "смирно" и держать на вытянутых руках рацию. Кроме всего прочего Козак имел несколько писклявый голос, и когда нервничал, начинал очень быстро мигать глазами, что изрядно всех нас смешило. В следующем учебном году Козак должен вести у нас астрономию. Ребята из десятого говорили, что у него на уроках дисциплина не слишком строгая, и мы были даже рады, что в астрономы нам достанется Козак, а не, например, директор школы Хлебоборов.

Ещё во время занятий было решено идти в Щелбовские леса, в окрестности деревни Веречье. Леса и в самом деле были там отменные и пока еще сохранили дух чистой, почти первозданной природы. До Веречья было около двадцати пяти километров, и Гутовский с Машевским Александром были уверены, что мы пойдём пешком. Но, поскольку нам сказали захватить с собой деньги, я и Машевский Олег всё же считали, что на чём-то поедем.

Так оно и оказалось. В десять Немченко и Козак собрали всех возле крыльца и сообщили, что в десять сорок поедем автобусом до Смоловки, а затем пойдём пешком до Веречья последние семь километров. Это известие откровенно возмутило Гутовского:

- И что это за поход такой - на автобусе?! Нам скоро на зональные соревнования по туризму ехать, а в активе ни одного приличного похода нет. С таким же успехом могли бы разбить палатки во дворе школы.

- Кому не нравится - можно остаться дома, - недовольно заметила Немченко: - Тебе, Гутовский, что-то не нравится? У нас ведь девочки идут, неужели ты не понимаешь, что не всем под силу пройти такое расстояние?!

Гутовский презрительно хмыкнул и отвернулся.

- Тебе бы только с твоей дурустью землю ногами мерять! - возмутилась Пятитуркина, отличающаяся скандальным и развязным характером.

- А тебе лень?

- У меня еще крыша пока не поехала! А ты, если очень хочешь, можешь бежать вслед за автобусом, придурок! - подытожила Пятитуркина.

- Да ну тебя, сама ты дура! - рассердился Гутовский.

- Перестаньте, ребята, как вам не стыдно, - прервала перебранку Немченко.

- А что он... Ему солнце голову разогрело, вот и несёт всякий бред! - не унималась Пятитуркина.

- Нет, Серёжа, на автобусе и в самом деле лучше, - заметил Машевский Олег.

- И ты туда же?! - Гутовский повернулся ко мне и с надеждой спросил: - Ну а ты как?

Видимо, я состроил такую скептическую рожу, что Гутовский, не дожидаясь ответа, махнул рукой, плюнул и недовольно пробормотал:

- И это называется "туристы"! С таким настроением лучше вообще дома сидеть.

Гутовского почти никто не поддержал, разве что Сашка Машевский попытался что-то сказать о турслёте, но на него тут же зашикали, и больше всех его брат Олег.

Минут через двадцать приехал "Фердинанд" - автобус учебно-производственного комбината. Вообще-то автобус был собран на базе «ГАЗ-52», но "Фердинандом" его прозвали после недавно прошедшего сериала "Место встречи изменить нельзя". За рулём ко всеобщей радости сидел дед Забудуй - весёлый, жизнерадостный запорожец, лет десять тому назад приехавший в Городок с Украины. Дед Забудуй был очень маленького роста и при езде подкладывал под себя небольшую подушечку, чтобы лучше видеть дорогу. Зато в пути не было более весёлого и озорного шофера. Несмотря на свои шестьдесят, Забудуй больше всего любил пристроиться сзади какой-нибудь машины и, дождавшись всеобщего нетерпения, резко нажать на газ, обгоняя более осторожный и предсказуемый автомобиль. У школьников (по крайней мере, у мальчишек) всё это вызывало настоящий восторг, но учителя к проделкам Забудуя относились настороженно - мало ли что может случиться, ведь не дрова, а детей везет.

Дождавшись, пока все усядутся, Забудуй весело подмигнул Машевскому Олегу, а затем спросил у сидевшего впереди Жалейко:

- Ну, як палец?

- Так, ничего, - смутился Жалейко, потому что девчонки ещё ничего не знали.

- В мотор пальцы сுவаты нэ трэбо – цэ ж нэ дывчина! - засмеялся Забудуй.

Немченко осуждающе посмотрела на Забудуя, но тот, не обратив на это ровным счётом никакого, внимания, спросил:

- Ну так шо - йидэм?

- Поехали, - кивнул Козак.

Забудуй надавил на газ, и автобус рванул вперед. За Городком Забудуй разошёлся вовсю, и стрелка спидометра приблизилась к девяноста километрам. Немченко тут же недовольно поморщилась:

- Разве можно так быстро ехать - здесь ведь дети?!

Забудуй улыбнулся, что-то пробурчал себе под нос, но скорость все же сбросил.

- Будем сейчас половину дня тащиться, - недовольно заметил Машевский Олег.

- Я за вас отвечаю и прошу не спорить! - потребовала Немченко.

- Я и не спору! - огрызнулся Машевский и тихо, чтобы не услышала классная, добавил: - Вот Крыса!

За окном автобуса мелькали поля, на которых вовсю зеленели зерновые. По обочинам отцветали последние одуванчики, подставляя жаркому июньскому солнцу свои медово-желтые розетки. Было довольно жарко, и пришлось открыть почти все окна. Немченко попыталась было заикнуться о сквозняке, но её никто не слушал, и классная оставила нас в покое, не разрешив, правда, высовывать в окна головы.

- Чтобы придорожные столбы не сбивать! - уточнил Олег, и все засмеялись .

Через некоторое время все успели рассказать друг другу вчерашние новости, и в автобусе стало тихо и как-то скучно.

- Давайте песни попоём, что ли?! - предложил Машевский Сашка.

- Давайте, - поддержала Березнякова: - А что мы будем петь?

- Давай "Сильву», - шепнул я Олегу и, пока все договаривались, мы с Машевским заорали на весь автобус:

*У попа была корова,
Поп ее любил.
Чтобы корова была здорова,
Он её доил...*

Многие тут же прекратили споры и дружно поддержали наш дуэт:

*Доил и приговаривал:
Сильва, ты меня не любишь!
Сильва, ты меня погубишь!
Мало!
Молока даёшь!
Сильва, ты меня не любишь!
Сильва, ты меня погубишь!
Мало!
Молока даёшь!*

Немченко нахмурилась:

- И хочется вам эту дурацкую пэтэушную песню петь?

"Сильва" в нашем классе стала популярной благодаря ребятам, которые после восьмого класса ушли в СПТУ и техникум. Была она совершенно невинной, но почему-то страшно не нравилась классной. Мы, хорошо зная, что в песне нет никакого криминала, и что она не нравится классной, пели её при каждом удобном случае. Не для того, чтобы позлить Немченко, мы в общем-то были не злые, а из-за пока трудно понимаемого нами чувства инстинктивного протеста и бунтарства. Просто мы росли, казались себе уже взрослыми и, наверное, поэтому не отказали себе в удовольствии прогорланить эту песню еще раз, закончив "исполнение" невообразимым истерическим хохотом.

Забудуя рассмеялся, покачал головой и вновь нажал на газ, обогнав встретившийся по дороге газик-козелок.

"Бэки" и те из наших, кто пришёл только в девятом, песню хотя и знали, но любили всё же меньше и подпевали не так активно. Зато наши мальчишки (за исключением Жалейко) старались за четверых. Жалейко же просто стеснялся, но тоже по мере сил вносил свою лепту в общий стихийный хор.

После "Сильвы" Гутовский набрал полные легкие воздуха и, картинно прокашлявшись, запел, изображая знаменитого народного атамана:

*Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...*

*Все мальчишки, кроме Сивчука, тут же подхватили:
Выплывают расписные, острогрудые челны!
На переднем Стенька Разин...*

Песня получилась весёлой и залихватской. Понемногу подключились и девчонки. Голос Гутовского звучал некоторым диссонансом, и Пятитуркина не упустила возможность обратить на это внимание:

- Что ты, Гутовский, ревёшь, как сивый мерин, который собрался рожать?!

Гутовский на мгновение смутился и перестал петь, но затем решил не обращать внимания и ещё более энергично выдал несколько не совсем удачных нот. Пятитуркина в сердцах плюнула и отвернулась. Дождавшись конца песни, Гутовский как ни в чём не бывало спросил:

- А ты уже знаешь, как оно, когда рожаешь?

- Ах ты, скотина! - возмутилась Пятитуркина, но, взглянув на классную, всё же сдержала свои эмоции.

В Смоловку приехали уже в двенадцатом часу и, не останавливаясь для отдыха, отправились пешком по песчаной дороге в сторону Веречья. Солнце находилось уже в зените, и жара с каждой минутой становилась всё нестерпимее. Я с каждым шагом чувствовал всё большую жажду, но, глядя на невозмутимость Гутовского, пока помалкивал, рассчитывая, что о привале рано или поздно попросят девчонки. Песок раскалился до такой степени, что стали заметны горячие воздушные струйки, рождающиеся возле самой дороги и медленно поднимающиеся в небо. Тем не менее на горизонте чернели какие-то подозрительные скопления покатых, тёмных туч.

От былой утренней свежести не осталось и следа, и казалось, что весь окружающий воздух как-то сразу потяжелел и покрыл земную твердь душной пеленой. В кустах пронзительно пели птицы и стрекотали невидимые кузнечики.

Первой не выдержала классная. Где-то на полпути к Ве-

речью она окликнула Козака и решительно заявила:

- Пора сделать привал, девочки устали, и им нужно отдохнуть.

Козак кивнул и объявил нашему "цыганскому табору" двадцатиминутную остановку.

Девочки лишь немного отошли от дороги и, не желая углубляться в лес, расположились на небольшой возвышенности. Козак и Немченко сели чуть в стороне, а мы тут же исчезли среди деревьев. Машевский Сашка оторвал большой дубец и принялся налево и направо сшибать растущий по сторонам папоротник. Я не выдержал и засмеялся. Его брат Олег возмутился и попытался отобрать "саблю":

- Что ты, как дитёнок, - ещё соску в рот вставь!

- Отвяжись! - огрызнулся Сашка и, помахав некоторое время дубчиком, всё же выбросил его в кусты.

Наконец отыскали подходящую полянку, но путь к ней преградил большой ручей. Перепрыгнуть через него не было никакой возможности, и все с надеждой посмотрели на Гутовского, у которого, единственного из нас, на ногах были высокие резиновые сапоги.

- Могли бы и на этой стороне поесть, - проворчал Гутовский, но всё же спросил: - Кого первого тянуть?

- Давай меня, я самый тяжёлый, - предложил Олег, словно это могло иметь какое-то значение.

Обоих Машевских и Жалейко Гутовский перенёс без особых приключений. Взвалив на спину Колёсова, Сергей вошёл в воду, но на самой середине ручья споткнулся и, чтобы сохранить равновесие, поддёрнул Колёсова вверх. Старые, школьные, темно-синие штаны Колёсова не выдержали такого грубого обращения и с громким треском разошлись в стороны, обнажив ярко-красные трусы. Я не сдержался и засмеялся. Гутовский, посчитав, что я смеюсь над ним, предупредил:

- А тебя я вообще на этом берегу оставлю.

Колёсов не проронил ни слова.

- Да, Саша, как ты теперь с такими штанами нашим бабам покажешься? - крикнул я им вдогонку.

- А что - сильно видно? - наконец выдавил из себя Колёсов, расстроенный произошедшим.

- Конечно! - охотно кивнул я.

Меня это здорово забавляло. Машевские и Жалейко тоже засмеялись. Колёсов же готов был едва ли не расплакаться. Положение у него и в самом деле было незавидное. Во всяком случае, в таком виде попадаться на глаза девчонкам было явно нельзя. Гутовский, чувствуя за собой некоторую вину, раздраженно заметил:

- Ну что вы ржёте, как лошади?! У человека неприятность, а вы ржёте! Давайте лучше подумаем, что делать.

- Во-первых, меня перенеси - вот что делать! - крикнул я, сообразив, что обо мне явно позабыли из-за Колёсова.

Гутовский перенёс меня, и мы все вместе начали распаковывать свои рюкзаки и доставать оттуда продукты, попутно думая о том, что теперь делать с Колёсовым.

- Может, у кого нитки есть? - с надеждой спросил Машевский Сашка.

Ниток ни у кого не было.

- Придумал! - радостно крикнул Олег и, поспешно прожевав и проглотив кусок сала, предложил: - Ты обвяжи вокруг пояса рубашку, чтобы она сзади свисала, как будто бы тебе жарко - вот ничего видно и не будет.

- При ходьбе будет болтаться, - неуверенно предположил я.

- Не будет. Сейчас посмотрим - может всё ещё будет нормально, - заверил Машевский.

Наш разговор перебил отдалённый призывный крик Сивчука:

- Эй, мужики, вы где?!

- В Караганде! - в рифму ответил Гутовский, и все засмеялись.

Сивчук был любимчиком Немченко, но вот мы его определённо не любили. И даже трудно было сказать, за что именно. То ли за стремление всегда и всюду изобразить старание и высокий интеллект, которых, на наш взгляд, не было, то ли ещё почему. Порой просто не любишь человека и не всегда можешь объяснить, почему. Подобные чувства к Сивчуку испытывали почти все мальчишки, а на привале мы сознательно ушли в лес без него.

- Эй, мужики?! Вы где? - продолжал кричать Сивчук.

- Вот дурак - ему же объяснили! - засмеялся Машевекий Сашка.

- Ребята! - крикнул Сивчук.

- Молчите, пускай поищет, - злорадно заметил Машевский Сашка.

- Ему это полезно - пускай поищет, - охотно согласился Гутовский.

- Разве хорошо, что мы его одного бросили?! Надо его позвать, - возразил Олег.

- Зачем нам этот придурок нужен? Ну, давай - спасай! - раздражённо заметил его брат.

- Витёк! - позвал Машевекий Олег, но Сивчук не отозвался: то ли успел далеко отойти, то ли обиделся, поняв, что его оставили одного.

Назад перебрались точно таким же способом, но каждый перед тем, как залезть Гутовскому на спину, подтягивал штаны вверх, опасаясь, что с ним случится то же самое, что случилось с Колёсовым. Колёсову же бояться было больше нечего, и он соорудил из собственной рубашки некоторое подобие набедренной повязки, сдвинутой назад. Рубашка хоть и болталась немного в стороны при ходьбе, но всё же надёжно закрывала дыру. Во всяком случае, никто ничего не замечал, хотя и сам Колёсов старался теперь плестись в хвосте растянувшейся колонны.

В это время, как назло, подул лёгкий ветерок, и жара стала спадать.

- Саша! Колёсов! Может, ты одел бы рубашку, а то ещё простудишься. Тебе что, жарко? - спросила Немченко.

- Жарко, - кивнул Колёсов.

- А что это ты в конце идёшь? Может быть, устал? - не унималась классная. - Андрей Петрович, может быть вы как мужчина с ним поговорите? Что-то здесь не так, - попросила классная Козака.

- Хорошо, - кивнул Козак и пошел к Колёсову.

Мы с Машевским Сашкой пошли вместе с ним - отчасти с тем, чтобы помочь Колёсову, но в большей мере из-за желания не упустить их разговор. И, надо сказать, Козак оправдал наши ожидания. Так и не получив от Колёсова вразумительного ответа, он раздражённо спросил:

- Если у тебя всё нормально, что же ты плетешься, как в задницу раненый?!

Машевский посмотрел на меня, я на Машевского, и, не сговариваясь, мы дружно засмеялись громким, неудержимым хохотом. Колёсов растерянно улыбался. Козак был ещё слишком молодым учителем и понял все по-своему:

- А ну, прекратите поясничать!

- Мы не... Ха-ха-ха!. - попытался я что-то пояснить, но пока мог только смеяться.

- Я говорю, прекратите! Что с вами случилось?!

- Колёсов и в самом деле раненый! - наконец, смог произнести сквозь хохот Машевский.

- И как раз пониже спины! - уточнил я.

- Вы что, издеваетесь надо мной?! - вспыхнул Козак и быстро-быстро замигал, что с ним часто бывало в минуты сильного волнения. Мы с Машевским, видя, что Козак серьёзно расценил наше поведение, как вызов, перестали, наконец, смеяться и вместе с Колёсовым рассказали, что же произошло. Теперь улыбался уже и сам Козак:

- И что это вас через этот ручей понесло? Ладно, иди в конце. А вы ему хоть компанию составьте.

Было хорошо заметно, что Козаку неловко за свое поведение, и он быстро ушёл вперёд нагонять Немченко. Мы же с Машевским послушались его совета и остались вместе с Колёсовым, образовав замыкающую арьергардную тройку.

В Веречье пришли уже к обеду. Солнце окончательно исчезло, и небо заволокло низкими, свинцово-синими тучами. Я не удержался и крикнул:

- Сейчас как пойдёт дождь, вот и будет нам поход!

- Что ты всё время каркаешь?! Докаркаешься - и в самом деле пойдёт! - предупредил Гутовский.

Ближе к концу пути в самом начале деревни Веречье мы сфотографировались возле памятника в виде водружённого на постамент солдата в пилотке, склонившего голову к своему автомату ППШ. На постаменте была прикреплена табличка, где были перечислены фамилии погибших и, вероятно, тут похороненных - то ли при освобождении Вере-

ья, то ли самих вереченцев. Этого мы не знали.

- Да, сколько таких памятников по нашей Белоруссии разбросано, - задумчиво сказал Гутовский.

- Так вся наша земля кровью залита – тут, если везде памятники ставить, так сплошной музей получится. Вот и ставили, где важнее, - кивнул в ответ я.

Веречье оказалось довольно захолустной деревней, гораздо меньшей, чем Смоловка. Неподалеку от то ли большого ручья, то ли маленькой речушки стояла деревянная школа очень необычной формы, похожая на какой-то сказочный теремок. Как оказалось, раньше это была сельская церковь. Веру в Бога упразднили, а здание передали детям. Особенно мне понравилась крыша: казалось, что маленькая сказочная избушка поставлена сверху на большую.

Козак отправился на поиски местных учителей, чтобы отметить свои командировки, а Немченко предложила всем нам располагаться во дворе школы. Но сидеть во дворе было скучно, и вскоре все ребята (на этот раз и Сивчук) вышли к дороге и, достав мяч, предусмотрительно взятый под расписку из школьного спортзала, стали в круг и занялись перепасовкой. Чуть позже к нам присоединились Степаненко, Березнякова, Пушкина, Пятитуркина, затем другие девчонки, и круг стал настолько большим, что пришлось переходить к «бульбе». Игра в «бульбу» заключалась в том, что потерявший мяч садился в центр круга, и его можно было «выбивать», то есть попасть в него мячом, и тогда сидящий вновь мог встать. Впрочем, «выбиваемый» мог мяч поймать, и тогда садиться приходилось «выбивающему» или тому, кто последний до этого из круга коснулся мяча. Так продолжалось до тех пор, пока оставался стоять кто-то один. Игра считалась оконченной, и все вставали снова. Само собой особенной удачей считалось с силой ударить мячом в кого-нибудь из сидящих. Интересно и само название игры – «бульба». Возможно, оно возникло из-за схожести сидящих в центре круга с бульбинами, лежащими в кастрюле, котелке или костре. В любом случае игра имела своё национальное своеобразие и от этого почему-то лично мне казалась ближе и интереснее.

Лучше всех «резать» мяч получалось у Машевского Саш-

ки, и он даже разок здорово заехал мне по голове. Я был страшно разозлён и, когда мне представилась возможность, хотел ответить ему тем же, но промахнулся. Пришлось опять сесть в круг, где довелось получить по спине ещё и от Гутовского, движимого желанием поскорее выволить меня и поставить в строй.

Возле школьного забора появилась небольшая группа местной молодёжи. От неё отделились двое парней одного с нами возраста и сели неподалёку, принявшись наблюдать за игрой. При наших неудачах в игре они громко смеялись и отпускали шутки, попыхивая сигаретами. Наконец, Машевскому Сашке это надоело, и он раздражённо спросил:

- Какие проблемы, ребята?

- У нас нияких праблем. Это у тебя праблемы, наверно, - засмеялся чернявый парнишка и сверкнул вставленным металлическим зубом.

- Вам что-то надо? - поддержал Машевского Гутовский.

- Шакалада! - ответил чернявый.

Все перестали играть. В разговор вмешалась Пятитуркина:

- Эй ты, крест беззубый, вали отсюда!

- Мне што, каждая сучка указывать будет? - возмутился чернявый.

- Я, может и сучка, а ты, наверное, кастрат! - заявила Пятитуркина, и все засмеялись.

- Ребята, валите вы отсюда! - предложил Машевский Сашка.

Чернявый, не ожидавший такого напора со стороны Пятитуркиной, нецензурно выругался и, пообещав «разобраться», ушёл вместе со своим спутником к поджидавшим их неподалёку своим. Деревенские ещё пару раз прокричали что-то обидное, но, завидев возвращающихся Козака и ещё какого-то мужчину в зелёном пиджаке и серых, давно не глаженных штанах, сочли за лучшее куда-то исчезнуть.

Мужчина оказался завучем школы. Немченко и Козак оформили командировки, и мы наконец-то отправились в лес.

Особенно далеко идти не пришлось - почти сразу же за Веречьем начиналась такая непролазная чаща, что киломе-

тра через три мы свернули с лесной дороги в лес и, пройдя метров триста, решили разбить лагерь. Прежде всего нужно было распределиться по группам и решить, кто в какой палатке будет жить.

Старая досталась Машевским, Жалейко и Сивчуку. Я, Гутовский и Колёсов взялись за более новую.

Как обычно, никто не хотел жить в одной палатке с Сивчуком, но он то ли не замечал этого, то ли делал вид, что не замечает. В конце концов, Олег Машевский позвал его в свою палатку. Мы были только рады такому повороту событий. Сивчук тут же принялся указывать Жалейко, как и где нужно ставить колышки, и надоел Игорю ещё до того, как им удалось поставить палатку.

У нас палатка получилась отменной. Гутовский очень точно вырубил жерди по высоте, а мы с Колёсовым удачно закрепили растяжки. У Машевских тоже получилось сносно, но всё же значительно хуже, чем у нас.

- Это потому, что у них Сивчук слишком много командовал, - сказал я Гутовскому, и мы засмеялись.

Не успели мы ещё как следует разместить вещи в нашем временном жилище, как появился Козак и объявил, что нужно ставить палатки девочкам.

- Могли бы и сами что-то сделать, - пробурчал Гутовский, глядя в сторону тех девочек, которые вообще сидели сложа руки: - Вон Марьяна с Березняковой уже почти поставили палатку.

- Это ведь девочки, и им надо помочь. Они - хрупкие и нежные, - назидательно заметил Козак.

- Там на некоторых пахать можно! - огрызнулся Гутовский, но мы всё же отправились ставить палатки.

Я бы с удовольствием помог Березняковой, но она с Марьяной, ещё двумя девочками и Машевским успели всё сделать, и мы решили помочь Рите Сазоновой. Ритка вообще была мировой девчонкой - весёлая, жизнерадостная и вместе с тем трудолюбивая и отзывчивая. Матом она тоже не ругалась, и это было едва ли не одним из самых главных достоинств. Про себя мы даже прозвали маленькую, щупленькую, светловолосую Ритку «идеальной женой». И сейчас её светлая макушка мелькала перед палаткой - Рита то сгиба-

лась, то вновь распрямлялась, закрепляя в земле колышки.

И нам, и Машевским пришлось поставить по две палатки. Козак поставил одну себе и неподалёку ещё одну - для Немченко. Ещё немного, и лагерь был готов. Палатки стояли большим полукругом, охватывавшим с трёх сторон обширную поляну.

На поляне было решено устроить костёр. Козак предложил мальчишкам сходить за хворостом, что мы охотно и исполнили. На берегу протекавшего неподалёку большого ручья (видимо, того самого, который повстречался нам ещё до Веречья) мы обнаружили большую засохшую вербу. Гутовский предложил её сломать и принялся раскачивать руками из стороны в сторону. Машевский Сашка и Жалейко принялись ему помогать, и вскоре всё закончилось тем, что верба, не выдержав такой атаки, рухнула вниз, увлекая за собой всех трёх «лесорубов». Гутовскому и Жалейко ещё относительно повезло, потому что упали они в прибрежную траву, а вот Машевский угодил по колено в воду.

- Вот дураки! – подытожил его брат.

Как бы то ни было, но вербу удалось всё же доставить в лагерь, и она надолго обеспечила топливом костёр. Во всяком случае, охапки хвороста и валежника, принесённые нами чуть позже, послужили скорее дополнением.

Подошло время разжигать костёр. Мы с Гутовским делали это, пожалуй, лучше всех остальных. Причём особый шик заключался в том, чтобы костёр загорелся без бумаги от первой же спички. Мы с Сергеем тут же принялись спорить, кто будет зажигать. Чтобы как-то решить этот вопрос, пришлось бросить пятикопеечную монету. Выпала «цифра», и Гутовский с довольным видом присел возле костра. Вокруг столпился почти весь лагерь. Все с любопытством наблюдали за нашей возней.

Я ничуть не сомневался, что Гутовскому удастся разжечь огонь с первой спички, но в самый последний момент Сергей, уже поднёсший спичку к куче тщательно отобранного мха, проглотил какую-то мошку и, закашлявшись, погасил пламя. Стоявшие рядом Березнякава и Степаненко засмеялись, и я был весьма рад неудаче друга – пришёл мой звёздный час. Теперь нужно было не совершить ошибки.

Я даже закрыл рот, чтобы не повторить участь Сергея. Но легко сказать – не совершить ошибки. Березнякова стояла у меня за спиной и внимательно наблюдала за всеми моими действиями. Мне даже казалось, что я чувствую её дыхание. Мох, приготовленный Гутовским, был хорош и я не стал ничего менять. Ещё мгновение - и вверх по сухим сучкам и веточкам побежали весёлые, ослепительно-жёлтые язычки пламени. Лагерь ответил дружным «ура», а Березнякова даже провела мне рукой по волосам и искренне похвалила:

- Ну ты, Игорь, молодец!

Я, наверное, был похож в это время на собаку, довольную тем, что хозяин потрепал его по шерсти за удачно принесённую палку, потому что проходившая мимо Пятитуркина фыркнула и, дав мне по затылку щелбан, назидательно заметила:

- Не привыкай к ласке!

- Что ж ты, Серёжа, так не оправдал доверия?! – игриво спросила Ольга у Гутовского.

- Подумаешь! Тищенко мой мох взял, вот у него всё и получилось. Если бы не эта мошка, я бы показал вам класс!

- Не надо с открытым ртом стоять, - улыбнулась Марьяна.

- Ладно – будет и на нашей улице праздник, - добродушно махнул рукой Гутовский, и стало совершенно ясно, что он не слишком огорчён своим проигрышем и оправдывается больше для того, чтобы поддержать свою репутацию лучшего «поджигателя».

Девочки принялись готовить обед. Вскоре выяснилось, что почти никто не взял с собой хлеб. Я вполне мог обойтись и без хлеба, но многие начали ныть и, посоветовавшись, Немченко и Козак решили сформировать фуражирную команду, отправив кого-нибудь в ближайшую деревню: или в Веречье, или ещё куда-нибудь поблизости, чтобы купить у жителей хлеба. Задание показалось мне не слишком приятным. Сразу же перед глазами возникла картинка, как какая-нибудь не слишком доверчивая бабка гонит нас взащей с криками: «Ходют тут разные, а патом грошы прападають!». Но тут, как назло, вперёд вышел Гутовский:

- Можно, мы с Тищенко пойдём?

- И кто тебя за язык дёргал?! – раздражённо сказал я Сергею, пытаюсь его хоть как-то образумить.

Но было уже поздно – Козак, словно опасаясь, что других охотников больше не отыщется, быстро согласился:

- Хорошо. Деньги у вас есть? Мы потом соберём и отдадим.

- Есть, - кивнул Гутовский.

- Надо с ними и кого-то из девочек послать, - предложила Немченко.

Согласилась почему-то только одна Селезнёва.

Как бы то ни было, а минут через десять мы, освободив рюкзаки для предполагаемого закупленного хлеба, двинулись в путь. Едва мы отошли от лагеря, как я тут же налетел на Гутовского:

- Тебе что, больше всех надо?! Ишь, какой умный, они все на месте сидят, а мы, как идиоты, будем вокруг болтаться. Мало, что ли, сегодня отходили?!

- Очень интересно возле костра сидеть. Ты лучше наслаждайся природой, изучай местность. Может быть, мы с тобой здесь в первый и в последний раз в жизни.

- Можно подумать, что сюда стоит ездить каждый год.

- Да не ворчи ты. Лучше скажи, что ты хотел остаться из-за..., - Гутовский хотел сказать «Березняковой», но, взглянув на Ритку, вовремя замолчал.

- Что ты и в самом деле разнылся, Игорёк? Наслаждайся природой! – поддержала Сергея Селезнёва.

- Я не разнылся, - обиделся я на Селезнёву, но тут же рассмеялся.

В лесу и в самом деле было здорово. Правда, немного досаждали комары, так что приходилось всё время махать руками, но мы к этому быстро привыкли. Здесь, в Веречьи, деревья были совсем не похожи на те, что росли в окрестностях Городка: огромные лесные исполины, давно перешагнувшие столетний рубеж, не шли ни в какое сравнение с ещё довольно молодыми лесопосадками вокруг нашего города. У нас, правда, тоже попадались большие участки природного леса, но здесь всё вокруг было настоящим и настраивало на какое-то необычное, сказочное ощущение. Покрытые лишайником голубоватые стволы елей с треском

почти касались друг друга верхушками крон, раскачиваемые порывами сильного ветра и порой казалось, что сейчас какое-нибудь дерево не выдержит и рухнет вниз.

- Так и кажется, что сейчас из-за поворота выскочит Иван-Царевич, сидящий на спине матёрого волка, - улыбнулась Рита.

- Иван-Царевич, - передразнил Гутовский, - Здесь километров десять выше проходил торговый путь «из варяг в греки». И викинги, и наши частенько на горбу свои челны таскали из Ловати в Днепр и обратно.

- У викингов не челны назывались, - поправил я друга.

- А как?

- Не помню, на языке вертится, а вспомнить не могу.

- А ещё поправляешь! Да я и сам помню, что не челны, - согласился, наконец, Гутовский.

Вообще-то Сергей был довольно упрямым парнем, но, если удавалось доказать, что он не прав, Гутовский всегда охотно признавал свои ошибки.

- Здесь до войны была большая партизанская зона, - решил переменить тему Сергей.

- Угу, - кивнул я. - А Смоловка?

- Что Смоловка? Ты к тому, что там полицаи жили? У меня мама родом из Смоловки. На самом деле в Смоловке и партизан много было, а полицаев там – всего с десятков.

- Ничего себе – мало!

- Так ведь до войны наши деревни гораздо больше были – не то, что теперь. Так что если в Смоловке больше ста дворов было и под восемьсот человек жителей, эти десять придурков погоды не делали, - продолжал защищать Смоловку Гутовский.

- Наверняка в других деревнях полицаев было меньше, вот и повелась за Смоловкой такая недобрая слава. Зато уж тут, в Щелбовских лесах, партизаны советскую власть чуть ли не два года удерживали! - заметил я.

- Ну, мальчишки, откуда вы всё это знаете?! - искренне удивилась Рита.

- Книжки надо читать, - полушутя, полусерьёзно сказал я, хотя на самом деле всё это мы знали больше по рассказам тех, кто воевал и партизанил в здешних местах.

Минут через пять набрали на старый, заброшенный хутор. Вход в единственный дом, почерневший от времени, был наглухо заколочен прибитыми крест-накрест досками. Точно также были забиты и окна. Кое-где сохранились трухлявые, полусгнившие жерди забора. Мы с Гutowским поломали ногами пару жердей, но потом запротестовала Селезнёва:

- Что вы, как дети?! Зачем ломать то, что и так уже сгнило?!

- Да кому это нужно, - буркнул Гutowский, но ломать мы всё же перестали.

В другое время мы обязательно залезли бы и в дом, но сейчас было не до того. Увидев в центре двора заброшенный колодец-журавль, Ритка попросила нас достать воды, чтобы напиться. Гutowский дёрнул жердь с ведром вниз, и она тут же оторвалась, едва не заехав мне по голове.

- Ну, всё – остались без воды, - вздохнула Селезнёва.

- Спокойно, Ритка, всё будет нормально, - заверил Гutowский и сунул жердь с ведром в колодец.

Пока он тащил жердь назад, вся вода вылилась через многочисленные дырки насквозь проржавевшего дна старого ведра.

- Ну что стоишь – помогай! – крикнул мне Гutowский, и мы уже вдвоём погрузили ведро в воду и принялись быстро тащить жердь наверх.

После второй попытки удалось достать немного воды и напоить изрядно удивлённую нашими действиями Селезнёву. Затем точно таким же способом попили и сами, причём Гutowский из-за излишнего усердия даже загнал себе занозу, которую ему тут же вытащила своими длинными ногтями Селезнёва.

- Ладно – пошли за хлебом, а то вы совсем загулялись! – засмеялась Рита.

- Сама ведь воды просила, - улыбнулся Гutowский, и мы пошли на поиски обитаемого жилья.

Почти сразу же за хутором мы набрали на небольшую деревушку.

- Сейчас бы одеться в военную немецкую форму, шмайсер в руки и в деревню – матка, яйца, млеко! Вот бы хохма

была! – засмеялся Гутовский.

- Ну да, а потом какой-нибудь дед, старый партизан, как шамальнул бы из берданки – сразу бы пожалел о своей шутке, - возразил я другу.

- А что – я читал, что где-то снимали фильм про партизан и молодые ребята из массовки пошли в деревню и так и сказали: «Бабка, млеко, шнапс, яйки!». А бабка войну хорошо помнила, так даже померла от разрыва сердца со страху.

- Ну и что им было? – спросила Селезнёва у Гутовского.

- Посадили... Я точно не помню, - как-то растерянно ответил Сергей, и я даже заподозрил, что он всё это выдумал, но вслух ничего не сказал.

Когда мы подошли к первому дому, я поинтересовался:

- Как будем просить хлеб?

- А ты поклянчи: дайте три корочки хлеба! – засмеялся Гутовский.

- Да ну, я говорить не буду. Ты сам говори, - отказался я.

- Пусть Ритка говорит, - наконец, сообразил Гутовский.

- Но..., - попробовала протестовать Селезнёва.

Мне пришлось срочно поддержать Сергея:

- Правильно, правильно, Рита! Ты - девочка, тебе скорее поверят. А то на нас могут подумать, что мы грабители.

- Тоже мне, грабитель, - хмыкнула Рита. – Ну ладно, раз уж вы так боитесь, я сама буду разговаривать.

- Кто это боится?! Кто это боится?! – возмутился Гутовский.

Я тут же толкнул его в бок и шепнул:

- Ты что, дурак? Тебе хочется клянчить, как нищему?!

- Нет.

- Ну вот и молчи.

В первом же доме нам дали булку чёрного хлеба, напоили молоком и не взяли ни копейки. Пожилая хозяйка взглянула на небо и сокрушённо вздохнула:

- Шчас як лине вам на галаву, дык усе прамокните, во вам и паход буде.

- Да вроде не должно дождя быть, - не слишком уверенно сказал Гутовский и тоже взглянул вверх.

- А я им давно об этом говорю, - поддержал я хозяйку.

- Ой, хлопчыки – ну, кали дождж пойде, дык хоть да мяне

приходите – хоть сколько, а спать палажу, - на прощание предложила хозяйка.

В следующем доме никого не оказалось, а через один нам тоже бесплатно дали половину булки. Я в шутку предложил:

- Если всё же будут просить деньги – давайте давать не «двадцон», а «пятнастик»?

- Это ещё почему? – насторожилась Рита.

- Так мы две копейки переплатим, а так три сэкономим.

- Ты что – серьёзно?! – широко раскрыла глаза Селезнёва.

- Вполне, - кивнул я и постарался сделать серьёзное выражение лица.

- Да слушай ты больше этого болтуна – он тебе и не такое расскажет! – засмеялся Гутовский.

В следующем доме хлеба не было, и нам, хоть мы и отказывались, взамен дали сало. В конце концов мы добыли ещё две булки хлеба и ни за одну не взяли ни копейки. В этом была вся белорусская деревня – не слишком богатая, но искренняя и радушная.

В итоге на руках у нас было четыре булки хлеба и большой шмат сала. Хлеба было вполне достаточно, да и деревушка уже закончилась, и мы отправились в обратный путь.

Перед самым лагерем я дёрнул Гутовского за руку и предложил:

- Давай себе одну буханку оставим, а остальное отдадим в общий котёл.

- Да ну, зачем?! – пожал плечами Гутовский.

- Что значит – «зачем»?! Затем, что хлеб скоро съедим, и опять его будет не хватать, - попытался убедить я Гутовского.

Мне не столько хотелось утаить хлеб, сколько просто возникло желание пошутить. Я представил, как мы меняем хлеб, например, на ветчину и, засмеявшись, рассказал об этом Гутовскому. Сергей тоже засмеялся, представив эту картину, и засомневался.

- Перестань, Игорь! Что это ты такое придумал, а? Не стыдно товарищей обделять?! – набросилась на меня Рита.

- Слушай, Ритка, можно подумать, что они там все блокадники из Ленинграда. Небось, дома натрескались на не-

делю вперёд. А мы по лесу лазили – нам за это усиленное питание полагается, – попытался убедить я Селезнёву.

Рита долго не соглашалась, но постепенно наши уговоры возымели действие, и она пошла на компромиссный вариант: мы сдаём в общий котёл три целые буханки и три четверти сала, а себе забираем одну четверть и полбулки чёрного. Заодно отдаём и два рубля, которые нам так и не понадобилось тратить. Мы даже предложили Рите «войти с нами в долю», но она это гордо отвергла, но всё же пообещала прийти к нам в гости.

- У неё есть шикарный клубничный компот, – пояснил мне на ухо Гутовский.

И Козак, и Немченко были вполне довольны нашей работой, но Немченко строго заметила, что надо было всё равно заплатить деньги.

- Так ведь не брали же – силой не заставишь?! – пожал плечами Гутовский.

- Надо было на пороге где-нибудь положить или на заборе..., – продолжала настаивать Немченко.

Я тут же хмыкнул:

- Ну да, чтобы куда-нибудь в щель копейки закатились. Их бы никто и не увидел даже.

Классная вздохнула, намекая на нашу несправедливость, но оставила в покое.

Зато прицепился Машевский Олег:

- Пойдём за хворостом?

- Слушай, Машевский, тебе надо всю ночь за хворостом ходить, чтобы хоть половину пройти того, что мы за хлебом натоптали. Так что отстань! – я тут же отрицательно покачал головой.

Машевский, впрочем, особенно настаивать не стал.

Мне уже довольно сильно захотелось есть, а кашей, которую варили на костре девчонки, пока даже и не пахло.

- Всё, Сергей, пошли трофейное сало есть, – предложил я Гутовскому, не выдержав голодных «мучений».

Гутовский, видимо, чувствовал то же самое, потому что тут же согласился.

Мы нашли Колёсова и Селезнёву и вчетвером отправились в нашу палатку.

- А откуда у вас сало? – подозрительно спросил Колёсов.
- От верблюда. Я из дома привёз, - подмигнул я Гутовскому, и мы оба рассмеялись.

- Это они, Саша, украли из общей доли, - пояснила Рита.
- Ничего себе «украли»! У самих себя не воруют! – возмутился Гутовский.

- Мы просто правильно распределили паёк, - поддержал я друга.

Колёсов выслушал всё это совершенно спокойно и, на мгновение задумавшись, отправил большой кусок сала и хлеба в рот.

- Не смотри так, Рита, на Сашу – он ещё подавится, чего доброго, - пошутил я.

Как мы и рассчитывали, Рита принесла с собой бутылку с клубничным компотом.

- Может, там у тебя вообще фронтной самогон для старых партизан? – с показной надеждой спросил Гутовский, хотя на самом деле спиртное мы пили только по очень большим праздникам, да и то больше для шика друг перед другом.

- Обойдётся и компотом.

Бутылку выпили сразу, потому что компот был не приторно сладким, а разбавленным и очень вкусным.

Разомлев от сытости и усталости, мы попадали на дно палатки и растянулись прямо на полу, точнее – на папоротниках и еловых лапках, которые мы заранее набросали под брезент. Рита лежала прямо между мной и Гутовским, а Колёсов прилёг у входа. Первое время мы негромко переговаривались, а затем замолчали, прислушиваясь к гомону и шуму, доносящимся сквозь тонкий брезент со стороны костра и остальной части лагеря. Каша, видимо, была уже почти готова, потому что запах гречки проникал даже внутрь нашей палатки.

Ложились мы без всякой задней мысли, но теперь я чувствовал что-то довольно странное: мне нравилось своей рукой ощущать руку Риты, и по телу начало медленно разливаться ещё едва осознаваемое, сладкое юношеское возбуждение. Рита, видимо, тоже чувствовала себя не совсем в своей тарелке – она, похоже, осознала, что ей не очень при-

лично лежать вот так запросто между двумя парнями на дне палатки, но ни с того, ни с сего подняться и уйти ей тоже было не совсем удобно.

Наконец, Гутовский осмелел и провёл рукой Рите по груди. Селезнёва тут же раздражённо сбросила с себя руку Сергея, села и густо покраснела. Я тут же схватил её за талию и, опьянённый собственной смелостью, повалил Селезнёву на дно палатки. Колёсов удивлённо привстал и смотрел на нашу троицу широко раскрытыми глазами.

- Пусти! – раздражённо прошептала мне Рита.

- Ну, чего ты? Лежи! – точно также шёпотом ответил я, не разжимая объятий.

Убедившись, что разговаривать со мной бесполезно, Селезнёва перешла к более решительным действиям. Для начала она впилась зубами мне в руку. Было больно, и я тут же отпустил свою «пленницу»:

- Ты что, Ритка?! Крыша поехала?!

- Ему же больно! – возмутился вместе со мной Гутовский и схватил Риту за плечи.

Сделал он это зря. Потому что Селезнёва тут же залепила Сергею звонкую пощёчину. Гутовский схватился за щеку и некоторое время все трое молча сидели рядом, не зная, что делать дальше.

- Что это вы тут делаете, а?! – раздался над самым ухом голос Пятигуркиной. которая уже давно смотрела на нас сквозь сетку единственного слухового окошка. - Селезнёву зажимаете?!

- Дура! – крикнула Рита и выскочила из палатки.

- Вот ведь сука! - зло буркнул Гутовский.

- Конечно, сука! – охотно согласился я.

Всё это слышала проходившая неподалёку классная и тут же заглянула в нашу палатку:

- Что это тут у вас происходит? Что вы с Селезнёвой делали?

- Ничего мы не делали, - пожал плечами Гутовский.

- Смотри, Гутовский, доиграешься! Эти выходки тебя до добра не доведут.

Видя, что Крыса всё своё внимание сосредоточила на Гутовском, я молчал, не желая привлекать к себе внимание.

Попутно ни за что ни про что досталось Колёсову. Меня же гнев классной миновал – она, наверное, решила, что раз я самый маленький, то эти вопросы интересуют меня меньше других. Я, конечно же, был только рад такому повороту событий.

От более подробных расспросов и внушений нас спасло только то, что Козак принялся созывать всех на обед. Мы уже и так неплохо подкрепились, но всё же сидеть у костра широким кругом вместе со всеми было и здорово, и интересно. Да и каша, сваренная девчонками, на открытом воздухе казалась нам вкуснее домашней.

Поначалу общим вниманием завладел Козак, рассказывавший какие-то истории из жизни охотников, но круг был слишком большим для того, чтобы его слышали со всех сторон одинаково хорошо, и постепенно все разбились на маленькие группки.

Небо заволокло тучами, и верхушки сосен, среди которых расположился наш лагерь, с треском и шумом болтались из стороны в сторону. Неожиданно забарабанили первые капли не сильного, но всё же неприятного дождя. Девчонки, схватив свои миски с кашей, с визгом разбежались по сторонам, стараясь спрятаться от дождя у самых стволов. Машевский Сашка стащил с себя болоньевую ветровку и, натянув её наподобие тента над головой у Марьяны и Ольги, стоял, не обращая никакого внимания на дождь.

- Тоже мне, Ромео! – буркнул его брат, оказавшийся вместе со мной и Гутовским под одним и тем же деревом.

- Если бы он вместе с нами встал под дерево, то остался бы сухим. И девчонки бы особенно не намокли, - заметил Гутовский.

Я промолчал, потому что просто завидовал Сашке и охотно бы поменялся с ним сейчас местами, защищая от дождя Березнякову.

Дождь закончился быстро, и, за редким исключением, почти все остались сухими. Машевский Сашка промочил свои кеды и теперь сушил их возле костра. Мы ещё раз сходили за хворостом и разложили его вокруг огня, чтобы ветки немного просохли до того, как их бросят в костёр.

Каша всё же немного подгорела на дне котелка. Кир-

пичевская объяснила это тем, что палкой перемешивать неудобно и нужна большая ложка, которую никто не догадался захватить с собой. Машевский Олег вызвался вырезать большую деревянную ложку ножом, и мы с Гутовским и Колёсовым, снедаемые любопытством, решили составить ему компанию.

У Машевского был большой перочинный нож и он, отыскав подходящую на его взгляд ветку, принялся вырезать из неё ложку. Ветка показалась мне слишком узкой, и я сразу же решил, что из этой затеи не выйдет ничего путного. Гутовский же и Колёсов наперебой предлагали свою помощь и этим больше мешали Машевскому, нежели помогали. Ложка, в конце концов, так и не получилась. Глядя на изрезанную и искромсанную дощечку, в лучшем случае похожую на заготовку для ложки, Гутовский насмешливо заметил:

- Да уж, Олег, прямо скажем, не силён ты в этих делах. А ещё говорил: отец учил, отец учил!

- Нож немного тупой, да и дерево я не совсем подходящее подобрал, - угрюмо оправдывался Машевский.

- Плохому танцору всё мешает! - возразил Сергей, и мы все засмеялись.

Машевский окончательно рассердился и, поломав ложку о колено, выбросил обломки в кусты. Мне почему-то стало жалко эту злополучную ложку:

- Ну зачем ты её выбросил?! Можно было постепенно доделать. Ведь ложки, наверное, не так и быстро делаются, да?!

- Конечно, не быстро! Быстрота нужна только для ловли блох. Ну да чего уж теперь - надо было вам всем меньше ржать! - раздосадовано махнул рукой Машевский.

Едва мы вернулись в лагерь, как вновь начался дождь, да такой сильный, что многие палатки начали протекать. И как ни хотелось нам остаться ночевать в лесу, пришлось воспользоваться предложением местных учителей и вернуться в Веречье. Сборы под дождём были далеко не самым приятным занятием и окончательно испортили нам настроение - поход явно не удался.

В Веречьи мы остановились в опустевшем на лето интернате. Девчонки и Крыса расположились в одной комнате, а мы с Козаком – в соседней. В каждой из комнат стояла большая русская печка. Печки придавали интернату более домашний, неказённый вид.

По закону подлости дождь закончился, едва мы успели расположиться на новом месте.

- Может, вернёмся в лес? – предложил Гутовский. – Дождь ведь всё равно кончился.

- Ага, а через час опять польёт, - заметил Сивчук.

- Витя прав: дождь может опять пойти в любую минуту. Да и в лесу сейчас всё насквозь промокло – даже костёр разжечь нельзя..., - возразила классная.

- Мы разведём! – заверил Гутовский.

- Там переночевать толком нельзя.

- А, может...

- Нет, ребята, мы останемся здесь! – решительно заметила Крыса. – Я хочу спать сегодня спокойно.

Она ещё не знала, что всего через несколько часов пожалеет о том, что не согласилась вернуться в лес. Нас ожидала далеко не самая спокойная ночь, но об этом чуть позже.

Почти все поддержали классную, и Гутовский возвращаться в лес больше не предлагал.

Едва успев обсушиться, мы устроили во дворе интерната импровизированную парикмахерскую. Марьяна Степаненко считала себя хорошим парикмахером-любителем и для начала решила продемонстрировать свои способности на самом подходящем в данном случае объекте – на Машевском Сашке. Подходящим Машевский был как раз потому, что не мог отказать и покорно сел на вынесенный на улицу интернатовский табурет. Я и ещё несколько любопытных обступили Машевского со всех сторон, словно сейчас ожидали увидеть некое цирковое представление. Ольга Березнякова тут же разогнала нас подальше от центра, чтобы никто не мешал, и Марьяна начала стричь. В моде были достаточно длинные волосы, но у Сашки они были слишком длинными, и обрезать их было не лишним. У Марьяны и в самом деле получалось стричь неплохо и минут через десять перед нами предстал совершенно преображённый

Машевский.

Олег тут же занял место своего брата. Сивчук попробовал было сесть раньше, но его одёрнула Березнякова:

- Витя, ну куда ты лезешь? Надо ведь близнецов одинаковыми опять сделать.

Сивчук что-то буркнул и отошёл в сторону. Мне это не слишком понравилось, но я промолчал.

У Олега причёска получилась такой же аккуратной и красивой. Всё время, пока Марьяна стригла его брата, Сашка буквально пожирал её глазами. Между тем меня больше интересовала Березнякова, которая стояла рядом с Марьяной и иногда давала советы, к которым Степаненко, впрочем, не очень-то и прислушивалась. Я представил себя на месте Машевского, а Ольгу - на месте Марьяны и подумал, что это было бы весьма неплохо.

После Машевского на стул сел Сивчук, но нам это было уже не интересно. Жалейко стричься не захотел, а я, Гутовский и Колёсов были накануне и так коротко острижены в государственной парикмахерской. Я вообще заметил одну интересную особенность: если мода на длинные волосы, то в парикмахерской стараются подстричь как можно короче. То ли так с модой борются, то ли работать ленятся - короче подстрижёшь, не так скоро клиенты придут снова.

Пришла Кирпичевская и объявила, что в клуб привезли кино, и предложила желающим сходить посмотреть.

- А откуда ты знаешь про кино? - спросила у неё Березнякова.

- Так на улице афиша висит, - пояснила Кирпичевская.

Кирпичевская тоже была жгучей брюнеткой, но, в отличие от Березняковой, всегда казалась мне почему-то некрасивой. Как раз об этом я и подумал, когда она рассказывала про фильм. «А интересно, вот бы она, наверное, обиделась, если бы могла прочесть мои мысли. И вообще жить было бы непросто, если бы люди знали, что кто думает. Вот, например, сиськи у Пятитуркиной ничего, а у Сивчука из тесных штанов между ног так торчит, словно кусок шланга к животу привязали. Вот бы они сейчас мои мысли услышали!», - подумал я и, улыбнувшись, рассказал обо всём Гутовскому.

- А вот именно поэтому люди и не могут читать мысли

друг друга. Иначе бы все давно перессорились, - философски заметил Сергей.

Первоначально я собирался пойти в кино вместе со всеми, но потом, выяснив, что Березнякова решила остаться, раздумал. Гутовский удивился, но так ничего и не сказал. Вместе со мной остался и Колёсов, который раздобыл где-то иголку с нитками и принялся зашивать штаны, попросив меня постоять в дверях нашей комнаты, чтобы никто не вошёл.

Саша почти справился со своей работой, когда в дверь постучали. Я держал за ручку с внутренней стороны, поэтому на всякий случай спросил:

- Кто там?

- Я, - ответила Березнякова.

От радости я тут же забыл про Колёсова и его штаны и широко распахнул дверь.

- Сюда нельзя! - испуганно завопил Колёсов, присев за кровать.

- Ой, простите! - смутилась Ольга и выскочила из комнаты. - Что это Колёсов там делает? - добавила она уже из коридора.

- На горшке сидит! - буркнул я вполголоса, недовольный тем, что Березнякова ушла.

- Кто это на горшке сидит?! - возмутился Колёсов. - Я ведь просил тебя покараулить - неужели так трудно было?!

- Да не трудно мне...

- Так чего же ты еёпустил?

- Я думал, что ты уже закончил.

- Я бы сказал.

- А-а! - махнул я рукой. - Ну, скоро ты?

- Уже всё.

Мы взяли мяч, сходили за Ольгой и втроём вышли на улицу. Пока Колёсов зашивал штаны, успел пройти небольшой дождик. Земля была мокрой, и стоило нам несколько раз упустить мяч, как он тут же испачкался, и играть руками было уже нельзя. Мы попробовали поиграть в футбол, и по покрасневшему личику Ольги было видно, что ей эта затея пришлась по душе, но вскоре вновь пошёл дождь, и мы вынуждены были вернуться в интернат. Ольга пошла в

комнату девочек, где они в присутствии Крысы, оставшейся обеспечивать порядок в интернате, рассказывали друг другу всякую чушь. Мы же с Колёсовым вернулись к себе. Сидеть и слушать дождь было скучно, и я уже жалел, что не ушёл, как все, в кино. Но жалеть было уже поздно.

Впрочем, когда наши вернулись, оказалось, что фильм был нудным, да к тому же его не удалось досмотреть до конца: в самый разгар сеанса сломалась киноустановка.

- Сегодня у нас будет весёлая ночь! – предупредил меня перед отбоем Гутовский.

- Почему?

- Местные обещали в гости прийти.

- Крыса как крикнет, так всё Веречье распугает, так что ловить им у нас нечего, - возразил я.

Уснуть нам и в самом деле удалось не скоро, потому что едва Козак объявил отбой и погасил свет, как местные принялись бегать под окнами вокруг интерната, время от времени выкрикивая ругательства и барабаня по стёклам. Девчонки принялись кричать, но это только раззадорило вереченскую шпану. Немченко попыталась было высунуться в форточку и разобраться с хулиганами, но почти сейчас же рядом с её головой просвистел кусок глины.

- Скройся, сука! – крикнул кто-то из темноты, и нападавшие засмеялись, увидев, что Крыса поспешно ретировалась.

Мы обо всём этом узнали позже, а пока сидели в своей комнате, «обороняя» два окна. Козак убежал спасать девчонок.

Стучали и к нам. Машевский Олег осторожно, чтобы не швырнули булыжником, выглянул в окно:

- Ничего себе, там их человек с десять собралось.

- Так ведь и нас тут семеро, да ещё плюс Козак. Надо выйти и разобраться! - предложил Машевский Сашка.

- Так ты и разберёшься! Их там наверняка больше, чем десять, да и постарше нас есть. К тому же они пока ничего особенного не сделали, - заметил Сивчук.

Мы с Гутовским промолчали, так как ещё не решили, как нужно поступить. Молчал и Колёсов. Лишь Жалейко без особого энтузиазма поддержал идею Машевского.

Из комнаты девчонок вновь раздались крики, и Машев-

ский Сашка предложил всем идти к ним на выручку.

- А здесь комнату оголим? – резонно спросил Гутовский.

- Ну, вы с Тищенко оставайтесь здесь, - махнул рукой Машевский с таким видом, словно они уходили на фронт, а мы должны были остаться в глубоком тылу.

- Между прочим, вы там будете обороняться двумя классами под руководством Козака и Крысы, а мы тут останемся вдвоём, - заметил я на прощание.

- Ну, пусть с вами ещё Колёсов остаётся, - предложил Сашка, заметив, что Колёсов и без того не собирался вставать с кровати.

- А вообще, девчонок надо защитить! – назидательно заметил Сивчук.

- Иди-иди, защитник! Будете там кучей дрожать, - буркнул Гутовский.

- Нет, ну вы смотрите: сами боятся с нами идти и нас же в трусости обвиняют! - возмутился Сивчук.

- А ну их! – махнул рукой Сашка.

- Идите, спасатели! - огрызнулся и я.

Самым неприятным было то, что в разгар нападения мы не проявили ни взаимопонимания, ни согласованности.

Едва наше «подкрепление» подошло к девчонкам, сразу же начался нешуточный штурм. Коридор наполнился дымом, и мы поняли, что к девчонкам забросили несколько «дымовух». Наши тут же их выбросили назад, но «дымовая атака» окончательно вывела из себя самых слабонервных, а Крыса и вовсе выскочила в коридор и уселась посреди прохода на стуле.

Мы с Гутовским и Колёсовым остались в нашей комнате весьма кстати: сразу же после атаки на девочек деревенские взялись за нас. Шпингалеты на рамах давно проржавели и нападавшие без труда распахнули одно из двух окон и зашвырнули к нам сразу три «дымовухи». Мы с Гутовским тут же отправили два «подарка» обратно, а вот Колёсов немного замешкался и уронил свою «дымовуху» под кровать. Гутовский быстро подхватил её и швырнул в окно. Сделал он это вовремя, потому что один из деревенских уже пытался залезть внутрь. «Дымовуха» попала ему в лицо, и парень, громко выругавшись, прыгнул назад на землю. Тут же

из темноты полетели булыжники. Мы присели за кровати, подобрав несколько брошенных в нас камней. Колёсов не успел одеться и сидел прямо в трусах. Ночь выдалась холодной, и из-за открытого окна стало холодно и в комнате, и Колёсов закутался в одеяло, напоминая своим силуэтом нечто среднее между привидением и пастухом.

Услыхав грохот падающих на пол булыжников, к нам прибежал Козак и уже с порога попытался урезонить местных:

- Ребята, лучше прекратите по-хорошему! Иначе завтра будем с участковым разбираться.

- Ой, як страшна! – ответил кто-то из местных, и они засмеялись, но камни бросать прекратили.

Несколько местных парней подошли к открытому окну и принялись насмешливо и бесцеремонно разглядывать нас и Козака. Мы тоже вышли из-за своих «укрытий». Вечером я неосмотрительно оставил на столе, стоящем возле самого окна, свой металлический квадратный фонарик, и теперь один из местных тут же сунул его себе в карман.

- Отдай фонарик! – потребовал я, но было уже поздно.

- Какой фонарик? – спросил у меня Козак.

- Пад глазикам, дядька! Пад глазикам! – перебили его местные.

Они были явно постарше нас на несколько лет.

- Ребята, я вам ещё раз говорю: идите по домам! – продолжал уговаривать Козак.

- Ну ты, дядя, и метеор! – заметил в ответ один из местных. – Толька што у девак б'ыв, а тяпер ужэ тут.

- Ня трогай яго, а то счас як дасть па шэе! – толкнул его второй, и местные опять засмеялись.

- А што, и правда страшный дядька! – поддержал первый.

- Ён, наверна, у десанте служыв – гляди, як глазами лупае! – продолжал издеваться второй, заметив, что Козак начал от волнения часто-часто моргать.

- Ну, фэйсам аб зямлю тармазив, кагда за парашутам валачывся! – добавили из темноты.

- Так ты, дядька, у десанте служыв? – спросил первый.

Весь комизм ситуации заключался в том, что Козак и в са-

мом деле служил в ВДВ, и мы об этом знали. Он тоже знал, что мы это знаем, и теперь никак не мог придумать, как выйти из этого положения. Местные же восприняли всё по-своему:

- Нешта заваняла!

- Наверна, десантник у штаны ад страха налажив!

- Ты, дядька, ня бойся, мы тябе не сильна бить будем.

- Ребята, идите домой! – продолжал твердить Козак.

- А то што?

- Иначе завтра будем разговаривать уже с участковым. Кстати, кража фонарика – уже уголовное дело! – предупредил Козак.

- Да падавитесь вы им! – разозлился местный и бросил в комнату украденный фонарик.

Я едва успел подхватить его у самого пола.

В комнате у девочек снова раздались крики, и Козак ушёл туда.

- Мужики, шли бы вы и в самом деле спать, чего зря ерундой страдать?! Или вам делать нечего? – спросил Гутовский.

- А што вы папратались? Вышли б на улицу, сделали дискатеку?! – неожиданно миролюбиво предложил местный, вернувшийся мне фонарик.

- Да мы вымокли все в лесу и после похода устали, - ответил я, стараясь «заговорить зубы».

Пока люди не видят друг друга, они преисполнены неприязни к неким безликим «врагам», но стоит им хоть немного пообщаться, агрессия и злоба постепенно уходят.

- А чаго астальные сбегли?

- Никуда они не сбежали – пошли девчонок защищать, - пояснил Гутовский.

- Да – дявчонкак... Жди! Пайшли пратацца пад юбки. Выхадите – будем танцы устраивать.

- Да поздно уже, мы спать хотим! – отказался Гутовский.

Местные вновь начали терять терпение, и мы уже думали, что без «штурма» не обойдётся, но нас выручил неожиданно появившийся взрослый мужчина, который обматерил местных и отогнал их от окна.

- Да вы што, дядя Петя, мы ж так, проста на танцы хатели их пазвать, - оправдывались местные.

Мы думали, что неведомый дядя Петя подойдёт к нам, но он уселся на лавку перед интернатом. Туда же подошли и местные. Саму лавку нам не было видно из-за больших кустов сирени, но по мерному и неторопливому говору было ясно, что они нашли общий язык.

- Наверное, их участковый, а, может, и председатель, - заметил Гутовский.

- Тоже скажешь – станут они председателя дядей Петей называть. Да и не участковый это, может, колхозник просто какой-то или чей-нибудь батька, - возразил я.

Как бы то ни было, но шум затих, и мы, воспользовавшись неожиданной передышкой, плотно закрыли окно на оба шпингалета. Я с довольным видом сильно дёрнул за ручку и заметил:

- Ну, всё – теперь не откроют!

- Только если стекло разобьют, - согласился Гутовский.

Минут через двадцать «дядя Петя» ушёл, и местные тут же возобновили свои попытки попасть внутрь. Убедившись, что все окна плотно заперты, они принялись за входную дверь. Снаружи в неё колотили кольями. По всему периметру косяка на пол начала осыпаться штукатурка. Козак пробовал уговорить местных уйти, но в ответ раздавалась лишь нецензурная брань и предложения «выйти поговорить». Немченко тут же предупредила Козака, чтобы он никуда не выходил, но Козак и сам не горел желанием «разговаривать».

Входная дверь была закрыта на массивный железный крючок, который при каждом ударе грозил выскользнуть из петли.

- Тащите верёвки, привяжем ручку к петле! Игорь, принеси верёвку – она у меня в рюкзаке лежит! – крикнул мне Гутовский.

Я бросился в нашу комнату, по пути едва не сбросив Немченко со стула, и вывернул всё содержимое рюкзака Гутовского на пол: искать по-другому было просто некогда. Наконец, верёвка была найдена и, быстро вернувшись в коридор, я подал её Козаку, который привязал ручку к петле несколькими прочными узлами.

Гутовский в это время отбирал топор у Машевского Саш-

ки, которому всё ещё хотелось открыть дверь и сделать вылазку наружу.

Привязав ручку, Козак взял у Гутовского отобранный у Машевского топор и предупредил, чтобы без него никто не выходил. Немченко, до сих пор испуганно сидевшая на стуле посреди коридора, внезапно предложила:

- Давайте петь песни, чтобы было не так страшно. Помогайте! *Вихри враждебные веют над нами...*

- У классной крыша от страха поехала, - шепнул мне Гутовский.

Козак растерянно смотрел на коллегу, не зная, что сказать.

За дверью тоже слышали пение и стали смеяться. Немченко то краснела, то бледнела, но продолжала петь. Несколько девчонок поддержали, и песня зазвучала громче. Мне стало стыдно и за классную, и за подпевавших ей девочек. Машевский Сашка, рассерженный тем, что у него отобрали топор и испытывающий сейчас те же чувства, что и я, наконец, не выдержал:

- Да прекратите вы, Светлана Ивановна!

Окрик получился настолько резким, что классная удивлённо замолчала и растерянно посмотрела на Козака.

- Саша, держи себя в руках! - предупредил Машевского Козак.

- А что она, как дура?! - огрызнулся Машевский и, махнув рукой, ушёл в нашу комнату.

- Спасибо, Саша! - обиженно крикнула ему вслед Немченко.

- Пожалуйста! - донеслось из комнаты.

- Не хватало нам ещё между собой перегрызться! - укоризненно сказал Козак и неожиданно строго предупредил:

- Держите себя в рамках приличий, а то некоторые совсем языки пораспустили!

Перебранка Машевского с классной окончательно испортила всем настроение. По лицам одноклассников я видел, что, если местные попробуют еще раз ворваться внутрь, мы сами откроем дверь и выйдем на улицу.

Но всё закончилось так же неожиданно, как и началось: то ли местные нашли себе более подходящее занятие, то ли

решили идти спать, но, так или иначе, вскоре вокруг интерната воцарилась тишина. Мы тоже решили идти укладываться спать.

Эмоции всё ещё били через край, и стоило нам с Гутовским переступить порог комнаты, как на Сергея сразу же набросился Машевский Сашка:

- Тебе что, делать было нечего?

- А что? - улыбнулся Гутовокий, сделав вид, что не понимает, почему злится Сашка.

- Что ты улыбаешься, как придурок?! Зачем у меня топор отобрал? - ещё больше рассверипел Машевский.

- А что, надо было ждать, пока ты кого-нибудь по голове тюкнешь? - вопросом на вопрос ответил Гутовский.

С его лица исчезла улыбка. Сашка Машевский сжал кулаки и, подойдя к Гутовскому вплотную, предупредил:

- Не дай бог еще раз так сделаешь!

- Как?! - с вызовом спросил Гутовокий.

- Сам знаешь.

- Да он просто задницу рвал перед учителями! За такое по шее бить надо! - подлил масла в огонь Сивчук.

- А тебя вообще никто не спрашивает! - огрызнулся Сергей. - Ну?! Чё ты хочешь, а?!

Последнее относилось к Сашке. К Машевскому подскочил его брат, схватил за плечи и оттащил в сторону. А затем, обернувшись вполоборота к Гутовскому, зло заметил:

- Ты, Серёжа, и в самом деле не зарывайся. А то ведь на силу всегда другую силу найти можно. Да и с местными ты не очень-то хотел свою силу показывать. Вы с Тищенко даже девчонкам помочь не хотели: зашились тут, как зайцы. Еще и о чём-то с местными сюсюкали. Наверное, боялись, чтобы они вам по шее не надавали.

- С нами еще и Колёсов был.

- И он - то же, что и вы.

Это было уже слишком - обвинять нас в трусости. Положим, я и в самом деле испытал несколько неприятных минут, но...

- Послушай, Олег, мы тут не отсиживались, а комнату охраняли, - пришлось вмешаться в разговор уже мне.

- А чего ее охранять?

- Они бы могли просто-напросто влезть здесь через окно. А разговаривали мы, чтобы заговорить им зубы и рассмотреть внимательнее, чтобы запомнить в лицо.

- Да что ты, Игорь, им объясняешь, они сами побежали под юбки прятаться. Это ты, Сашка, наверное, специально перед Марьяной с топором бегал? - вспыхнул Гутовский.

- Чего?! - Машевский вновь сжал кулаки, но в это время в комнату вошёл Козак.

Он сразу же с порога понял, в чем дело, и устало присел на свою кровать:

- После драки кулаками не машут. Не хватало еще драку между собой начать. Ложитесь все спать, завтра к девяти пригласили ветерана в школу, чтобы он рассказал про войну.

Гутовский, пожав плечами, разделся и лёг в свою постель. Машевский едва слышно выругался, но тоже лег. За окнами уже начинался рассвет.

Проснулся я от того, что под утро мне нестерпимо захотелось на улицу. Но идти одному было как-то неловко: во-первых, ещё нужно было суметь развязать в темноте дверь, а во-вторых, после всего, что случилось, мне казалось, что чуть ли не за каждым кустом нас караулит целый отряд местных. Это, конечно, было смешно, потому что местные уже давно видели сны, но мне всё равно было не по себе. Сев на кровати и свесив ноги на холодный пол, я стал думать, как бы разбудить Гутовского. Но тот тоже не спал:

- Ты чего, Игорь?

- На улицу хочу!

- Я тоже хочу. Пошли.

- Давай хоть оденемся, а то разбудим наших, и будем посреди коридора в одних трусах стоять.

- Давай, - согласился Гутовский.

Когда мы уже выходили из комнаты, нас окликнул Жалейко:

- Мальцы, вы куда?!

- На улицу, - шёпотом пояснил Гутовский.

- Подождите, я тоже с вами, - так же шёпотом попросил Жалейко.

- Давай быстрее, Игорь!

Подождав Жалейко, мы осторожно, выбрались в коридор. Интернат спал. Из комнаты девочек доносился чей-то храп.

- Интересно, кто это там храпит? - улыбнулся Жалейко.

- Наверное, Крыса, - шепнул Гутовский, и мы вполголоса засмеялись.

- Не смешите! - попросил я.

На улице было уже довольно светло, но в коридоре, в котором не было ни единого окна, царила непроглядная тьма. Добравшись на ощупь до двери, я нашёл ручку и попытался развязать веревки. Но не тут-то было: после бесконечных попыток местных высадить двери узлы затянулись настолько туго, что мои пальцы не смогли ничего сделать. Я выругался и с досадой оставил дверную ручку в покое.

- Ты чего, Игорёк? - удивился Жалейко.

- Ой, мальцы! Быстрее отвязывайте! - завопил я, да так громко, что Гутовский даже зажал мне рот.

- Тихо ты, придурок - сейчас всех разбудишь.

- Да ну тебя к чёрту!

Пока мы препирались, Жалейко возился у двери. Некоторое время из темноты доносилось лишь его сопение, да какое-то странное чавканье. Затем Жалейко принялся плевать.

- Эй, Игорёк, ты что там делаешь? Клопов зубами давишь, что ли? - спросил Гутовский.

- Я верёвку перегрыз, - пояснил Жалейко, продолжая выплёвывать обрывки ниток.

Вместе с Сергеем они принялись распутывать то, что осталось, и, наконец, дверь отворилась, и в коридор вместе со светом ворвался поток свежего утреннего воздуха. Мы друг за другом выскользнули на улицу.

- Как мало человеку нужно для счастья, - философски заметил Гутовский.

Можно было возвращаться, но свежее летнее утро очаровало нас своей красотой: белёсое море тумана со всех сторон окружало интернат, и казалось, что мы стоим на маленьком острове посреди огромного океана молочных снов. Где-то неподалёку пели соловьи, и их трели проникали глубоко в душу. Хотелось раствориться во влажном воздухе и вместе

с клубами тумана под птичье пение улететь далеко-далеко, в какую-нибудь сказку. Под ногами ярким бисером переливались серебристые капельки утренней росы. Молодая июньская листва тихо шелестела в такт соловьям и мы, не желая нарушить гармонию природы, молча слушали мелодию летнего утра.

В деревне запели петухи.

Войдя внутрь, мы вновь завязали ручку верёвкой и отправились досматривать свои сны. После улицы я не мог уснуть и долго ворочался с бока на бок, то проваливаясь в глубокую дремоту, то вновь возвращаясь к действительности.

После подъёма, который устроили в восемь, мы долго приходили в себя. Почти у всех были усталые, измождённые лица. У Немченко под глазами четко пропечатались большие синеватые мешки. Разговаривать никому не хотелось, лишь время от времени мы лениво перебрасывались несколькими фразами и затем вновь надолго замолкали.

Наскоро позавтракав тем, что осталось со вчерашнего дня, мы собрали вещи, заперли интернат и пошли в школу, где нас уже поджидали местные учителя и приглашённый ветеран. Немченко с порога принялась описывать "ужасы" прошедшей ночи и директор пообещал сходить за участковым, пока ветеран будет рассказывать нам о войне. Немченко вначале отказывалась, а затем, испугавшись, что директор может раздумать, согласилась.

Ветеран оказался ещё вполне себе бодрым красноносым старичком, не брезгующим, видимо, тесным общением с зелёным змием. Обычно такие ветераны рассказывали интересно, и я уже настроился послушать очередные байки и прибаутки. Но ветеран сразу же заунывным голосом стал рассказывать свои автобиографические данные, и, пока он дошёл до самой войны, половина наших уже клевала носами. Я тоже дремал, подперев голову руками. Пару раз голова соскальзывала вниз, а я, испуганно встрепенувшись, открывал глаза. Мне было стыдно, что я так отношусь к рассказу человека, спасшего нас от фашизма, но не было сил, и я мечтал только об одном: добраться до автобуса, упасть на сиденье и спать, спать, спать...

Ветеран отбубнил свой заученный и, видимо, не раз озвученный рассказ и, так и не дождавшись вопросов, поблагодарил за то, что его пригласили. Немченко поблагодарила в ответ. Я тоже поднялся и сказал:

- Спасибо вам большое, что вы нам всё это рассказали и за то, что благодаря вам мы теперь можем жить в свободном Советском Союзе.

- И вам всем спасибо, что меня послушали. Такие вы все молодые и красивые! - расчувствовался ветеран.

- Тебя что, Немченко попросила выступить? - спросил уже после встречи Гутовский.

- А что, нельзя человеку просто так хорошие слова сказать?

- Можно, но..., - Гутовский пожал плечами и не стал продолжать.

- Да мне просто неудобно было, что мы спали, - добавил я, увидев, что на Сергея мой ответ не произвёл должного впечатления.

- А почему спали? Потому, что вереченские придурки нам ночью спать не дали, - сказал услышавший наш разговор Машевский Сашка.

- Давайте им на доске на память наши автографы оставим? Пускай, козлы, прочитают! - предложила Пятитуркина.

- Конечно, можно и оставить, но Козак и Крыса скоро приедут, все увидят и все равно заставят стереть, - возразил я.

- А мы на втором этаже напишем, - предложил Сашка, и мы гурьбой отправились наверх.

В самом верху, где раньше, видимо, располагался церковный купол, мы нашли маленький класс всего с шестью партами и учительским столом и принялись расписывать доску мелом. Больше всех старались Пятитуркина и ее подруга Симченко. Впрочем, оба Машевских не слишком от них отставали. Мы же с Гутовским наблюдали за работой одноклассников на некотором расстоянии с видом знатоков-художников, рассматривающих картину издали. Через какую-нибудь минуту вся доска была испещрена нецензурными ругательствами и обидными для вереченцев над-

писями. Но обилие написанного привело к тому, что всё сливалось в сплошную трудночитаемую абракадабру. Немного подумав, я предложил сделать по-другому и вместо всех этих надписей написать одну хорошо заметную обидную фразу. Все согласились и доверили мне написать начало. "Эй вы, вереченские козлы! Мы запомним, какой приём вы нам устроили в своей вонючей дыре! Приезжайте к нам в Городок и..." "Мы вас всех замочим!" - добавил Машевский Сашка. На этом решили закончить, хотя Пятитуркина и проворчала по поводу того, что можно было написать и что-нибудь более грубое и с нецензурными словами. Но мы всё же уговорили её этого не делать, подстраховавшись на тот случай, если классная или Козак обнаружат наши художества.

Спустились вниз мы как раз вовремя: почти тут же вернулись Козак и Немченко в сопровождении директора школы. Мне стало не по себе при мысли, что он сейчас поднимется наверх, но директор, подождав, пока мы выйдем на улицу, закрыл школу и, пожелав нам счастливого пути, пошёл домой. Теперь мне стало просто стыдно за всех нас и, если бы не запертая дверь, я, наверное, поднялся бы тайком от всех остальных наверх и стёр бы эту дурацкую надпись.

По пути на автобусную остановку, куда должен был вскоре подъехать рейсовый автобус, я нёс два рюкзака - свой и Березняковой. Я болтал, не закрывая рта, и это было особенно заметно на фоне всеобщего молчания. Березнякова тоже вовсю щебетала, не замечая, что в нашу сторону с улыбками начинают посматривать одноклассники. Заметив, наконец, их пристальные взгляды, мы оба смутились и стали вести себя более сдержанно.

Когда мы были на остановке, начал моросить мелкий холодный дождь и все здорово продрогли, дожидаясь автобуса. В салоне мы оказались едва ли не единственными пассажирами. Я, Гутовский и Жалейко удобно устроились на заднем сиденье и продремали до самого Городка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЕННЫЕ СБОРЫ

Бег в противогазах. Я готовлюсь не к оборонительным, а к наступательным военным действиям. Как я убил во время прогулки семерых одним ударом. Маузерова назначают дежурным, а Мурикова и Колёсова – дневальными. Рассказываем анекдоты. Мы с Сивчуком и Сацем чистим картошку. Появляется желание попить пива. Мурикова отправляют за пивом и бросают в него сверху пустыми бутылками. Наши фотографируются, но без меня. Все ломают деревянные автоматы, а я оставляю свой на память. У Колёсова прямо на посту украли автомат и спрятали его у него же в постели. Правда ли, что немцы за столом портят воздух? Едем на настоящее стрельбище в военный городок. Мне, по мнению Козлова, не хватает стабильности при стрельбе.

Пот заливал глаза. Казалось, ещё немного, и сердце выскочит из груди и помчится само по себе впереди меня по этой лесной тропинке, которую я уже почти не видел. Круглые глаза-иллюминаторы посерели от пропитавшегося влагой талька, и я едва не упал навзничь, споткнувшись о выступающий из-под земли корень сосны. Бежавшему вслед за мной Колёсову повезло меньше: он всё же растянулся прямо на тропинке. Сапёрная лопатка колотила по спине и нестерпимо ныло в боку. На плечах неудобно болтался деревянный автомат. Но надо было терпеть: сегодня

первый день наших самых первых в жизни военных сборов.

Колонна бегущих растянулась на несколько сот метров, и казалось, что это инопланетяне в скафандрах только что высадились из летающих тарелок и начали атаку на защитные бастионы землян. Мы, ещё недавно бежавшие каждый своим «взводом», давно перемешались в общую кучу. Маузеров, Николаев и Сидоров из девятого «Б» вместе с Гутовским бежали где-то далеко впереди. Оба Машевских, Сивчук, Жалейко, Иванюга и Коржановский из «Б» вперемешку с деревенскими держались в «золотой середине», а вот я, Колёсов, Муриков и Сац были скорее в арьергарде. Но сказать наверняка уже было ничего нельзя, потому что всё давно перепуталось. Бежать в самом конце было и стыдно и неприятно, но мне казалось, что я вот-вот могу испустить дух, поэтому хотелось только одного: хотя бы добежать до конца.

Рядом без противогазов бежали военруки, подгонявшие без разбора и своих, и чужих, потому что с трудом узнавали нас, одетых в противогазы. Перед забегом многие советовали вытащить из противогазов клапаны, но военруки проверили каждого и заставили вставить клапаны обратно.

Выбежав из леса, я увидел, что Николаев и Гутовский, прибежавшие первыми, посрывали с себя противогазы и с блаженным видом попадали в траву. Почти тут же к ним присоединились Маузеров, Сидоров и несколько деревенских. Мне хотелось сделать то же самое, но до заветного финиша было ещё метров триста, которые я пробежал на пределе сил и, сорвав, наконец, душный противогаз и глотнув свежего воздуха, едва не потерял сознание и без сил рухнул на траву.

- А ну вставайте, а то простудитесь! - пытались поднять нас наш военрук Козлов и руководитель сборов капитан Кобылкин, но мы, будучи не в силах подняться, лежали в траве.

К их голосу присоединились деревенские военруки, и нам, в конце концов, всё же пришлось сесть.

- Первый маршбросок в противогазах сделали и уже умираете?! Завтра ещё раз пробежку сделаем! - «успокоил» капитан Кобылкин.

- Эдак я и до дома не доживу, - пошутил, я и все засмеялись.

- Да ты должен как самый маленький быстрее всех бегать! - возразил мне Кобылкин.

Я вовсе не считал себя самым маленьким, так как ростом примерно с меня были и Муриков с Сацем из параллельного класса, и кое-кто из деревенских, но по весу я почти наверняка был самым маленьким, и замечание капитана меня всерьёз рассердило.

Тем более, что Сивчук, улучив момент, тут же пошутил:

- Наш Тищенко быстро бегают, когда бежим по ветру, его тогда ветер несёт. А сегодня встречный ветер, вот Тищенко и относил назад!

Все опять засмеялись. Я хотел сказать Сивчуку что-нибудь обидное, но, так и не придумав ничего подходящего, просто послал его подальше.

- Это кто там матерится? Ты, Тищенко? - недовольно спросил стоящий рядом Медведев.

- Вам показалось, Сергей Иванович, - заверил я Медведева, но он, скорее всего, мне не поверил, потому что зло предупредил:

- Смотри у меня, а то язык гвоздём проткну!

Я, конечно же, понимал, что язык мне колоть никто не станет, но Медведев сделал такое злобное лицо, что я, на мгновение представив, как это будет выглядеть, счёл за лучшее побыстрее исчезнуть и затеряться в толпе.

После маршброска пришлось окапываться. Я едва отошел от бега, и на рытвё земли уже просто не осталось сил. Рядом Гутовский копал, словно бульдозер - я не выкопал и половины, когда он уже отложил лопату в сторону.

- Ну что ты, Тищенко, никак окопаться не можешь? - недовольно спросил проходивший мимо Кобылкин.

- Так я, товарищ капитан, в армии не буду окапываться, всё равно ведь на нас никто не наступает.

- Когда будут наступать, будет уже поздно учиться. Вон как твой друг уже окопался.

- Так он к оборонительным действиям готовится, а я - к наступательным, - пошутил я, желая, чтобы Кобылкин поскорее ушёл, потому что на нас уже начали обращать вни-

мание.

Наконец, Кобылкин ушёл, а ко мне подошел Гутовский и сочувственно поинтересовался:

- Помочь?

- Еще чего, я сам, - отказался я.

Мне стало стыдно, и, поплевав на ладони, я принялся вгрызаться в землю. Окопаться мне удалось лишь ценой двух больших мозолей на внутренней стороне каждой ладони. Впрочем, как оказалось, только у нас с Гутовским была глина, а у остальных - песок. Но это меня мало радовало: Гутовский, не в пример мне, справился с трудностями.

После рытья окопов нас наконец-то повели на обед. Медведев попытался было заставить нас петь строевую песню, но наше псевдомузикальное кривляние быстро вывело его из себя:

- Воете, как коты, которых за хвосты тянут! Отставить!

Обедали в обыкновенной столовой деревни Межа, где и проходили сборы, которая на это время была превращена в «солдатскую». Всё превращение заключалось в том, что нас заводили строем внутрь, ставили по стойке смирно, что само по себе здорово всех забавляло, и по команде заставляли садиться и есть. Причём времени на обед давали очень мало: всего около десяти минут. Колёсов и Жалейко торопились так, словно в случае опоздания им грозил как минимум Освенцим. Меня раздражали их сосредоточенные, давящиеся едой физиономии. Сам я не особенно торопился, предпочитая поесть нормально, но задерживаться за столом в то время, когда остальные выбегали по команде на улицу, тоже было не особенно приятно.

- И зачем мы так торопимся? Можно подумать, что в армии мы всё время будем обедать за десять минут до начала атаки противника. Если кто даже и нападёт неожиданно, можно вообще без еды пережить. Так что вся эта спешка - большая тупость! Я чуть хлебом не подавился! - возмущенно сказал я Гутовскому, когда мы выбежали на улицу.

- Дисциплину вырабатывают... Хотя, конечно же, это дурасть, - согласился Гутовский.

- А вы почему так торопитесь?! - набросился я на Жалейко и Колёсова: - Из-за вас поесть нормально нельзя.

Колёсов пожал плечами и посмотрел на Жалейко. Тот возразил:

- Почему из-за нас?! По команде выбегаем...

- Если бы вы сидели, то и команду бы военруки позже давали. А так вы бежите раньше всех, вот и мне выбегать вслед за вами приходится.

После обеда Кобылкин устроил всем строевую. Часа полтора мы бесцельно маршировали на берегу озера, а затем нас привели в интернат.

Я только было собрался прилечь, как пришел Козлов и объявил построение на ужин.

Ужин был ничего, но Гутовскому не понравился чай, и поэтому Кобылкин вывел нас из-за стола даже раньше обычного.

Перед отбоем прямо в коридоре интерната устроили вечернюю поверку. Все построились возле своих комнат во главе с военруками. Кобылкин вышел в центр и принялся называть фамилии. Те, кого он называл, должны были кричать «Я!».

- Слушай, это ведь тоже показуха: ну и что будет, если я, например, домой уеду или просто на поверку не приду?! - шепнул я стоящему рядом со мной Жалейко.

- В школу сообщат... А по большому счету, конечно, ничего не будет. Это, наверное, потому, что они за нас отвечают - мало ли что, - шепнул Жалейко.

Я кивнул.

- Эй, Тищенко и Жалейко! А ну-ка тихо! - шикнул на нас Козлов.

- А сейчас все выходим на вечернюю прогулку, - объявил Кобылкин.

- Это ещё что такое?! - удивился я.

- Сейчас посмотрим, - улыбнулся Гутовский.

«Прогулка» заключалась в том, что мы взад-вперёд маршировали по шоссе и пели строевые песни (вернее, не столько пели, сколько дурачились). Всё это было одновременно и глупо, и вместе с тем загадочно романтично. Порой мне казалось, что я перестаю слышать крики и топот десятков ног, и по сумеречной Меже движется или даже плывёт в остывающем, колеблющемся воздухе растянутая

многоголовая колонна. Самую большую неприятность нам доставляли комары: их было так много, словно все эти крылатые маленькие вампиры специально слетелись из всех окружающих Межу лесов и болот, чтобы попить нашей крови и в прямом, и в переносном смысле. Почти все время приходилось колотить себя по щекам, и я, прихлопнув трёх комаров, со смехом сказал шедшему рядом со мной Жалейко:

- Смотри, Игорь, как в сказке: одним ударом семерых убил!

- Дай-ка я попробую больше! - загорелся Жалейко и, время от времени устраивая на самом себе «засаду», пытался побить сказочный рекорд.

В конце концов ему удалось убить шестерых, но и комары не остались в долгу, основательно искував Игорю лицо.

- Вроде и мальцы взрослые, а ума ни грамма нет, - прокомментировал «охоту» Козлов.

В интернат вернулись без нескольких десятков. Июнь только начинался, и было ещё светло. Нас не стали мешать с деревенскими и расселили в две шестиместные комнаты. В нашей оказались я, Гутовский, Жалейко, Колёсов и Маузеров с Лупасом из девятого «Б», а в соседней - оба Машевских, Сивчук и «бэки» Сац, Муриков и Николаев.

«Бэки» вообще всегда старались улизнуть от бытовых трудностей. В поход в Веречье они не ходили вообще, а от сборов в Межу сумели увильнуть трое, тогда как у нас поехали все.

- Что это ваши сачкуют? Сразу после обеда уехали? - насмешливо спросил Гутовский у Маузерова.

- Сидоров всё равно в школу при МГУ в Москву учиться уехал. А Иванюга и Коржановский себе справки сделали, - пояснил Маузеров.

- Ну и вояки... Это ведь интересно, а они такое дело упустили! - удивленно пожал плечами Гутовский.

- Это тебе, Серёжа, здоровье девать некуда. А нам этот напряг ни к чему, я б и сам дома остался, - пожал плечами Маузеров, в свою очередь удивившись непонятливости Гутовского.

Их беседу прервал вошедший в комнату Козлов:

- Почему ещё не спите?

- Уже ложимся, - ответил Маузеров, и мы принялись раздеваться.

- Послушай, Андрей, тебе надо завтра побыть дежурным, - попросил Маузерова Козлов.

- А почему мне? - насторожился Маузеров.

- Потому что ты самый большой, - пошутил Козлов.

- Егор Викторович, Гутовский тоже не маленький, - возразил Маузеров.

- Эй, Андрюха, меня не впутывай! - запротестовал Сергей.

Как обычно, никто не хотел ничего делать, потому что по личному опыту все знали, что все эти поручения могут выйти боком и отнять немало сил и времени. Тем более, что слово «дежурный» казалось нам достаточно подозрительным.

- А что должен делать дежурный? - после небольшого раздумья спросил Маузеров.

- Ничего. Следить за порядком, чтобы посторонние не болтались, - пояснил Козлов, - Дадим тебе двух дневальных. Один будет стоять на посту с автоматом в коридоре, а второй в это время наводит порядок. Ты будешь их чередовать. В вашей комнате я назначаю дневальным Колёсова, а в той - Мурикова.

Услыхав про Мурикова, все дружно засмеялись.

- Что? В чём дело? - не понял Козлов.

- Ну, раз так - я согласен, - кивнул Маузеров.

Любимым занятием рослого Маузерова в те минуты, когда ему абсолютно не было чего делать, давно стало подтрунивание над маленьким Муриковым – порой шутливое, а порой и не такое уж и безобидное. В таких случаях Гутовский защищал несчастного, но, поскольку мы учились в параллельных классах, у Маузерова для «воспитания» Мурикова было вполне достаточно времени.

- Пропал Муркеш - завтра Андрюха научит его Родину любить, - сказал я Гутовскому.

Сергей улыбнулся и кивнул.

- Но это ещё не все, кто у вас желает дежурить по столовой? В наряд пойдут оба Машевских, Сивчук и Сац. Ну, кто

хочет сам? - нетерпеливо спросил Козлов.

Вызвался Лупас. Я вспомнил про маршбросок и тоже поднял руку.

- Хорошо. Оба Машевских и Лупас будут помогать персоналу столовой накрывать столы. А ты, Тищенко, вместе с Сацем и Сивчуком будешь чистить картошку и получать продукты.

Перспектива провести завтрашний день с Сивчуком меня не радовала, но это всё же было лучше, чем рыть окопы.

- А ты, Андрей, принимай дежурство, - с улыбкой сказал Козлов Маузерову, который успел уже улечься в постель.

- А спать? - удивился Маузеров.

- А ты что, Андрей, думаешь, что ночью часть охранять не надо? А вдруг враги нападут? - продолжал хитро улыбаться Козлов.

- Так ведь мы не в части, Егор Викторович, - заметил Маузеров и подозрительно покосился на военрука: вылезать из постели Андрею явно не хотелось.

- В общем, так: одного дневального ты поставишь стоять до двенадцати, а второго потом разбудишь и сменишь. Пусть стоит до двух. Потом тоже пусть ложиться спать. А утром сразу после подъема опять надо стоять на посту возле входных дверей на второй этаж. Там мы тумбочку поставим. Один стоит два часа, потом другой - и так все время чередуются. Для порядка пусть передают друг другу деревянный автомат. Пока один стоит, другой пусть наводит порядок: подметёт пол... Может и полежать, отдохнуть.

- А я что должен делать, тоже не спать? - осторожно поинтересовался Маузеров, недовольный тем, что согласился быть дежурным.

- Ты - дежурный, значит, отвечаешь за порядок. Ты можешь спать, но если дневальный будет плохо нести службу, я спрошу с тебя.

Андрей тут же расплылся в довольной улыбке:

- Это совсем другое дело. А кого мне первым на пост поставить?

- А это ты уж сам решай, на то ты и дежурный, - ответил Козлов и, пообещав, что завтра те, кто не задействован в на-

рядах, займутся полосой препятствий, ушел.

- Да, Саша, ну и счастье тебе привалило: теперь будешь половину ночи сидеть и наш сон охранять, - засмеялся Гутовский и похлопал Колёсова по спине.

- И мух отгонять? - пошутил Колёсов фразой из кинофильма «Операция Ы...».

- Нет, мух отгонять не надо, - возразил Сергей.

Мне казалось, что Колёсову здорово не повезло, но он сам не проявлял никаких эмоций и флегматично разглядывал свой деревянный макет АКМа.

- Ну что, Саша, кого мне на пост первым определять? Ты сейчас пойдёшь или Муркеша отправить? - спросил Маузеров и со смехом добавил: - А хочешь, я вообще Муркеша на оба срока поставлю?! Он и не пикнет!

- Нет, Андрюха, не надо. Будем по-честному, - возразил Колёсов. - Но сейчас лучше я пойду, чтобы потом среди ночи не вставать.

- Договорились. А Муркеша в двенадцать можешь пинками поднять. Можешь даже устроить ему тревогу и сбросить с кровати.

Колёсов ничего не ответил и, улыбнувшись, уже собрался идти на пост, но у самых дверей его остановил Гутовский:

- Саша, ты куда? А автомат проверил?

- Зачем?

- А вдруг нападение?! - серьёзно спросил Гутовский и все дружно рассмеялись, но не столько из-за шутки, сколько из-за того, что Колёсов её не понял и озадаченно смотрел на Сергея.

В комнату заглянул Медведев, привлечённый производимым нами шумом:

- Что тут за рогот? А ну всем спать! А ты чего с автоматом посреди прохода торчишь?

- Я на пост иду, - пояснил Колёсов.

- Ну так и иди, а не лясы точи! Чтобы через две минуты стоял возле тумбочки? - недовольно сказал Медведев и вышел, сильно, хлопнув дверью.

Колёсов не заставил себя ждать и вышел вслед за ним. Медведев неожиданно вернулся и, скомандовав «отбой», погасил нам свет. Жалейко, не успевший раздеться, нале-

тел в темноте на стул и упал на пол:

- Ой, мальцы, ни черта не видать! Я одну колошину успел снять, а вторую - нет, вот и грохнулся.

Мы дружно засмеялись, но на этот раз немного потише, чтобы не привлечь внимание военруков.

Через некоторое время, когда все улеглись, я предложил:

- Пацаны, давайте рассказывать анекдоты!

- Вот ты первый и расскажи! - откликнулся Лупас.

- Ладно, слушайте... Пошли Пятачок и Винни-Пух в лес мёд есть. Нашли дерево с дуплом, в котором мёд. Достать не могут - высоко. Вини-Пух и говорит: «Давай, Пятачок, вначале я на тебя влезу и мёда поем, а потом ты на меня?» - «Давай, Винни», - согласился Пятачок. Винни-Пух влез ему на плечи, наелся мёда, слез, улёгся под деревом и закрыл глаза. А Пятачок бегаёт вокруг него и пищит: «Как же так, Винни?! Теперь моя очередь! Становись, сейчас я тебе на плечи залезу». А Винни открыл глаза, посмотрел на Пятачка и раздражённо отвечает: «Отойди, свинья - не видишь, что мне плохо?!»

Анекдот удался, и все засмеялись. Не смеялся один Жалейко, который недоуменно переспросил:

- А что, Винни-Пух объелся и не узнал Пятачка?

Это ещё больше всех рассмешило.

- Слушай, Игорёк, ты только громко не смейся, когда до тебя дойдёт, - предупредил Жалейко Гутовский.

После меня эстафету принял Гутовокий. Но рассказал он всем известный анекдот и смеялись только из вежливости. Маузеров и Жалейко рассказали по неплохому анекдоту и очередь дошла до Лупаса.

Рассказывал он смешно, но слишком театрально.

Входная дверь шумно закрипела, и из коридора в комнату ворвался поток света. Мы тотчас же притворились спящими, опасаясь, что кто-нибудь из военруков услышал шум. Но это был всего лишь Колёсов. Александр прикрыл за собой дверь и осторожно, думая, что мы спим, на цыпочках прокрался к своей кровати. Подождав, пока Колёсов окажется посередине комнаты, Маузеров неожиданно рывкнул:

- Гав!

Колёсов обернулся на голос и замер. В комнате воцарилась гробовая тишина. Чтобы не рассмеяться раньше времени, я закрыл рот руками.

- Гав! – вновь крикнул Маузеров.

- Андрюха, это ты? - растерянно спросил Колесов, ещё не успевший привыкнуть к темноте.

- Нет, не я, - серьёзно ответил Маузеров, и все рассмеялись.

- И охота вам дурачиться, - обиделся Колёсов и улёгся в свою кровать.

- Слушай, Саша, уже что - двенадцать? - поинтересовался Гутовский.

- Двенадцать.

- А где Муркеш - на пост заступил? - донёлся голос Маузерова.

- Козлов сказал мне идти спать, а Муркеша приказал не будить, - пояснил Колесов.

- Вот гад, Муркеш! Видишь, Саша, как он тебя надул, лучше бы ты первым стоял! Ну ничего, завтра я научу его Родину любить! - возмутился Маузеров.

- Да ладно, давайте рассказываем дальше, - предложил Жалейко.

Наутро Гутовский, Жалейко и Николаев отправились вместе с деревенскими на зарядку, а все остальные городокские занялись внутренним нарядом. Оба Машевских и Лупас отправились в столовую, а мы с Сацем и Сивчуком - в подвал школы, где и должны были чистить картошку. Впрочем, картошку нужно было начистить к обеду, поэтому мы до завтрака ничего не делали и коротали время, рассказывая друг другу анекдоты и просто болтали о том о сём.

Во время завтрака наш стол обслуживал Лупас, а оба Машевских - деревенских. Деревенские знали Машевских плохо, поэтому не слишком донимали братьев шутками, зато мы старалась всю: каждый наперебой стремился поддеть Лупаса какой-нибудь остротой.

- Эй, гарсон, три водки! - кричал Гутовский.

- Это официантка, а не гарсон. Девушка, что вы делаете сегодня вечером? - подключился и я.

Лупас лишь улыбался и продолжал разносить тарелки и стаканы.

Наконец наши шутки прекратил Козлов, пообещавший, что «некоторые особенно разговорчивые» будут рыть траншеи после ужина. При этом он посмотрел на нас с Гутовским. Нельзя сказать, чтобы мы восприняли данную угрозу всерьёз, но... Мало ли чего можно ожидать от этих сборов, поэтому оставили Лупаса в покое.

- Ладно, мистер Залупас, работайте спокойно, - шепнул ему Гутовский.

Лупас поморщился и показал Гутовскому кулак - его всегда раздражала пошлая, но созвучная с фамилией кличка.

- Ну что, Игорёк - я на «войну», а ты - «бульбу чистить», - со смехом похлопал меня по плечу Гутовский, когда мы вышли из столовой на улицу и, заметив, что мне это не очень понравилось, добавил: - А если хочешь, можно Жалейко попросить - он вместо тебя сходит. Ну как, идёшь «воевать»?

- Бегайте сами, я лучше поработаю на тяжёлом «тыловом рубеже», - отшутился я.

- Ну, как хочешь, хозяин-барин, - кивнул Сергей.

Картошку чистить я не любил. Не то чтобы это было тяжело - просто неприятно. И руки грязные, и долго, и нудно. Точно так же к этому занятию относились и Сивчук с Сацем... Вначале, когда мы только начали работать, все были веселы и жизнерадостны, но уже через час первым не выдержал Сивчук:

- И какого чёрта мы здесь в подвале картошку чистим, а не в столовой?!

- Козлов ведь сказал, что за бачком машина приедет. Не всё ли тебе равно? - буркнул я.

- Дурак, ты, Тащенко, в столовой бы нам повара помогли.

- Сам ты дурак! - разозлился я.

- Что ты сказал?! - вскипел Сивчук и раздражённо бросил нож в бачок с водой, забрызгав Сацу глаза.

- Ты что, Витька? - удивился Сац.

- Работа эта задолбала? - раздражённо пояснил Сивчук и, смерив меня злым взглядом, принялся шарить в бачке рукой в поисках ножа, пока, наконец, не вытащил его из

картофелины, едва не порезав пальцы.

Сразу после этой вспышки Сивчука работали молча, и лишь когда бачок наполнился почти наполовину, Сац первым нарушил тишину:

- Что это мы, как приговорённые к расстрелу, сидим?

Сивчук серьезно посмотрел на Владика, затем не выдержал и рассмеялся. Мы с Сацем тоже захохотали в ответ.

- Я думал, что ты Тищенко зарежешь из-за этой картошки, - сквозь смех сказал Сивчуку Сац.

- Я и хотел, но промахнулся: Тиха слишком маленький, - пояснил Сивчук.

- Плохому танцору всё мешает, - подытожил я.

Около одиннадцати пришел «газон», и мы отвезли бачок с картошкой в столовую, где передали его обоим Машевским. Сивчук, Сац и Машевские отправились в сельский магазин, а мы с Лупасом решили вернуться в интернат.

В интернате Муриков исправно «нёс службу» возле тумбочки дневального, а Колёсов и Маузеров мучались бездельем в нашей комнате. Увидев нас, Маузеров оживился и предложил:

- Мужики, так от скуки и подохнуть можно! Давайте что-нибудь делать. Может, за пивом сходим?

- Можно, - согласился Колёсов.

Его тут же поддержал Лупас, и мы с Маузеровым дружно засмеялись: Колёсов и Лупас давно были известны всей школе как постоянные завсегдатаи пивной бочки, расположенной всего в ста метрах от школьного забора возле городской столовой, где они проводили едва ли не каждую большую перемену. И самым удивительным было то, что им все эти пивные вояжи сходили с рук.

- А деньги есть? - задал практический вопрос Маузеров.

У всех вместе набралось около двух рублей.

- Как раз каждому по бутылке получится, - удовлетворённо заметил Лупас.

- Можно наши старые бутылки из-под лимонада сдать - ещё два пива получится, - предложил я.

Когда вопрос с деньгами был решён, перешли к следующему: кто именно пойдет за пивом. Идти за пивом никому не хотелось: во-первых, было просто лень, а во-вторых с пи-

вом нас могли поймать, а этого никому не хотелось. Наконец, Маузерова «осенило»:

- Надо Муркеша послать!

Лупас тут же открыл дверь в коридор и, высунувшись из комнаты, позвал:

- Эй, Муркеш, тебя дежурный зовет!

- Чего тебе? - подозрительно спросил у Маузерова Муриков, никогда не ожидавший со стороны одноклассника ничего хорошего.

- Ты, наверное, устал стоять? - невозмутимо спросил Маузеров.

- А что?

- Теперь Колёсов постоит.

- Ладно, - обрадовался Муриков.

- Но это ещё не все, я тебе доверяю важное и ответственное дело: возьми деньги и сходи в магазин, купишь четыре бутылки пива.

- А если поймают? - мгновенно спросил Муриков.

- Тогда скажешь, что ты купил пиво для себя. Или скажешь, что незнакомый мужик попросил купить. Ты ведь не станешь закладывать своих товарищей?! Ну, давай - чем быстрее ты придёшь, тем будет для всех лучше, - тоном, не терпящим возражений, Маузеров произнёс свое напутствие Мурикову.

- Не пойду я! - неожиданно заявил Муриков.

- Ты чё, Муркеш, опух?! - разозлился Маузеров.

- погоди, Андрюха, - остановил Маузерова Лупас и, на ходу придумав новую версию, «объяснил» Мурикову: - Понимаешь, мы все спички тянули. Все вытянули длинные, а тебе досталась короткая. В следующий раз кому-нибудь другому не повезёт.

Муриков угрюмо переминался с ноги на ногу, не зная, что ему делать.

- Ну, скажи ему, Игорек, так все было? - обратился ко мне за помощью Лупас.

Я кивнул, с трудом сдерживая улыбку.

Маузеров начал терять терпение. Муриков недоверчиво покачал головой, но всё же взял деньги и пошел к выходу.

- Стой, возьми сумку, не в карманах же нести будешь, -

остановил его Маузеров.

- А какое пиво брать? Вдруг оно плохое - я не разбираюсь, - пояснил Муриков.

Маузеров раздраженно сплюнул, махнул рукой и попросил Лупаса:

- Слушай, Артур, сходи вместе с ним, а то и правда не то купит.

Лупас после некоторого раздумья согласился.

Когда они ушли, я вспомнил про бутылки и, выглянув в окно, приглушённо позвал Мурикова:

- Иди сюда, сейчас бутылки будешь ловить.

Муриков встал возле стены и, подняв руки вверх, принял такую позу, словно на него вот-вот должен был рухнуть целый небосвод.

- Сейчас мы ему устроим бомбёжку, - шепнул мне на ухо Маузеров и неожиданно бросил Мурикову сразу две бутылки.

Муриков испуганно шарахнулся в сторону, и одна из бутылок вдребезги разбилась о выступающий фундамент, второй повезло больше; она упала в траву и осталась целой и невредимой.

- Что ты руки растопырил, как ворона, ловить надо! - обругал Мурикова Маузеров.

Муриков виновато пожал плечами, но на всякий случай отошёл от стены ещё дальше.

- Лови ещё две! - крикнул Маузеров и бросил ещё две бутылки.

Муриков вновь отпрянул в сторону, и обе бутылки разбились.

- Муркеш, ты что - опух?! - возмутился Маузеров.

- А чего ты сразу по две штуки бросаешь? Я сейчас вообще никуда не пойду, - обиженным голосом огрызнулся Муриков, и мне показалось, что он сейчас заплачет.

Чтобы как-то смягчить ситуацию, я поспешно заметил:

- Лови ещё две, я по одной буду бросать.

- Ты лучше в траву брось - я подберу, - недоверчиво попросил Муриков.

- По голове бы твоей бросить! - пробурчал Маузеров, когда Муриков, подобрав последние бутылки, отправился за

пивом с Лупасом.

Через полчаса они принесли пять бутылок. Мы все взяли по одной. Последнюю я хотел отдать Мурикову, но Маузеров перехватил мою руку:

- А ему-то за что?

- Всё-таки ходил с Лупасом... Неудобно как-то.

- Да ну! Он ведь денег не давал, нам самим мало будет, - возмутился Андрей.

Я скептически хмыкнул, но Мурикова звать не стал.

- Мы ему потом нальём стакан, - добавил Маузеров.

За свою бутылку я принялся последним: пиво я, в общем-то, никогда не пил, но сейчас просто было интересно делать это, во-первых, за компанию, а во-вторых - тайно. Впрочем, выпить до конца я так и не смог и отдал оставшееся пиво Маузерову. Колёсов и Лупас распили пополам пятую, и Муриков в итоге остался-таки без пива.

Вечером все «солдаты» возвратились в интернат. Гутовский, войдя в нашу комнату, первым же делом поинтересовался:

- Ну что, Игорь, как она, тыловая жизнь?

- Ничего, - буркнул я в ответ, потому что подтрунивание Сергея, хоть и не злое, но всё же бьющее в цель, начало мне надоедать.

- Да ладно, чего ты разозлился? - примирительно спросил Гутовский, и я тут же его простил.

Перед отбоем мы пошли прогуляться на улицу. Половину неба заволокли тучи, но с юго-запада дул лёгкий, тёплый ветерок и, несмотря на то, что солнце уже успело зайти за горизонт, было не холодно. Как обычно, донимали комары. Но мы, весело обсуждая прошедший день, оживлённо жестикуютировали и не обращали на маленьких вампиров никакого внимания.

Оказалось, что Жалейко привёз с собой фотоаппарат.

- Ну и чего ты до сих пор молчал, как партизан? Пошли фотографироваться! - разочарованно упрекнул Игоря Гутовский. - Такие бы фотки во время сегодняшней «войны» сделали! Эх ты! Давай хоть сейчас сфотографируемся?!

- Давайте, я что - против?! - смутился Жалейко. - Просто

у меня на плёнке всего четыре кадра осталось.

- Сейчас уже поздно - солнце зашло, - возразил Маузеров.

- Может ещё и получится, - неуверенно сказал Жалейко.

- Тогда надо идти и фотографироваться, пока не стало совсем темно, - решительно подытожил Николаев, и мы пошли к деревянному столику со скамейками, решив сфотографироваться там.

В это время, как назло, меня позвал Козлов: ему приспичило уточнить дату моего рождения. Меня заверили, что без меня сделают всего один кадр, но пока я объяснялся с военруком, сделали два и... плёнка закончилась. Я здорово обиделся и хотел было уйти, но меня остановил Гутовский - единственный, кто чувствовал хоть какую-то вину. Маузеров же философски заметил, что тот, кто не успел - опоздал. Я снова разозлился и, надувшись, ждал только повода, чтобы уйти.

Из раскрытого окна на третьем этаже доносилась музыка. Широко распахнув створки рамы, на подоконнике, свесив ноги наружу, сидел улыбающийся меженец Майков и, включив свой кассетник, слушал «Stars on - 45». Я сразу же решил, что он переписал музыку у кого-то с диска (я недавно купил себе такую пластинку в Городке). Мне всё больше нравилось «диско», и я уже почти не слушал рок, который увлёк меня пару лет назад.

Увидев нас, Майков приветственно помахал нам рукой.

- Что, запитываешься музоном? - крикнул ему Маузеров.

- Чего? - переспросил Майков и выключил магнитофон.

Маузеров повторил свой вопрос.

- Ага! - крикнул Майков и расплылся в довольной улыбке.

Ему было приятно, что мы обратили внимание на его кассетник, видимо, недавно купленный и совсем ещё новенький.

- Правильно! А чего ещё делать?! - одобрил Маузеров.

Майков, довольный ещё и тем, что его похвалили «городские», вновь включил музыку. Но на этот раз ненадолго, потому что внизу собрались ещё трое меженцев, которые не были участниками сборов.

- Ну, чего вы не поднимаетесь? - спросил у них Майков.

Оказалось, что у входной двери дежурят военруки и не пускают местных, объясняя, что скоро отбой. Немного пошептавшись, меженцы подняли с земли лежащий неподдаёму от нас суковатый, сухой, лишённый коры ствол ели и, словно викинги, схватившие таран, потащили его к интернату. Мы полностью сосредоточились на зрелище, ожидая, чем это всё закончится. Меженцам стоило большого труда прислонить ствол к стене, потому что он был тяжёлым и, кроме всего прочего, мешали торчащие сучья. Местные матерились, но всё же приладили дерево так, что получилась своеобразная лестница. Но едва они начали взбираться наверх, как появились военруки, привлечённые скорее всего нецензурными воплями деревенских и, сами едва не обматерив пацанов, заставили тех оттащить ствол на место. Меженцы немного огрызались, но всё же выполнили всё, что им сказали. Майков успел благополучно спрятаться в глубине комнаты.

- Ну что, скоро отбой, это наш последний вечер «на фронте», Надо как-то отметить! - предложил Гутовский, когда все, наконец, успокоились.

- Мы уже пили пиво днём, - пояснил Маузеров.

- Вот, твою мать, вояки, мы с Жалейко на окопах корячились, а эти «тыловые крысы» тут пиво пили! - со смехом возмутился Сергей.

Маузеров тоже расплылся в улыбке и презрительно махнул рукой:

- Какие окопы, Серёжа?! Еще накопишься - жизнь большая! Надо запитываться музыкой!

- Что будем с нашими деревянными автоматами делать? - спросил Гутовский.

- Ну не домой же их везти! - хмыкнул Николаев.

- Давайте устроим из них поминальный костёр! - предложил Сергей.

- До отбоя мало времени, да и жечь никто не даст здесь, а далеко ходить неохота, - засомневался Маузеров.

- Да грохнем их об дерево и всё! Вместо костра! - нашёлся Гутовский

Я тут же подумал, что это просто дурость, и вместо того чтобы ломать свой автомат, я лучше привезу его своему

брату Славику.

Маузеров и Николаев поддержали Гутовского сразу, Жалейко, помедлив (видимо, тоже пожалел свой автомат), всё же согласился. Я отказался.

Уже в интернате я остался в комнате, а остальные, забрав свои автоматы, пошли их ломать.

Ребята решили, что я обиделся из-за фотографирования. Я не стал их разубеждать - в любом случае я сохранил в целости для брата автомат, и меня оставили в покое. В сущности, с моей точки зрения, уничтожение автоматов было совершенно бессмысленным и даже вредным занятием. Такое часто бывало, когда кто-нибудь, как, например, сейчас Гутовский, предлагал какую-либо глупость, и остальные дружно её подхватывали - просто за компанию по чужому, пусть и не самому умному и логичному примеру. Ломать автомат только потому, что это предложил сделать мой лучший друг - это уж увольте, это не для меня.

Возвратились они минут через десять: их загнал назад в интернат Козлов. Но автоматы всё же поломать успели.

- А ты почему не поломал? - спросил у меня Гутовский.

- Брату отдам, что вы ко мне пристали?!

- А-а... Нет в тебе романтики...

- Дурости нет, а не романтики!

- Мальцы, а мы, кстати, не все автоматы поломали. У Колёсова остался - он на посту стоит, - перебил нас Жалейко.

- А что, давайте у него автомат украдём?! - предложил Гутовский.

- Давайте! - поддержал я друга: - Как будем действовать?

- Я как дежурный его отвлеку, а ты в это время и свистнешь, - предложил мне Маузеров.

Я сделал вид, что иду в туалет и лениво прошёл мимо Колёсова. Тот даже спросил, который час. Туалет находился в конце коридора за углом. Едва повернув, я тут же прижался к стене и стал дожидаться сигнала Маузерова.

- Эй, Саша, иди сюда, - позвал Маузеров: - Да положи ты этот автомат - нам надо пожарный ящик с песком в конец коридора отнести: Козлов попросил.

- Раз надо - значит, перенесём, - весело откликнулся ничего не подозревающий Колёсов.

Подождав, пока он отойдёт подальше, я выглянул из-за угла и, убедившись, что Колёсов смотрит вперёд, быстро схватил валяющийся возле тумбочки автомат и незаметно проскользнул в комнату. В коридоре раздался шум - по лестнице на наш этаж как раз поднялись деревенские.

- Ну как? - спросил Гутовский и подмигнул мне правым глазом.

Я тоже подмигнул в ответ и показал автомат.

- Молодец! - похвалил Гутовский.

- Делать вам, мальцы, нечего, Козлов теперь Сашу из-за вас обругает, - неодобрительно заметил Жалейко.

- Да ладно тебе, Игорёк, подумаешь, деревяшку какую-то забрали! - хмыкнул Гутовский.

- Нечего проявлять халатность при хранении боевого оружия: а вдруг завтра война?! - со смехом поддержал я друга.

В коридоре тем временем раздался смех деревенских, и до нас явственно донёлся растерянный голос Колёсова:

- Мужики, отдайте автомат. Я же знаю, что это вы взяли! Ну зачем он вам нужен?! А у меня сейчас наш военрук будет наряд принимать.

В ответ вновь раздался смех.

В комнату влетел довольный Маузеров и, давась, от смеха, сообщил:

- Саша чуть не расплакался. Как пристал к деревенским - «отдайте автомат», так что те чуть от него отвязались. Пришёл Козлов, и теперь Саша ему докладывает о потере автомата.

Автомат Колёсова Козлов утром пометил синей изолентой и объявил, что это отныне будет «боевое оружие» дневального, которое должны передавать друг другу по очереди Муриков и Колёсов. Теперь же получалось, что его утратили.

- Ну чего вы ржёте - занимаетесь какой-то ерундой! Отдайте вы Саше его автомат, - пытался образумить нас Жалейко, но его никто не слушал.

Маузеров спросил, где автомат и предложил переложить его под простынь на кровать Колёсова. Так мы и сделали, а затем дружно вывалили в коридор: всем хотелось посмо-

треть, как Колёсов оправдывается перед Козловым. Тут уже сгрудились несколько деревенских и Муриков, отстоявший возле тумбочки большую часть дня по милости Маузерова и смененный только после прихода в интернат Козлова.

- Видишь, я стоял - ничего не произошло! - с некоторым злорадством сказал Муриков Маузерову.

- А чего ты, собственно говоря, здесь болтаешься?! - строго спросил Маузеров.

- Так ведь меня сменили, - пожал плечами Муриков.

- Но ты все равно дневальный, так что пока Колесов на тумбочке - помоги ему искать.

- Я не терял, - проворчал Муриков и отошел на всякий случай поближе к Козлову.

«Цирк» нам увидеть так и не довелось. Козлов не стал делать из деревянного автомата проблему и, выяснив, как было дело, подытожил:

Ладно, не расстраивайся, наверное, просто кто-то пошутил. Но на посту, конечно, надо более внимательно стоять, а то в армии за такое и в тюрьму можно попасть. Можете идти с Муриковым в свои комнаты: дежурство для вас закончилось. А ты, Маузеров, сейчас прочитаешь список при вечерней поверке.

Маузеров в знак согласия кивнул головой.

Немного помолчав, Козлов обвел глазами всех присутствующих и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал спокойным, немного усталым, укоризненным голосом:

- А автомат ему отдайте, я почти уверен, что это кто-то из вас.

Я вначале пожалел, что взял автомат, но потом всё же убедил себя в том, что получилось маленькое весёлое приключение, к тому же без какого-либо вреда для Колёсова.

На поверке майор Кобылкин сообщил то, что и так давно было известно - завтра с утра едем в военный городок на стрельбище, там стреляем из автоматов и едем уже по домам. От военного городка до Городка не больше пяти километров, так что мы ехали почти домой.

- А по сколько раз дадут стрелкнуть? - спросил Машевский Сашка.

- А это смотря кто как стрелять будет! - засмеялся Кобыл-

кин: - Хорошим стрелкам дадим пострелять, а плохим... За-чем же зря патроны переводить?! По разу в «молоко» вы-пустят и хватит.

Я тут же подумал, что эта участь может постигнуть и меня, потому что на уроках НВП стрелял весьма средне. Бывало, попадал совсем неплохо, но бывало – и вовсе ма-зал. Впрочем, точно так же, за исключением, пожалуй, Гу-товского, стреляли и все остальные мои одноклассники, и я с равной вероятностью мог оказаться как вверху, так и вни-зу таблицы результатов. Но оказываться внизу на глазах у представителей военкомата, и уж тем более деревенских, мне совсем не хотелось.

Колёсов раздевался самым последним, остальные уже давно лежали в постелях и предвкушали, как Саша начнёт ворочаться и, наконец, поймёт, что автомат у него прямо под простынёй. Даже Лупас, который хоть и пришёл перед самой проверкой, но успел уже обо всем разузнать у Мау-зерова, внимательно следил за Колёсовым. Маузеров, уви-дев, что Колёсов принялся стаскивать штаны, специально погасил свет. Наконец, послышалось скрипение, и Колёсов улёгся. В комнате воцарилась гробовая тишина.

- Чего это вы замолчали? - удивился Саша.

В ответ послышалось едва сдерживаемое хихиканье Ма-узерова. Я тоже зажал ладонью рот, потому что смех бук-вально рвался наружу.

- И что это за кровати такие - как будто бы из одних до-сок сделаны?! Я всю спину уже отлежал! - сказал Готовский.

- И у меня, мальцы, какая-то палка в спину упирается, - поддержал игру Жалейко, хотя от него мы меньше всего этого ожидали.

- У меня то же самое, - обрадовался Колёсов, и комната утонула в хохоте.

Я смеялся так, что из глаз потекли слёзы.

Наше веселье прекратил Козлов, услышавший шум. Бы-стро включив свет, он застал Колёсова стоящим в одних трусах рядом со своей кроватью и вытаскивающим из-под простыни автомат. Достав автомат, Колёсов растерянно по-вертел его в руках и, показав на изоленту, пояснил:

- Нашёлся, Егор Викторович.

Козлов смерил комнату недовольным взглядом и, покачивая головой, раздраженно заметил:

- Вам бы, жеребцам, уже с девками гулять, а вы дурью маетесь, словно школьники.

- Так, ведь, Егор Викторович... Это Колёсов подумал, что тревога и вскочил с автоматом. Он даже спит с ним, чтобы всегда быть готовым к отражению агрессии НАТО, - в шутку пояснил Маузеров.

Все опять засмеялись. Козлов тоже улыбнулся, но затем, словно опомнившись, что ведёт он себя не совсем подобающим образом, опять сделал строгое лицо:

- Всё - отбой! Хватит дурью маяться. Завтра на стрельбище покажете, кто чего стоит.

- А что, мы моём! - откликнулся Гутовский.

- Всё, спать! - предупредил Козлов, выключил свет и вышел.

Смеяться мы стали тише, но всё же ещё долго не могли успокоиться. Каждый, пытаясь блеснуть остроумием или просто развеселить товарищей, старался рассказать какую-либо смешную историю. Большинство историй касалась школьной жизни. Вспомнили, как однажды в школе, когда мы были на физкультуре, погас свет как раз в тот момент, когда я сделал «выход сил» и должен был соскочить с перекладины вниз. Физрук сказал «три» и... погас свет. Физрук тут же стал уговаривать меня не прыгать вниз, потому что перекладина была закреплена достаточно высоко, и в темноте я мог удариться при соскоке. Но я всё же спрыгнул и едва не оторвал кедом ухо подошедшему под перекладину Машевскому Сашке, который собирался помочь мне спуститься.

Перебрав почти все темы, добрались до такой щепетильной, как порча воздуха. Тема эта и в самом деле была сложной: о порче воздуха нам было даже более неловко говорить, нежели о сексе. Едва додумавшись до такой «великой» мысли, я тут же изложил её вслух.

- Подумаешь, немцы вообще за столом газы пускают! - хмыкнул Лупас.

- Скажешь тоже. Немцы - очень культурный народ и не станут вонять себе под нос во время обеда, - не поверил я,

решив, что Лупас «заливает» для красного словца.

- Нет, Игорь, я тоже об этом слышал. Мне дядя Петя рассказывал - брат моего отца. Он всю войну прошёл и, когда был в Германии в самом конце войны, говорил, что сам видел, что немцы за столом не стесняются, - поддержал Лупаса Гутовский.

- Ну, не знаю. По-моему, это неправда, - возразил я, отказываясь верить в подобную чушь.

- По-твоему, и дядя Петя врёт?

- Может, ему какие больные немцы попадались?!

- Ну да, и всем больные немцы попадались?! - засмеялся Лупас.

- Мальцы, а интересно, чем воняет, когда это происходит? - перебил Жалейко.

- Чем? А то неясно! - откликнулся Маузеров, и все засеялись.

- В этих газах сероводорода много, метан есть, ещё разные газы, - серьёзно заметил я.

- Ты словно на уроке отвечаешь. Представляете, если бы мы на такие темы отвечали в школе по химии?! - сказал Лупас.

- А чего тут такого - это всё обычные, вполне жизненные темы, - возразил Жалейко.

- При таком составе этот газ должен гореть, - подал голос Маузеров, знавший химию почти так же хорошо, как и я.

- Наверное... Чтобы проверить, надо к кому-нибудь спичку поднести, когда он пукнет, - предложил я.

Маузеров сразу же ухватился за это предложение, хотя даже мне оно показалось дурацким, и я уже успел пожалеть, что эта глупая идея исходила именно от меня.

- Ага, а потом кто-то между ног себе все сожжёт? - в последний момент забеспокоился Жалейко.

- Ну, сварится всё вкрутую! Но пусть не волнуется: мы его и женим, и детей ему наделаем! - засмеялся Гутовский.

Но желающих не нашлось, и эксперимент так и не состоялся.

- Оно и к лучшему: воздух чище будет в комнате, - философски проворчал Колесов.

- Ну это как сказать... мне так утром не показалось, ког-

да комнату стали проветривать, - хмыкнул Маузеров, и все рассмеялись.

На стрельбище выехали сразу после завтрака где-то в половине десятого. Сам завтрак, как и ужин в день нашего приезда в Межу, готовили силами поваров (никого из нас к дежурству по столовой не привлекали).

Утро выдалось дождливым и ветреным. Низко сидящие, косматые, иссиня-чёрные и серые тучи, словно огромные рваные ватные хлопья, быстро летели по небу и порой казалось, что какая-нибудь из них вот-вот накроет наш маленький автобус с непременным дедом Забудуем за рулём. Время от времени порывы ветра окатывали боковые стёкла целыми потоками дождевых струй, которые с дребезжанием размазывались по стеклу. Но стоило проехать несколько километров, как в разрывах туч появлялось солнце. Однако солнечных промежутков было совсем мало. Я инстинктивно поёживался, представляя, каково будет стрелять под дождём. А пострелять хотелось - пришла пора юности, и в глубине души саднило нетерпеливое желание хоть в чём-то почувствовать себя взрослым. Хотелось сжать в руках автомат и полоснуть очередью по мишени, утоляя пробуждающийся азарт мужчины-охотника и воина. Но теперь вся наша стрельба была под вопросом, и, если бы дождь усилился, с мыслями об автомате можно было бы распрощаться. Козлов тоже, беспокоясь, с надеждой поглядывал на небо. Но с юго-запада, откуда и дул ветер, неслись всё те же бесформенные, оборванные тучи.

- Что, хоть вы и быстро едете, но тучи бегут быстрее?! - пошутил Козлов, обращаясь к шофёру.

- Так кто ж с Богом спорит?! - засмеялся в ответ Забудуй.

Всю свою сознательную жизнь я прожил в Городке, но до сих пор ещё ни разу не был в городке военном. Как, впрочем, и почти все остальные: военный городок был своеобразным «островом», и сюда редко попадали посторонние. И если взрослые здесь иногда все жё и бывали, то расстояние в пять километров и отсутствие регулярного гражданского сообщения делало военный городок практически недоступным для школьников. Из наших здесь жил только

Лупас. Его отец служил в местной воинской части.

Перед полигоном остановились возле военторгового магазина: Козлов решил сделать кое-какие покупки. Никому из нас, даже Лупасу, не разрешили выйти из автобуса. Лупас обиделся и, буркнув, что бывает в этом магазине по два раза на день, демонстративно уставился в противоположное окно. Сделав покупки, Козлов отправился на поиски офицера, который должен был сопровождать нас на стрельбище.

Вслед за нами подъехал автобус с деревенскими. Их тоже заставили сидеть в салоне. Козлов вернулся в сопровождении не одного, а целых шести офицеров. Разделившись на две группы по три человека, они сели в наши автобусы, и мы поехали на стрельбище. Я надеялся посмотреть по пути военный городок, но автобус, не доезжая первых домов, повернул налево и отвёз нас далеко в сторону.

Стрельбище располагалось на самом краю небольшого леска и представляло собой огромный, вырытый в земле окоп длиной метров в сто тридцать, метра два глубиной и шириной не меньше двадцати. На переднем конце были обозначены площадки для стрельбы, а в дальнем располагались мишени. Со всех сторон стрельбище было окружено земляными валами, но там, где находились мишени, вал был особенно высоким и мощным.

- Это чтобы пули останавливать, кто мажет, - догадался я и сказал Гутовскому.

Сергей кивнул и, показывая рукой на небо, радостно заметил:

- Смотри, Игорь, дождь-то закончился. Тучи ещё ползут, но ветер сильный и их сдувает.

- Что на небо показываете - у Бога помощи для точной стрельбы просите? - со смехом спросил проходящий мимо нас капитан Кобылкин.

- Да нет, товарищ капитан, думаем, надо ли вносить коррекцию в прицел. А вдруг такой сильный ветер будет пули в сторону сдувать?! - пошутил в ответ Гутовский.

Кобылкин шутки не понял и, сделав серьёзное лицо, пояснил важным тоном:

- Скорость движения пули настолько велика, а сама пуля

настолько мала по размерам, что для расстояния в сто метров, а именно на таком расстоянии вы и будете поражать мишени, сила ветра не имеет значения и смещение пули практически незаметно невооружённым глазом.

Я хотел спросить: «А в очках?», но, решив, что Кобылкин хоть и старается прослыть балагуром, но юмор понимает туго, а значит, может и обидеться, посчитал за лучшее промолчать.

Снующие взад-вперёд солдаты, одетые кто в новую, кто в выцветшую форму с интересом поглядывали в нашу сторону и, тихо переговариваясь, иногда смеялись.

Разрывы в тучах стали больше, и солнце всё чаще освещало мокрые берёзы и ели, растущие по обе стороны от стрельбища.

Наконец нас разделили по группам. Я попал в одну с Гутовским.

- К бою! Приготовиться! - скомандовал офицер из части.

Я начал волноваться, что растеряюсь и неправильно исполню команду при занятии исходного положения, но получилось всё, как положено. Настоящее волнение началось, когда приказали целиться. Хорошо различимая до этого мишень стала неясной и расплывчатой, очки неожиданно запотели, а в руках появилась предательская дрожь. Я немного замешкался при первом выстреле, поэтому во время второго выстрелил сразу же после команды, чтобы не опоздать и на этот раз, но выстрелил почти не целясь. И лишь в третий раз удалось прицелиться так, как положено. Гутовский, лежащий справа от меня, тоже всё время чуть-чуть запаздывал, но его, похоже, это нисколько не волновало. Во время третьего выстрела я забыл как следует прижать автомат, и меня больно ударило прикладом в плечо при отдаче. Показав пустые магазины офицеру, мы поднялись и уступили место следующей партии.

Вскоре объявили результаты. Лучше всех - с 25 очками отстрелял Коля Николаев, второй результат был у деревенского парня - 21, и третий - у Гутовского - 19. Я выбил 14, что было весьма посредственно, но все же попал в лучшую половину - нам разрешили выстрелить еще раз.

Николаев вновь с 28 очками был лучшим, вторым - с 23 -

оказался Гутовский, а третьим - с 22 - Машевский Сашка. Я же, в тайне мечтая обойти лидеров, смазал одну пулю в молоко и набрал, несмотря на одну «десятку», всего 16 очков.

- Стабильности тебе, Тищенко, не хватает! И дёргаться не надо, когда стреляешь, а то раз в «десятку», раз в «молоко». Ну да ничего - у тебя всё впереди! - философски заметил Козлов, разглядывая мою мишень и намекая, скорее всего, на предстоящую армию.

- Это он случайно в «десятку», Егор Антонович, попал! - ехидно влез в наш разговор Сивчук.

- А ты, Витька, случайно в «пятёрку» угодил - скажи спасибо! А то бы одно «молоко» было, - обиделся я.

- Да ты видел, как я стрелял?! У меня прицел сбит! - вспыхнул Сивчук.

- Плохому танцору всё мешает! - поддержал Гутовский и, довольный тем, что окончательно вывел Сивчука из себя, с язвительной улыбкой добавил: - Дело было не в бобине - наш Сивчук сидел в кабине! Да-а, прицел у тебя и в самом деле сбит!

- Да пошёл ты! - крикнул Сивчук и, сжав кулаки, едва не бросился на Гутовского.

- А ну прекратить! - прикрикнул Козлов, - После драки кулаками не машут!

- Ладно, снайпер, ещё поквитаемся! - угрюмо предупредил Сивчук.

- Хотя сейчас, - пожал плечами Гутовский.

У всех троих победителей было хорошее настроение, они были в центре внимания и наперебой рассказывали, как это им удалось. Да и у остальных лица светились возбуждённой радостью от осознания того, мы наконец-то выросли и попробовали настоящее мужское дело.

Тучи окончательно разогнал всё усиливающийся ветер, и по небу, ненадолго закрывая солнце, неслись лишь большие кучевые облака. Впереди была целая неделя каникул, а затем нас ожидал месяц работы в лагере труда и отдыха в городском посёлке Пальминка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАЛЬМИНКА

Я опоздал в лагерь. Первое знакомство с интернатом и Пальминкой. Я при поддержке Маузерова и Гутовского занимаю койку Жалейко. Жалейко обижается. Колёсов храпит. Маузеров швыряется в него кедами. Мы с Маузеровым играем в темноте в шашки. Мы хотим в космос. Желание сходить по малой нужде приводит к тому, что мы выставляем окно и выбираемся на улицу. Просыпается физрук Медведев. Я начинаю ухаживать за Березняковой. Ботали по мнению Гутовского – французское название. Мы сгребаем сено на берегу Лосвидо. Я выгляжу далеко не самым лучшим образом. Лосвидо – очень большое и красивое озеро. Рыцарь без страха и упрёка. Лосвидо напоминает мне море. Тропа Наполеона. Могут ли камни расти на полях прямо из-под земли. Сашина, которая спала с парнями, кажется нам неприятной. Указатель, который сделали после большой пьянки. Собираемся на танцы. Абдулла обхаживает Пушкину. Играем в «бульбу» с пальминскими. Свинья посылает меня в нокдаун. Маузерову нравится «долбить Свинью мячом». На танцах музыка почти не слышна. Наслушавшись «Богатырскую силу», мы ломаем пол на танцплощадке. Я увожу Березнякову у Жалейко прямо из-под носа. Поцелуи посреди ржаного поля. Мы опоздали в интернат, но нам повезло.

В лагерь я всё же опоздал: так и не успел оформить в срок все положенные медицинские документы. И теперь, подъезжая к Пальминке, которая находилась всего в 12

километрах от Городка, я невольно представлял себе, как наша классная, вечно всем недовольная «мегера», сразу же на виду у всех примется распекаать меня за двухдневную задержку. Конечно, я покажу ей справку из санстанции о том, что «яйца глист» у меня «не обнаружены» за вчерашнее число, но вряд ли мне это особенно поможет. Надо было, конечно, сходить вместе с Гутовским в пятницу, тем более, что он за мной зашёл. Но, как назло, у меня не было ключа от квартиры, и я не мог оставить двери открытыми, поэтому Гутовскому пришлось идти одному. Впрочем, особого огорчения я тоже не испытывал: в то время, как наши два дня работали на полях, я всласть повалялся по утрам в постели и даже досмотрел до конца по телевизору «Трёх мушкетеров».

Сойдя на остановке в Пальминке, я нос к носу встретился с Машевским Сашкой.

- Ну ты, Игорь, даёшь! А мы думали, что ты уже не придешь! Чего опоздал? - спросил Сашка.

- Справку из санстанции еле взял, - пояснил я: - А ты чего здесь делаешь?

- В магазин ходил... Увидел автобус и решил подождать - вдруг кто из наших приедет?! Вот ты и приехал! - пояснил Сашка.

Автобус, хлопнув створками дверей, со скрежетом покатил дальше, окатив нас на прощание целым облаком пыли.

- Тьфу ты, идем отсюда, а то сейчас будем все в грязи! - чертыхнулся Машевский и оттащил меня в сторону от дороги, которая хоть и была покрыта асфальтом, но любая проезжающая мимо машина поднимала с обочины целые песочные вихри. Благо, со времени наших сборов не было ни одного дождя и все вокруг здорово высохло.

- Ну что, пошли в лагерь? - предложил Машевский.

- Пошли, - согласился я и по пути принялся расспрашивать о лагере, не забывая вертеть головой по сторонам: я ещё ни разу не был в Пальминке и знал только, что это молодая растущая деревня, возле которой недавно построили мощный свинокомплекс на пятьдесят тысяч свиней.

Кроме меня не приехало ещё человек пять, так что в итоге я оказывался не самым отпетым прогульщиком.

Интернат, где располагался сам лагерь, представлял собой старый одноэтажный, вытянутый вдоль шоссе барак с белыми, оштукатуренными стенами, с низкой, крытой старым, почерневшим от времени шифером, треугольной крышей и большим уютным двориком. Прямо посреди дворика стоял новый жилой дом из белого кирпича с обнесённым забором палисадником. Огорода при доме не было: он, видимо, находился где-то в другом месте. Жилой дом смотрелся как-то несуразно, словно его по ошибке занесло прямо в центр двора. Справа к интернату примыкала территория школы. Всё было одновременно и старым, но вместе с тем неплохо сохранившимся, так что поневоле возникало странное ощущение смешения эпох: с одной стороны окружающие постройки были возведены где-то в начале пятидесятых, с другой же - вокруг уже всюду царили восьмидесятые. Во всём этом было что-то от Уэллса с его машиной времени, и мне это даже понравилось.

Возле входа в интернат прохаживались Гутовский и Маузеров, поприветствовавшие нас радостными возгласами.

- Ну ты, Игорь, даёшь! Я уже, было, подумал, что ты не приедешь. Мы тебе койку заняли в своей комнате, как ты и просил. Но Крыса вместо тебя чуть Муркеша не поселила - сказала, пусть Муриков живёт, может, Тищенко ещё и не приедет, - упрекнул меня Гутовский.

- Ну, а вы? Неужели взяли Мурикова?

- Да ну, Игорь - пошел он на фик! Зачем он нам в комнате - он и в классе надоел. Разве что долбить кого-нибудь надо - но мы его и так задолбаем! - заверил меня Маузеров.

Наши жили в третьей комнате - через стенку от первой, где жили девчонки и, в том числе, как я уже успел узнать у Машевского по пути в интернат, Березнякова. Комната была самой просторной во всём бараке, и в ней было целых три больших окна, дверь, обитая жостью, круглая печь и девять кроватей, стоящих в два ряда: один с шестью кроватями возле наружной стены с окнами и один с тремя - возле внутренней, граничащей с коридором. Возле окон расположились Гутовский, Жалейко, Маузеров, Машевский Сашка и Колёсов. Возле стены ближайшая к двери кровать была свободной, на средней лежал Машевский Олег и в

самом углу – наш «старший» - физрук Сергей Иванович Медведев. Мне всё время хотелось назвать его Михаилом Потаповичем, хотя как раз на медведя он не был похож совершенно: стройный, подтянутый мужик в самом расцвете сил, который мог дать фору даже тем, кто был значительно его младше.

В комнате, кроме меня, Гутовского и Маузерова больше никого не было.

- Ну и где теперь я буду лежать? - разочарованно спросил я у Гутовского.

- Так, ведь, это... Ты не приехал, вот и..., - виновато пожал плечами Гутовский.

Ему было явно неудобно. Но я обиделся на него всерьёз - стоило мне опоздать всего на два дня, и даже лучший друг не побеспокоился о том, чтобы занять мне удобное место. В любом случае спать возле дверей мне не хотелось, и я стал думать, что делать дальше. Конечно, самым хорошим местом была койка Жалейко. Она стояла как раз рядом с койкой моего лучшего друга Гутовского. Гутовский хоть и поступил, с моей точки зрения, по-свински, но наша дружба от этого, естественно, пострадать не могла, и жить целый месяц рядом было бы лучше, чем жить возле дверей. С другой стороны стояла кровать Маузерова. Он тоже был моим хорошим товарищем (во всяком случае, из «бэков» у меня наилучшие отношения были именно с ним).

Решение созрело почти сразу же.

- Ты был бы не против, если бы вместо Жалейко рядом с тобой была моя койка? - поинтересовался я у Маузерова, заранее рассчитывая на утвердительный ответ и нарочно глядел мимо Гутовского, который должен был глубже осознать свою вину.

Мои ожидания полностью оправдались.

- Конечно, я был бы не против! С чего мне быть против?! - пожал плечами Маузеров.

- Можно подумать, что я был бы против! - обиженно заметил Гутовский: - Да перестань ты дуться, к чему ты спросил?!

Выдержав паузу, я посмотрел на Гутовского, затем на Маузерова и, наконец, решился:

- Так уж поучилось, что я опоздал. Но вы не против, чтобы я расположился на месте Жалейко. Я тоже за. Три мнения больше, чем одно. Предлагаю поменять местами меня с Жалейко...

Говорил я немного сбивчиво и неуверенно, словно стыдился, предлагая какую-нибудь пакость. Впрочем, конечно же стыдился, потому что торопился поменять койки, пока самого Жалейко нет в комнате - он вряд ли согласился бы на такой обмен.

Гутовский и Маузеров переглянулись, но промолчали.

Я не выдержал и раздражённо сказал Гутовскому:

- Ну, если ты против, можно ничего не делать и ничего не менять!

- Да ладно тебе... Вот только Игорь может обидеться....

- перебил меня Гутовекий и, обращаясь уже к Маузерову, спросил: - Ну что, передвинем?

- Какая мне разница?! Мне с Тищенко даже лучше будет!

- согласился Маузеров, и они без долгих разговоров поменяли койки местами.

- Ну, Игорь, теперь сиди, как Леонов в «Джентельменах удачи», и говори, что «пасть порвёшь и моргалы выколешь», - пошутил Гутовский.

- Вы тоже, чуть что, помогайте, - рассмеялся я в ответ, но на душе было не слишком спокойно, во всяком случае Жалейко должен был как-то прореагировать на мою выходку.

Минут через десять появились остальные жильцы. Я разлёгся на кровати, но затем встал, потому что пришлось здороваться с Машевским Олегом, Колёсовым и тем же Жалейко, которых я ещё не видел. Встретили меня довольно шумно - в комнату даже заглянула Крыса. Увидев меня, она фыркнула и со злостью заметила:

- Господи, я-то думала, что это за счастье нам привалило, а это Тищенко изволил наконец-то приехать. А вы бы как его товарищи сейчас не целовались бы и обнимались, а пояснили ему, что нехорошо сидеть дома в то время, как другие работают.

Я попытался было объяснить, но классная меня не слушала и лишь талдычила одно и то же о моём отношении к работе и товарищам. Мне это надоело, и я отошёл к своей

кровати.

- Ладно, завтра поговорим, а сейчас устраивайся, - подытожила классная и, недовольно хлопнув дверью, ушла.

- Вот Крыса! - буркнул Машевский Олег, проводив её недовольным взглядом.

- А ты... Что это ты? - удивленно спросил Жалейко, думая, что я улёгся на его кровать,

- Послушай, Игорьь, мы с Гутовским друзья - нам удобнее будет вместе. Какая тебе разница? Мы перенесли твою койку к дверям, а ту сюда для меня поставили, - пояснил я и посмотрел на пол.

- Как это перенесли? А если я не хочу? Нет, так, малыцы, не пойдёт! - решительно возразил Жалейко.

К моей досаде всё еще больше испортил Колёсов, который подошел к Жалейко и, насмешливо похлопав того по спине, спросил:

- Что, Тищенко твои вещи на пол сбросил?

Жалейко, ничего не ответив, пожал плечами и продолжал смотреть на меня. Мне было неловко, и я сорвал злость на Колёсове:

- Чего ты всякую ерунду выдумываешь?! Мы просто взяли и всё аккуратно переставили местами, а ничего никуда не сбрасывали.

Остальные, обратив, наконец, внимание на шум, сгрудились вокруг нас и спорной койки.

- Так не пойдёт, малыцы! - продолжал настаивать Жалейко, что совсем не входило в мои планы. - А кто ещё переносил койку?

Я посмотрел на Гутовского. Тот, встретившись со мной взглядом, наконец, пояснил:

- Ну, мы с Маузеровым, а что?!

- Ну, ты, Серёжа, ладно... Понятно... Ну а ты, Андрюха? - обиженно упрекнул Жалейко Маузерова.

- А что я? Да ладно тебе, Игорёк, чего ты проблему из этого сделал?! Тебе что - не хочется с Машевским Олегом рядом жить?! - упрёком на упрёк ответил Маузеров.

- Да нет... Но..., - растерялся Жалейко.

- Я думал, что ты согласишься, тем более, что ты с Машевским Олегом и в самом деле дружишь, - «дожал» я Жа-

лейко.

- Ладно, мальцы, я всё понял, но так не делают! - обиженно подытожил Жалейко и улёгся на свою новую кровать у дверей.

Я улёгся на свою. Было неприятно, что моё первое появление в лагере сразу же окончилась скандалом. Одноклассники с хмурыми лицами лежали на своих койках, время от времени обмениваясь натянутыми репликами. Боковым зрением я видел, что Жалейко пристально смотрит в мою сторону, но я сделал вид, что не замечаю этого и старался не встречаться с ним взглядом.

Пришёл Медведев и, увидев меня, что-то хмыкнул о моей предполагаемой «паховой грыже», которая мне не позволила приехать в лагерь вовремя. Я промолчал.

Наконец мне надоело валяться, и я попросил Гутовского показать мне территорию.

На улице то и дело попадались одноклассники и одноклассницы, и мне вскоре надоело рассказывать всем одно и то же о том, почему я приехал позже остальных. Мне хотелось увидеть Березнякову, но её нигде не было, а идти без всякого повода прямо перед сном в её комнату мне было неловко.

Перед отбоем нас всех выстроили во внутреннем дворе интерната и устроили переключку, как будто бы кто-то мог сбежать. Хотя, в общем-то, это делалось скорее для перестраховки, чтобы вовремя знать, если с кем-то что-то случится. Кроме наших, теперь уже десятых классов, были девчонки из девярых и несколько мальчишек, в том числе из восьмых, но костяк лагеря составляла, конечно же, наша параллель.

Перед сном нам дали пять минут на туалет.

- А если у меня, к примеру, запор?! Почему только пять минут дают? - спросил я у Гутовского.

- Ну, во-первых, не каждый же день у тебя будет запор, а во-вторых, если уж припрёт, можно немного задержаться. Классная обычно выступает, а Медведев к этому терпимо относится, - пояснил Сергей.

Туалет подставлял собой деревянный сарайчик, разделённый на два пятиместных отсека. Тонкая дощатая

перегородка была слишком слабым препятствием для разговоров, и можно было без особого труда расслышать всё, о чем говорилось в соседней половине. Некоторые из наших мальчишек пытались обмениваться через перегородку шутками и, надо сказать, что Симченко, а в особенности Пятитуркна, никогда не отличавшиеся особенной стеснительностью, отвечали той же монетой и, как мне казалось, были рады неожиданной своеобразной забаве. Я в этом не участвовал, считая крики в туалете через перегородку большой дуростью и пошлостью.

Уже после отбоя в комнате мы принялись рассказывать друг другу анекдоты (благо, Медведева пока не было). Очередной анекдот, который рассказывал Маузеров, неожиданно прервал едва слышный храп.

- Кто это спит? - удивился Андрей.

Все затихли. Храп доносился из противоположной стороны комнаты.

- Эй, Саша, ты спишь, что ли? - шёпотом спросил Маузеров.

- В ответ вновь раздался храп.

- Конечно, он! - подтвердил я и засмеялся.

- Ты уши мой, а потом слушай! Я молчал, чтобы тёзку не разбудить. Это, пацаны, наш Колёсов храпит! - откликнулся Машевским.

- Вот падла - а я тут стараюсь, анекдот ему рассказываю, а он спит! - то ли в шутку, то ли всерьёз возмутился Маузеров.

- Да пусть поспит, если заснул, - вступил в разговор Жалейко, всё ещё недовольный тем, что Маузеров принимал участие в его насильном переселении.

- Да ну, какой может быть сон?! Мы же ещё не спим! - возмутился Маузеров и принялся шарить рукой под своей кроватью в поисках предмета, которым можно было бы запустить в Колёсова. Потом передумал и попросил Машевского: - Санёк, передай мне кеды Колёсова.

- Зачем?

- Ну, передай - сейчас увидишь.

Пошарив под кроватью Колёсова, Машевский извлёк изпод неё два кеда и тут же передал их Маузерову. Я, было, подумал, что тот решил завязать на узел шнурки, но Маузе-

ров, не долго думая, швырнул один из кедров прямо в стену над кроватью Колёсова. Кедр с громким хлопком ударился о штукатурку и рухнул едва ли не на голову Колёсову. Было слышно, как осыпался приставший к подошве песок. Колёсов едва заметно шевельнулся, но храпеть не перестал.

- Делать тебе, Андрюха, нечего, что ли?! - проворчал Жалейко.

Не обратив никакого внимания на его реплику, Маузеров отправил второй кедр вслед за первым. Он тоже угодил в стену, но упал ближе к ногам Колёсова. Колёсов промычал что-то нечленораздельное и перевернулся на другой бок лицом к стене.

- Дай еще что-нибудь, - попросил Маузеров у Машевого.

- Хватит, больше ничего нет, - отозвался Сашка.

Я засмеялся.

- Вот дураки, только грязи ему на постель набросали! - возмутился Жалейко.

- Да, Андрюха, не надо больше! Перестань! - поддержал Жалейко Гутовский.

Я был с ними согласен. Но промолчал, не желая портить отношения с соседом, тем более, что Маузеров явно не собирался пока прекращать броски в спящего или притворяющегося спящим Колёсова. Но когда возмутился и второй Машевский, Андрей всё же вынужден был уступить, и оставил Колёсова в покое.

Тот продолжал лежать без движения, и я так и не смог понять, спит он или нет. Но даже если он и не спал, предпринимать ему что-то было уже поздно, и сохранить лицо было легче, претворившись спящим. Я живо представил, как Колёсов спит посреди песка и обуви, и решил, что Маузеров все же переборщил, и история с кедами получилась злой, явно перешагнув через допустимые пределы обычной дружеской шутки.

- Игорь, - позвал Маузеров.

- Чего? - откликнулся я.

- Ты спишь?

- Нет. Не хочется.

- И мне не хочется. Может, в шашки сыграем?

- Как же мы будем в темноте играть? – удивился я.

- Почему в темноте? Сейчас включим! – возразил Андрей, который, и в самом деле поднявшись с кровати, щёлкнул выключателем.

Затем вернулся к своей тумбочке, достал оттуда карточную шашечную доску и шашки. Но едва мы расставили шашки на исходные позиции, как в коридоре послышались чьи-то шаги. Маузеров быстро положил доску с шашками на свою тумбочку, и мы притворились спящими. Со стороны коридора кто-то попытался тихо открыть дверь, но она предательски заскрипела. Тогда наша классная решительно её распахнула и влетела в комнату. Все притворились спящими, и классная, видимо решив, что мы просто забыли погасить свет, щёлкнула выключателем и вышла в коридор, плотно притворив за собой дверь.

- Ну, что, завтра доиграем? – спросил шёпотом я у Маузера.

- Давай сейчас! – возразил Андрей. – От окна много света: на улице фонарь ярко горит.

Я согласился.

Мне, впрочем, не столько хотелось играть в шашки, сколько просто интересно было играть в них ночью. Это было необычно и уже поэтому интересно. Себе я сразу же выбрал чёрные, а Маузерову предложил белые. Он и сделал первый ход. Те из наших, кто ещё не спал, тоже следили за игрой на слух, интересуясь, выйдет ли что-нибудь путное из нашей затеи. Лучше всего были видны белые шашки на чёрных клетках, чёрные на белых – чуть хуже, ещё хуже – белые на белых, и уж совсем никакой возможности не было рассмотреть чёрные шашки на чёрных полях. Стараясь разглядеть мои шашки, Маузеров склонился почти к самой доске и напряжённо сопел, словно собирался сейчас поднять тяжёлую штангу. Это забавляло наших соседей, и они то и дело забрасывали нас целым потоком шуток, что делало ещё более сложной любую осмысленную игру. Поначалу Маузеров немного потеснил меня на правом фланге, но я вскоре заметил, что Андрей не видит моих боковых шашек, расположенных на чёрных полях. Дождавшись, пока позиции противника «разрыхлятся», я из засады безнаказанно

сбил сразу две вражеские шашки. Маузеров вновь заметил не ту, которую стоило бы заметить, и я сбил третью. Это окончательно рассердило Андрея, и он стал перед каждым своим ходом ощупывать доску, проверяя расположение своих и моих шашек. У меня это вызывало целые приступы смеха, хотя, если признаться честно, и мне время от времени приходилось подносить шашки почти к самым глазам, чтобы, помимо всего прочего, определить их цвет. При этом нас вовсю смешил Гutowский:

- Андрюха, ты смотри внимательнее, а то товарищ Тищенко уже, может, половину твоих шашек своими сделал.

Игра шла с переменным успехом, и мне уже надоело таращить глаза в темноту, но проигрывать не хотелось, а выиграть всё никак не удавалось. Видимо, Маузерова одолевали те же чувства, потому что он, наконец, предложил мне ничью, на которую я охотно согласился.

- Победила дружба! – со смехом подытожил Гutowский, а мы с Маузеровым условились, что сыграем ещё раз при свете дня.

- Только дяди Миши не хватает, чтобы он вашу победу объявил. Нам, кстати, крупно повезло, что вместо него с нами поехал Медведев! – засмеялся Гutowский.

- Да уж, дядя Миша поздравил бы..., - хмыкнул я. – Небось сказал бы что-нибудь похабное!

- Вам чё, Мельник не нравится? – удивился Маузеров.

- А тебе что, очень нравится? – вопросом на вопрос ответил Гutowский.

- Да ну, Серёжа, он вот такой мужик! – принялся защищать Мельника Маузеров. – А какой тренер – наш Сидоров едва не побил женский рекорд Союза по прыжкам в высоту.

- Тренер он, может, и неплохой, но грубый слишком, хамло ещё то, одним словом! – пришлось возразить мне, потому что Гutowский замолчал.

С одной стороны, он тоже считал Мельника дураком и хамом, но с другой, иногда ездил под его руководством на соревнования.

- Да ну! Если кому что и говорит, то по делу! – продолжал настаивать Маузеров.

- Это он тебе по делу, потому что ты его ученик в спорте,

а к остальным он по-хамски относится. Ну а тренер он и в самом деле хороший. Я и то метр сорок брать научился ножницами! – подытожил я.

- Сегодня наши опять в космос полетели и с собой какого-то вьетнамца взяли, - сообщил Гутовский, чтобы сменить тему разговора. – Я сегодня по «Маяку» слышал, когда машина агронома с включённым приёмником неподалёку от нас стояла.

- Повезём очередного туриста! – засмеялся Маузеров.

Я тоже засмеялся, но шутка мне не слишком понравилась: всё-таки вьетнамцы были нашими союзниками.

- Может быть, и мы когда-нибудь полетим в космос. Представляете, будут лунные базы, а мы, возможно, будем там работать и летать в отпуск на Землю! – мечтательно произнёс Гутовский.

- Конечно, было бы здорово. Или на межпланетной станции вроде «Салюта-6» или «Салюта-7». Хотя на Луне, конечно, лучше! – охотно откликнулся я.

- Попрыгать можно. Мы ведь там в шесть раз легче весить будем, да? – спросил Гутовский, потому что я считался школьным знатоком астрономии.

- Можно. Но даже не в этом дело. Представляешь, какой луноход в шестидесятых по Луне ходил?! А какие будут, когда нам будет по тридцать?!

- Может, вместе в космонавты двинем? Трудно, конечно, попасть, но после лётного училища можно попытаться, - предложил Гутовский.

- Тебе можно, у тебя здоровье хорошее. А меня не возьмут. Разве что в наземные службы слежения. Хотя в космонавты вообще непросто попасть – один из тысячи лётчиков! А интересно, конечно, кем мы все с вами будем лет через десять? Я, например, пойду в педагогический...

Мы ещё долго мечтали, пытаясь представить, какими будем через несколько лет, где будем учиться и работать, какие создадим семьи, какими будут наш город и наша страна. Будущее манило и одновременно немного пугало. Впереди нас ожидала большая жизнь, остался последний год учёбы в школе. А значит, скоро придётся расстаться и со своей школой, и со своим классом, друзьями, родителями-

ми и близкими и, может быть, со своим городом и остаться один на один с внешним большим миром, новыми, чужими людьми. Это настораживало, пугало и поднимало из глубин души глубокую грусть и ностальгию по уходящему детству. Но вместе с тем этот новый мир и эти новые люди, ещё пока неведомые, но уже стоящие у самых горизонтов наших судеб, манили сладостной и многообещающей неизвестностью, грядущими триумфами и поражениями, падениями и взлётами и всем тем, что называется большой взрослой жизнью. И каждый из нас хорошо понимал, что нынешнее лето – особенное. Последнее лето нашего детства. Лето 1983 года...

Наши мечты и разговоры прервал Медведев, наконец-то возвратившийся в комнату. Но наши растревоженные сердца и души ещё долго не могли успокоиться, и, едва Сергей Иванович уснул, как мы тут же возобновили нашу беседу.

От размышлений о будущем мы плавно перешли к разговорам о Пальминке и предстоящем трудовом месяце.

Неожиданно Гутовский заявил, что хочет в туалет. Тогда никто из нас ещё не догадывался, к каким последствиям всё это может привести. В туалет хотел и я, но пока молчал Гутовский, с этим можно было как-то мириться. Но едва Сергей заявил о схожем желании, я сразу же вспомнил, что интернат закрыт на ключ, и мне стало совсем невозможно.

- Я бы тоже сходил. И что это за манера такая – запирается на ключ?! В постель отливать, что ли?! – возмущённо пробурчал Маузеров, которого тоже задела за живое слова Гутовского.

- И я хочу! – откликнулся то ли проснувшийся, то ли и вовсе не засыпавший Колёсов.

- А в коридоре нет какого-нибудь ведра? – поинтересовался я у Гутовского.

- Нету.

- Сейчас тебе ведро тут поставят! – засмеялся Машевский Олег.

- А что, малыцы, было бы удобно! – пошутил Жалейко.

- Ага! А потом ты бы это ведро и выносил! – поддержал шутку Олег.

- Это почему я?

- А ведро бы возле печки стояло у дверей – больше всё равно другого места нет. А твоя койка ближе всего.

- Дежурство бы установили, - серьёзно сказал Колёсов, и именно поэтому все рассмеялись.

- Тише вы, Медведева разбудите! – цыкнул Машевский Олег.

- Нет, малыцы, мне не до смеха, надо идти куда-то! – перебил Гутовский.

- А ключ где? – спросил я.

- То ли у Медведева, то ли у Крысы. Не будить же их.

- Давайте попробуем окно открыть! – решил я, наконец, Гутовский. – Но только тихо, чтобы Медведев не проснулся.

- А что, давайте! – поддержал Машевский Сашка.

Столпившись возле окна, расположенного как раз между моей кроватью и кроватью Гутовского, мы принялись открывать окно, скорее мешая, чем помогая друг другу.

- Ну что вы копаетесь?! – спросил я.

- Да не открывается что-то! – ответил Машевский Сашка.

- Тихо! Рама не открывается, а вынимается целиком, - наконец, догадался Гутовский.

Ещё пару минут понадобилось на то, чтобы найти гвозди, которые крепили раму к стене, и вытащить их, в чём весьма преуспел Маузеров, обошедшийся собственными пальцами.

- Ты, Андрюха, может, и узлами можешь гвозди завязывать? – спросил я у Маузерова.

Тот медленно, с расстановкой, ответил вполне серьёзно:

- А зачем? Понадобиться – завяжем.

Внутри рама не вынималась, и пришлось выставлять её наружу. Машевский и Гутовский несколько раз ударили по ней руками и едва успели подхватить, когда, наконец, подавшись вперёд, окно едва не вывалилось наружу. Громко задребезжали стёкла, и мы притихли, думая, что Медведев наверняка проснётся от произведённого нами шума. Но тот лишь пробормотал что-то нечленораздельное и перевернулся с бока на бок.

- Спит, как сурок, я бы давно проснулся, - шепнул мне Гутовский.

- Наше счастье, что спит, - согласился я. - Ну, полезли,

чего остановились?! Будем одеваться и обуваться?

- Зачем одеваться, кто нас ночью увидит?! – махнул рукой Машевский и вместе с Гутовским втащил раму внутрь и положил её возле моей кровати.

Я первым вскочил на подоконник и осмотрелся вокруг. Было тепло и тихо, и я осторожно, чтобы не порезать ноги, опустился на траву. Вслед за мной вниз прыгнул Машевский.

- Надо было дальше отойти, а то под самым окном! – заметил Машевский, но сам так никуда и не отошёл.

Вслед за ним выпрыгнули Гутовский, Колёсов и Маузеров.

- Тоже мне, Веречье номер два! – со смехом сказал я.

- Это потому, что наши учителя ни о чем не думают. Ладно, там на нас нападали, а тут-то чего?! – проворчал Гутовский.

Постояв на улице и посмотрев на яркие звезды, мы принялись осторожно влазить через окно назад в комнату. Медведев вроде бы спал, но слишком уж часто и подозрительно ворочался.

Наконец, все были вновь в сборе в комнате. Теперь нужно было вернуть окно на место. Толпиться всем возле оконного проёма не было не только никакой необходимости, но даже и возможности, и мы, немного посоветовавшись, отправили на свои койки Жалейко, Колёсова и Машевского Олега. Они спали ближе всего к Медведеву и в случае чего должны были своим присутствием продемонстрировать, что у нас всё в порядке.

Мы же вместе с Маузеровым, Гутовским и Машевским Сашкой принялись вставлять окно на место. Вся трудность заключалась в том, что окно можно было поставить на место без особых проблем только со стороны улицы, но тогда кому-то пришлось бы остаться снаружи, а затем входить через двери, от которых не было ключа. Закрывать же изнутри было гораздо сложнее: рама была просто шире проёма. Промучившись минут пять, Машевский потерял терпение и несколько раз сильно дёрнул раму на себя. Не без труда, но всё же окно зашло на своё место, немного перекосившись вверх. Медведев что-то проворчал и перевернулся

на другой бок. Нам, конечно, стоило бы действовать более осторожно, но, войдя в раж, уже не так-то просто совладать с переполняющими тебя эмоциями, и Маузеров, ухватившись за форточку, ещё раз рванул раму на себя, намертво затолкав её на место.

- Что там такое? – злым, сонным голосом спросил Медведев.

- Из окна дует, Сергей Иванович, - невозмутимо пояснил Маузеров и быстро засунул в прежние дырки поддерживавшие раму гвозди.

- Это что, повод, чтобы греметь окном в два часа ночи?! – рассерженно поинтересовался Медведев и, так и не дождавшись ответа, сердито добавил: - Спице, завтра рабочий день!

Для меня так и осталось загадкой, видел ли Медведев нашу вылазку из комнаты, но поделиться этой мыслью было не с кем: наши молчали, встревоженные пробуждением Сергея Ивановича, и комната начала медленно погружаться в тишину.

Я долго не мог уснуть, перебирая в памяти все перипетии прошедшего дня, затем вспомнил о том, что до сих пор ещё не поговорил с Березняковой и стал представлять, как всё это будет завтра. Медведев тоже не спал, время от времени ворочаясь и поскрипывая пружинами своей кровати.

Прошло несколько дней. Я совершенно освоился в лагере и ближе к концу второй недели мне начало казаться, что мы живём здесь очень давно и живём не так уж и плохо. С Березняковой мы успели несколько раз потанцевать на местной открытой деревянной танцплощадке и даже два раза погуляли по Пальминке. Всё шло как нельзя лучше, и единственное, что меня заботило на сегодняшний день – то, что я за эти два дня так и не поцеловался с Березняковой. В первый раз вообще не решился, а во второй неловко чмокнул её куда-то в щёку и при этом смутился гораздо больше, чем она сама. Впрочем, времени, чтобы исправить первые досадные промахи, было ещё более, чем достаточно. Хуже было то, что сама Березнякова больше посматривала в сторону Гутовского и, похоже, проводила время со

мною лишь потому, что Гутовский ухаживал за Наташкой из девятого «Б». Но с этим я тоже мирился. Во-первых, так было ещё в школе, а во-вторых, пока Гутовский не отвечал Березняковой взаимностью, я чувствовал себя вполне в безопасности. Сегодня тоже должны были быть танцы, и я уже успел с утра заручиться согласием Березняковой пойти на них вместе. Хотя «вместе» было всего лишь условностью: на танцы мы всегда шли общей шумной гурьбой.

Машина медленно ползла вверх на пригорок по неровной, почти «фронтальной» дороге, поднимая целые тучи пыли, которые ещё долго неслись позади нас длинным мутным шлейфом, пока их, наконец, не разгонял лёгкий юго-восточный ветер. Лето было в самом разгаре, и даже урчание нашего «газика» и всеобщая болтовня не могли заглушить шума листвы и пения птиц, доносящегося из каждого мало-мальски заметного придорожного куста.

- Видел, как деревня называлась, которую мы проехали перед тем, как свернуть на эту чёртову дорогу? – спросил у меня Гутовский.

- Ботали, что ли?

- Ботали. Знаешь, здесь ведь Наполеон со своей армией к Смоленску рвался?

- Знаю, конечно! Сами с тобой тропу Наполеона на Лосвидо смотрели. Ну и что?

- Мне кажется, что в названии «Ботали», особенно при белорусском произношении - «Баталі», сразу же чувствуется что-то французское.

- Что же здесь французского? – удивился я. – Михали, Станули, Грибали... Мало ли у нас в Белоруссии разных деревень на «ли» заканчивается?!

- Ну не скажи! Сравни «Ботали» и «Грибали». В этом названии есть что-то от сражения – баталии. Может, здесь произошёл какой-нибудь крупный бой, вот и решили назвать деревню «Ботали». Красивое название, - продолжать доказывать Гутовский.

Он смотрел в сторону Боталей с таким видом, словно сам участвовал в том воображаемом бою.

- Придумаешь тоже! Ничего особенно красивого. Это

просто созвучие такое. Это по-белорусски – «Баталі», а по-русски – «Ботали». Ещё меньше сходства. Просто какая-нибудь малоизвестная специальность «боталь» была, вот и дали деревне такое название.

- Ага, там переводчики жили, по-французски «ботали»! – засмеялся Машевский Олег, прервавший наш спор.

Гутовский хотел сказать ещё что-то в поддержку своей гипотезы, но машина остановилась, и все принялись соскакивать вниз. Хотя, если точнее, соскакивали только парни, а девочки спускались по приставленной к заднему борту маленькой металлической лесенке.

Привезли нас на сено. Вокруг, до самого поросшего кустами берега озера Лосвидо простирался свежескошенный луг. Пожелтевшая, высохшая скошенная трава аккуратными полосами уходила вдаль, распространяя вокруг щекощущий нос, терпкий и приятный запах сухого сена. Вокруг наших голов роились сотни всевозможных мошек и мух. То там, то здесь пролетали стрекозы, поблёскивая на солнце своими маленькими прозрачно-слюдяными лопастями.

Девчонкам выдали грабли, а нам – вилы. Девчонки должны были сгребать сено в кучи, а мы – грузить эти кучи на машины. Часть наших мальчишек уехали собирать камни возле деревни с подходящим названием – Каменка, поэтому, посоветовавшись, местный агроном и Медведев разделили нас на тройки, чтобы две девчонки сгребали сено, а парень его грузил.

По полю уже ездила машина, в кузове которой сидели два местных мужика, аккуратно и ловко укладывающих сено, которое им грузили вилами уже начавшие работать местные школьники.

- Можно, я тоже на машину полезу, когда она придёт? – попросил Медведева Гутовский.

- Будем в эту грузить. Вас только пусти наверх – вы там уложите! – отрицательно покачал головой Медведев и, улыбнувшись, заметил: - Это тебе, Гутовский, не окно ночью в комнате высаживать, здесь умение нужно. Видишь, даже местных на машину не пустили. А вас и подавно. Хотите, чтобы сено по дороге свалилось?

Переглянувшись с Гутовским и Машевским Сашкой, мы

поняли, что наши ночные похождения, о которых мы уже успели забыть, не остались тайной для Медведева. Было только странно, что он до сих пор молчал, так никому ничего и не сказав.

Довольный произведённым эффектом, Медведев добавил:

- Скоро мне уезжать и сдавать смену Козаку. Он будет с вами жить. Не знаю, как он с вами будет справляться, вы его точно вперёд ногами вместе с кроватью ночью вынесете. Да?

Мы слабо улыбнулись в ответ, потому что было трудно понять, говорит Медведев всерьёз или шутит. Лицо у физрука было серьёзным, но его настоящие чувства всё же выдавали смеющиеся глаза.

Известие о приезде Козака нас обрадовало: Медведев был хорошим мужиком, но нам при нём труднее было вести себя так, как нам того хотелось бы. Козак же даже в школе не мог держать дисциплину на должном уровне, а уж здесь и подавно, наверняка не станет к нам цепляться.

Я попал в тройку вместе с Березняковой и Сазоновой, чему был, естественно, очень рад. Я так и не понял, получилось ли это случайно или же Медведев распределил нас так нарочно, успев за это время подметить наши в общем-то, не такие уж и скрытые юношеские симпатии и антипатии. Березнякова и Сазонова принялись сгребать сено, а я, не слишком усердствуя в ожидании машины, которую мне ещё предстояло грузить, неторопливо помогал им вилами. У Сазоновой работа спорилась, и получалось гораздо быстрее и лучше, чем у Березняковой. Ольга же то и дело теряла сено, и ей приходилось возвращаться, чтобы подобрать оставшиеся охапки. Березняковой было неловко, что у неё всё так плохо получается, и она время от времени искоса поглядывала в мою сторону. Рита это заметила, но стала работать ещё лучше, словно специально старалась подчеркнуть беспомощность Ольги. «Словно дети», - подумал я и невольно улыбнулся. От Березняковой не укрылась моя мимолётная улыбка и она, капризно надув свои чуть полноватые губки, недовольно спросила:

- Ну, чего ты улыбаешься? Думаешь: вот как Сазонова

хорошо работает, а Березнякова ничего не умеет! Ты думаешь, что я ничего не умею, да?!

Я внимательно взглянул в её глубокие, почти чёрные глаза, пытаясь прочесть истинные чувства, которые испытывала Ольга. Лицо Березняковой было всё таким же капризным, но в глазах поблёскивали весёлые искорки, и я продолжил в той же едва заметной ироничной манере:

- Я ничего не думаю, но, Ольга, сама подумай: ты едва успеваешь сделать половину того, что делает Рита.

- Да ладно тебе меня хвалить! – смутилась Сазонова и неожиданно густо покраснела.

- Ну не привыкла я к такой работе, ну и что?! Понемногу научусь, – кокетливо улыбнулась Ольга.

Ветер с Лосвидо развеивал её чёрные косы, и мне неожиданно захотелось, чтобы все вокруг исчезли и мы остались вдвоём посреди этого луга со скошенным сеном. Я даже представил, как подошёл бы к Березняковой, обнял её, и наши губы слились бы в долгом страстном поцелуе. И целовал бы я её по-настоящему, а не так неуклюже и робко, как несколько дней назад.

Заметно похолодало. Начал накрапывать лёгкий дождик. Ветер с озера продолжал усиливаться, и вскоре я почувствовал себя очень неудобно, когда холодные воздушные струи стали продувать мою взмокшую от пота майку. Кроме майки у меня больше ничего с собой не было, в то время как остальные запаслись тёплыми свитерами и болоньевыми куртками.

- Ну ты даёшь, Тищенко, как же ты так умудрился на работу в одной майке поехать? Так и простудиться недолго! – упрекнул Медведев, совершающий обход луга и проверяющий нашу работу.

- Да мне не холодно, Сергей Иванович! – возразил я, хотя в действительности начал понемногу замерзать.

- Я вижу, как тебе не холодно – вон все руки «гусиной кожей» покрылись. С работы тебя снять, что ли? – проворчал Медведев.

Убедившись, что он не шутит, Березнякова решила вмешаться в наш разговор:

- Сергей Иванович, я ему свою куртку отдам, я её всё рав-

но сняла, потому что на мне тёплый свитер.

- Ладно, отдай, - согласился Медведев.

- Держи, - протянула мне свою бело-красно-голубую куртку Ольга.

- Да ну, Медведев всё равно уже ушёл. Вот ещё - не я тебе, а ты мне куртку давать будешь?! Ещё чего не хватало! - фыркнул я.

- Но ведь тебе холодно. Ну, я прошу тебя! Ну, Игорёк! - Березнякова вновь капризно надула свои губки, и я согласился, потому что просто не мог ей отказать.

Сгребая сено, мы постепенно смещались в центр, где встретились с двумя местными парнями на год или два помладше нас. Они тоже сгребали сено в кучи. По дальнему краю луга ездил «газик», в кузове которого сидели всё те же колхозники. Но «газик» уже успел выгрузиться и теперь приехал за следующей партией сена. Деревенские, закончив работу, присели прямо на сено, изредка посмеиваясь и поглядывая в нашу сторону. Мы с Березняковой и Сазоновой в общем-то занимались тем же. Впрочем, будучи «городскими», считали, что достойны гораздо большего внимания, чем наши случайные спутники.

Наконец, минут двадцать спустя машина добралась и до нас. Один из деревенских, вытащив откуда-то вилы, принялся ловко накалывать на них большие охапки сена и подавать их мужикам наверх, которые быстро раскладывали сено в кузове. Не прошло и пяти минут, как вся куча сена, собранная деревенскими, была плотно уложена на дне кузова «газика». Заурчав, «газик» с недовольным пытением подъехал к моей куче. Я сразу же попытался наколоть на вилы как можно больше сена, но в результате едва смог оторвать охапку от земли. О том, чтобы подать её наверх в кузов, не могло быть и речи. Пришлось сбросить часть сена на землю, но теперь охапка получилась слишком маленькой, и принявший её мужик, переглянувшись с напарником, посоветовал:

- Ты не торопись, аккуратно грузи и бери столько, сколько сможешь подать, не надрывайся. Но и помалу брать не надо, чего зря вилами махать!

Я молча кивнул и, желая поскорее реабилитироваться в

глазах наблюдающих за мной Сазоновой и Березняковой, а также противно подсмеивающихся надо мной местных, вновь с размаха воткнул вилы в сено и вновь не смог оторвать охапку от земли. Почти тут же, сбросив лишнее сено вниз, я поднял оставшееся, но охапка неожиданно развалилась возле самого борта и высыпалась мне на голову. Местные откровенно заржали. Сгорая от стыда и не решаясь поднять глаза, я продолжал упрямо накалывать на вилы очередную охапку сена. К моему удивлению, это было не так то и просто. Наконец, когда у меня уже стало получаться так, как было нужно, один из колхозников окончательно потерял терпение и попросил помочь мне стоявших рядом местных. Я попытался было протестовать, но колхозник, смерив меня недовольным взглядом, пояснил:

- Патроху научышся. А счас пускай ани памогут: нам нада быстрее сена сабрать и ехать разгужацца.

- Ты что, никогда сено на машину не грузил? – удивлённо спросил местный, не в пример мне ловко орудующий вилами.

- А где же я мог его грузить?! Не в деревне всё-таки живу, а в городе. У каждого свои проблемы: у нас - городские, у вас – сено собирать! – огрызнулся я.

- Ну так учись. Это дело не такое уж и трудное. У тебя и так уже начало получаться. Ты, главное, немного вилы поворачивай - тогда они будут наматывать сено, и оно не будет сваливаться вниз, - продолжал поучать местный.

- Чего ты ко мне пристал?! Умеешь ты грузить это сено и грузи себе на здоровье. А я другое делать буду. Тоже мне, знаток сена нашёлся! – я почувствовал, что вот-вот готов выплеснуть своё раздражение наружу.

Парень от удивления даже перестал работать:

- Ты что, обиделся? Ну и зря, всех когда-то учили. И меня, и его, показал он на своего напарника.

- Грузите быстрее, нашли время болтать! – с досадой крикнул сверху мужик, принимающий сено, и мы, прекратив спор, вновь принялись грузить.

Наконец с нашей кучей было покончено, и машина поехала дальше. Вслед за ней отправились и деревенские. Первое время они шли молча, а затем, когда отошли доста-

точно далеко, начали смеяться.

Потешались они, конечно же, надо мной, да ещё и в присутствии наших девчонок, но я, обругав их про себя в сердцах «козлами», сделал вид, что меня это не слишком тревожит.

Березнякова незаметно подкралась ко мне сзади и провела травинкой по шее. Я решил было, что меня атаковал слепень и, к большому восторгу Ольги, треснул себя по шее ладонью, намереваясь прихлопнуть незваного гостя.

- Обманули дурака на четыре кулака! – захлопала в ладоши Березнякова и, сделав серьёзное лицо, заметила назидательным тоном: - Ну, что, не только я не приспособлена к работе в деревне? Ты тоже, похоже, белоручка.

Не найдя, что ответить, я надулся и отвернулся в сторону.

- Ох, ты, мы обиделись?! Нам неприятно, что мы – белоручки. Ты что, на самом деле обиделся?! Дурачок! Я же пошутила, Игорёк, ну что ты?! – извиняющимся тоном произнесла Березнякова, но как только я повернулся в её сторону, Ольга снова прыснула со смеху и закрыла лицо ладонями.

- Да хватит тебе, Ольга, над ним смеяться! Он ведь в квартире живёт, ему сено ни к чему! – пришла мне на выручку Сазонова.

Я, конечно же, вовсе и не думал обижаться на Березнякову и, понимая, что она шутит, сделал вид, что обиделся лишь для того, чтобы продолжить нашу словесную игру.

- А почему это ты, как только деревенские пришли, сразу же снял мою куртку и отложил в сторону? Испугался, что они будут смеяться, что ты ходишь в женской куртке? – с улыбкой спросила Березнякова. – Ну и зря, мог бы простыть. А по куртке всё равно толком не видно, мужская она или женская.

- Да ничего я не испугался – вот ещё, этих «крестов» бояться! Просто мне жарко стало, да и ветер перестал дуть. А вовсе не потому, что она женская. По ней и в самом деле трудно определить, мужская она или женская, - немного сконфуженно пояснил я, потому что и в самом деле не хотел, чтобы местные увидели меня в женской куртке.

Ветер, разогнав тучи, понемногу утих, и мы, ожидая,

пока за нами приедут, решили прогуляться к озеру. Тем более что я до сих пор ещё ни разу не видел вблизи с этой стороны самое знаменитое в районе озеро.

- Красиво-то как! – восхищённо воскликнула Рита, когда мы подошли к озеру поближе.

После небольшого холма мы прямо перед собой увидели огромное, протянувшееся на несколько километров Лосвидо во всей его красе. Казалось, что это огромный, отшлифованный до блеска драгоценный камень, окаймлённый искусной оправой из густого, обступившего его с трёх сторон леса. Над гладью воды медленно парили белоснежные, с чёрными кончиками крыльев, чайки, высматривающие с высоты свою очередную жертву. Порой какая-нибудь из птиц решалась и резко пикировала вниз, и при удачной охоте тяжело взлетала вверх, прочно удерживая в лапах зазевавшуюся, поблёскивающую на солнце мокрой чешуёй рыбу.

С нашей стороны леса не было – почти до самого Лосвидо от шоссе Витебск-Ленинград тянулся луг, на котором мы только что сгребали высохшее сено. Возле самого берега поле заканчивалось. Берег, поросший густой, высокой травой, плотным кустарником и склонившимися над водой ивами круто уходил вниз и заканчивался узкой полосой самой настоящей прибрежной гальки, словно перед нами было море.

Рита смело спустилась вниз, но Ольга, завизжав, заявила, что обожглась крапивой, и остановилась. Мне пришлось найти подходящий гибкий дубчик и прорубить им для Ольги небольшую тропинку. Орудя дубчиком направо и налево, я представлял себя путешественником-первопроходцем, который, работая длинным ножом-мачете, разрубает лианы и прокладывает путь в непроходимых джунглях для двигающейся за ним экспедиции. Видимо, я увлёкся мечтами о путешествиях и у меня был слишком серьёзный вид, потому что Ольга расхохоталась и насмешливо напомнила мне народную сказку о том, как мужик одним ударом убил семерых... комаров.

- Ты прямо рыцарь без страха и упрёка! Какое мужество в твоих глазах! Рита, посмотри, как Игорь похож сейчас на

Илью Муромца, побеждающего Змея Горыныча!

Сазонова тоже засмеялась.

- Ну, вот, сделай вам доброе дело, так вместо спасибо одни насмешки получишь! – ответил я и тоже улыбнулся.

Рита подобрала плоский камешек и попыталась швырнуть его вдоль поверхности воды, чтобы заставить прыгать. Но у неё ничего не получилось: один раз подпрыгнув, камешек исчез в набежавшей волне.

- Ну и волны же здесь! При таких и купаться страшно! – с неподдельным удивлением воскликнула Березнякова и осторожно потрогала воду рукой.

- Ну, что, тёплая? – спросила Рита.

- Вполне. Может, испушнёмся? Хотя, ладно, сохнуть негде, скоро всё равно поедем.

- Ты что, Оля, никогда волн не видела? Разве это волны?! Вот мы несколько раз на Азовском море в Жданове отдыхали, вот там волны! – заявил я с видом знатока, исколесившего вдоль и поперёк все моря и океаны, хотя для озера на Лосвидо были вполне приличные волны, которые порой закручивались небольшими белыми барашками.

- И ты что, плавал, когда были волны?! – недоверчиво спросила Березнякова.

- Нет, сидел на берегу! Конечно же, плавал! Знаете, как здорово во время шторма?! Можно качаться на волнах. Только возле берега опасно: может швырнуть и ударить о дно. Пока будешь подниматься и выходить на берег, сзади вторая волна ударит. Главное – воды не нахлебаться! И песка в плавки набивается целая туча!

- А может, и ещё куда?! – спросила Рита, и они с Березняковой, переглянувшись, весело рассмеялись.

- Может, и ещё куда, – кивнул я, решив поддержать шутку.

- Ну и как потом с этим песком? – спросила Сазонова.

- Там душ есть – всегда можно помыться. Правда, вода там холодная – без особой нужды под него тоже особенно не полезешь.

- Не люблю я такой отдых, когда вокруг куча народа! И вода солёная... То ли от соли, то ли ещё от чего то. Людей то много, – заметила Сазонова, и они вновь засмеялись.

- Ну и от чего вода солёная? – поинтересовался я, хотя ответ знал заранее.

- Все в море ходят вместо туалета. Вот радость – в таком плескаться! – фыркнула Рита.

- Это ты потому говоришь, что никогда на море не была. Много ты понимаешь... Знаешь, какая морская соль полезная?! Меня специально родители возили, чтобы я нос в морской воде полоскал – у меня тогда до следующего лета кровь из носа не шла. Так что морской воде цены нет! – продолжал защищать я море.

- Смотрите, какое здесь дно: ребристое, словно стиральная доска. И мальки почти возле самого берега плавают, – прервала наш спор Березнякова.

На мелководье и в самом деле то там, то здесь проносились стайки любопытных, но очень пугливых мальков. В камышах иногда раздавались шумные всплески то ли спасающихся от хищных зубов щуки, то ли затеявших какую-то игру крупных рыб. Возле самого берега к глубоко всаженным в дно металлическим кольшкам были привязаны лодки.

- Вот бы поплыть далеко-далеко на лодке! – мечтательно произнесла Березнякова.

- Мы с Гутовским в самом начале июня, ещё до похода, сюда на велосипедах ездили. Сдали их на хранение на турбазе, а затем по паспорту получили лодку на четыре часа. Так что мы на Лосвидо уже успели поплавать. Только это на турбазе, на той стороне, – показал я рукой туда, где, как мне казалось, находилась турбаза. – Там озеро делает поворот, и от него отделяется широкий залив-рукав. В конце этого залива и находится турбаза. Там не только лодки можно взять, но даже водные велосипеды-катамараны. Но они дороже стоят и медленнее плавают – мы специально лодку взяли. Доплыли до самой Наполеоновой тропы.

- Что это за тропа? – заинтересовалась Ольга.

- Во время Отечественной войны 1812 года то ли сам Наполеон, то ли кто из его военачальников шли здесь на Смоленск.

- Разве на Смоленск так ближе? На Смоленск через Лиозно ближе! – засомневалась Сазонова.

- Ну, может, на Петербург какой-нибудь отряд шёл?! – пожал я плечами. – Но не это главное. Вокруг озера были сплошные болота, и Наполеон или его генерал приказал настелить гать через озеро, где оно поуже и помельче, потому что стелить гать через болота было бы ещё дольше и сложнее, а времени у французской армии не было. Крестьян собрали со всех окрестных деревень, и сами французы тоже строили. Говорят, что за один день построили...

- Ну и где ты об этом читал? – спросила Ольга.

- Нигде не читал, это люди друг другу из поколения в поколение рассказывают, вот и до нас дошло!

- Тоже, нашёл чему верить, может, это бабушкины сказки?!

- Скажешь, тоже! Я лично с Гутовским эту тропу видел. Там, даже сейчас, спустя столько лет, стоять можно: глубина мне по горло. А по обе стороны от Наполеоновой тропы – с руками! Метра три, наверное. Это тоже сказка?! И между прочим, через весь залив эта тропа тянется и нигде не петляет, так что сразу видно, что это не что-то природное, а люди строили! – горячо доказывал я, обиженный некоторым недоверием Ольги. – Как-нибудь туда поедем, тогда сама убедишься!

Наверху показался Жалейко:

- Игорь, это вы?

- А то кто же? – пошутил я.

- Я без очков – не вижу.

Я тоже видел без очков плохо, но сразу же узнал Жалейко по фигуре.

- Идите быстрее, там Медведев всех собирает, что-то хочет сказать.

Я с сожалением посмотрел на старые, массивные ивы, склонившиеся над самой водой – хотелось посидеть на их стволах вместе с Ольгой и Ритой, но делать было нечего и пришлось подниматься наверх.

Шли по той же тропе, которую я прорубил дубчиком. То ли крапивы уже не осталось, то ли Березнякова успела о ней позабыть, но наверх Ольга поднялась, так ни разу и не вспомнив о жгучем растении.

Медведев и в самом деле собрал всех наших у большой

россыпи камней на краю поля и что-то говорил, показывая рукой в нашу сторону.

Подойдя поближе, мы поняли, что Медведев просит, чтобы никто не купался. С одной стороны, его можно было понять: он отвечал за наши жизни и здоровье, но с другой, вряд ли кто из наших упустил бы такую возможность, если бы вдруг захотел искупаться. Купались мы предостаточно и в пальминском пруду, так что в ожидании машины никому лезть в воду и так не хотелось. Медведев, похоже, уловивший наше настроение, добавил для пушней убедительности:

- Сейчас поедem на обед – пыль будет стоять столбом. Так что если бы кто и искупался, сразу же вновь стал бы грязным. Ничего, в Пальминке искупаетесь.

В ожидании машины мы расселись на камнях, разогретых полуденным солнцем. Березнякова и Сазонова отошли к Степаненко и Кирпичевской. Возле них тут же оказался и Машевский Сашка, так что ощущение интимности сразу же исчезло, и я, не желая при всех демонстрировать наши отношения, принялся бродить по камням.

Поля в Белоруссии вообще сплошь покрыты камнями, оставшимися после таяния последнего ледника. Камни являются настоящим бедствием, потому что ломают сельскохозяйственную технику. Из-за этого, например, почти нигде не используют картофелеуборочные комбайны: они тут же выходят из строя. Камни, конечно, собирают, и делают это ежегодно, складывая их по краям полей в такие же кучи, по одной из которых я сейчас бродил, но всё равно каждой весной после первой же вспашки появляются новые. Обилие камней и породило две легенды-суеверия. Многие белорусы до сих пор верят, что камни растут с течением времени, словно грибы, а также в то, что они сами постепенно поднимаются из глубины на поверхность. На самом же деле камни просто выворачиваются плугом при вспашке, а весной после первых дождей отмываются от земли и на некоторое время становятся особенно заметными. Но всё же их значительно меньше на тех полях, на которых их регулярно собирают.

Наша куча была длиной метров десять, шириной около

шести и не меньше двух в высоту. Такое количество камней собирали не меньше десяти лет, потому что самые нижние уже прочно вросли в почву и покрылись мхом и лишайником. Здесь были и совсем маленькие камешки, и здоровенные валуны, которые могли унести лишь несколько человек. Но самые большие вряд ли вообще были по силам людям: их, скорее всего, притащили сюда тракторами. Камни были самыми разными по форме и цвету. Глядя на эту яркую палитру минералов и горных пород, я подумал, что из них можно было бы создать прекрасный геологический музей. На самом верху камни были вылизаны дождями и обожжены солнцем, но снизу, из расщелин, всё равно тянулись вверх мощные стебли различных сорняков. Можно было стать в самом центре каменной груды и вообразить, что находишься где-нибудь на горном плато.

С высоты каменной кучи была хорошо видна деревянная вышка, служащая ориентиром для геодезистов. С верхней площадки вышки должна была быть видна точно такая же следующая. Их предназначение я понимал с трудом, и в конце двадцатого века все эти деревянные громоздкие сооружения воспринимались каким-то пережитком, доставшимся нам едва ли не со сталинских или даже царских времён. Так оно, впрочем, видимо и было. На вышку можно было бы залезть, но до неё было не меньше километра, и туда было просто лень идти. К тому же скоро должна была приехать машина, чтобы отвезти нас в Пальминку.

Приехавшая машина остановилась у края луга, и нам пришлось идти к ней. Прямо передо мной шла Сашина из параллельного класса. Её двоюродная сестра жила вместе со мной в одном подъезде. Все поговаривали о том, что она уже давно спит с парнями и мы за глаза её, безусловно, осуждали, не желая обижать открыто. Впрочем, порой кто-нибудь мог сказать и более прямо.

У Сашиной, отличающейся скверным характером, часто возникали ссоры и с ребятами, и с девочками – она всё же чувствовала глубокий внутренний надлом и осуждение окружающих сверстников. Но, раз встав на скользкую тропу суррогата любви, Сашина уже не могла, а может, и не хотела сойти с неё. Я и сам не раз ловил себя на мысли, что во

время нескольких ссор с Сашиной едва удерживался от искушения сказать ей какую-нибудь гадость о её распущенности. Но каждый раз меня что-то сдерживало.

Внимательно рассматривая шедшую передо мной Сашину, я с удивлением думал о том, что могло привлекать в ней парней. Маленькая, слегка полноватая, совершенно лишённая талии, с короткой русой стрижкой, бесцветными, каким-то незаметными глазами и чуть горбатым носом Сашина если и не казалась мне уродливой, то уж никак и не симпатичной. Глядя, как её зад медленно переваливается при каждом шаге с бока на бок под тонкой тканью трико, я представил, как её тискали и ощупывали грязные руки каких-нибудь недоумков, не раз с ней совокуплялись, и у меня к горлу подкатывала тошнота. Сашина казалась мне грязной и какой-то прокажённой, нечистой. Думая о её связях, я не испытывал ни малейшего интереса, а, напротив, – скорее неприязнь, граничащую с отвращением, чего не испытывал больше ни к одной из девчонок. Они меня либо манили и интересовали, либо оставляли совершенно равнодушным.

Меня нагнал Жалейко, и я шёпотом поделился с ним своими мыслями. Жалейко со мной согласился, но сделал это слишком бурно, и Сашина, недоверчиво оглянувшись, что-то раздражённо пробурчала в наш адрес. Мы замолчали, а затем переменили тему разговора: Сашина отличалась сварливым нравом, и нам не хотелось, чтобы она на виду у всех начала сыпать в наш адрес ругательствами и издавать возмущённые вопли. Сашина же, убедившись, что мы вняли её совету «не лезть в чужие дела», тоже благоразумно оставила нас в покое.

Взобравшись в кузов машины, мы тронулись в путь и вскоре, свернув с трассы Витебск-Ленинград, уже ехали в сторону Пальминки.

По пути проезжали через Володарку, сожжённую дотла фашистами в годы войны, как и множество других наших деревень.

- Смотри, Сергей, а деревня-то поднялась! От войны и следа не осталось, - сказал я Гутовскому, показав на чистые, аккуратные домики, выстроившиеся вдоль шоссе.

- Слава богу, почти сорок лет прошло...
 - Э-е, не скажи, Хатынь так и не отстроили...
 - Так то Хатынь – её специально как памятник оставили!
- возразил Гутовский.
- Ха, Сергей, смотри, какой указатель в конце Володарки дорожники поставили – «Воолоодарка»!
 - Да ну, не может быть?! – не поверил Гутовский, но, прочитав указатель, засмеялся вместе со мной.
- Вскоре уже вся машина покатывалась от хохота: в названии деревни дорожники умудрились написать две лишние буквы «о».
- Они, наверное, после большой пьянки этот указатель делали, вот с пьяной головы у них в глазах и двоилось, потому и ошиблись, - полушутливо-полусерьёзно высказал предположение Колёсов, и все тут же согласились с его версией.

После обеда во двор интерната пожаловали местные. Среди них были и школьники, и те, кто уже давно отслужил армию. А одному – Абдулле, было и вовсе около тридцати лет. Местные приходили и раньше, но обычно их было немного, а сегодня они впервые пожаловали такой большой и шумной компанией. Их можно было понять: в Пальминке вечером было абсолютно нечего делать. Разве что сходить в кино в расположенный неподалёку клуб или самим организовать танцы на открытой деревянной танцплощадке. Но кино сегодня не было, а вот танцы мы как раз и собирались организовать, но чуть позже.

Наши девчонки, без всякого сомнения, заставляли всех местных парней, словно пчёл на мёд, слетаться к интернату, а раз уж сегодня ко всему прочему должны были быть и танцы, весь «цвет» местных притащился заранее, чтобы присмотреть для себя возможные объекты ухода. Наши девчонки ко всеобщей досаде наших парней были рады такому вниманию и тоже по поводу и без повода сновали взад и вперёд по двору интерната, стараясь обратить на себя внимание гостей.

Мы втроём с Гутовским и Маузеровым расположились на лавочке в углу двора и, лениво переговариваясь, не без

интереса наблюдали за всем происходящим.

- И когда только они узнали, что у нас сегодня танцы?! – удивился я, глядя на то, как Абдулла на соседней скамейке обхаживает радостно и, как мне показалось, глупо хихикающую Пушкину Оксану из нашего класса.

- Да наши же девчонки и сказали! – хмыкнул Гутовский.

- Конечно, они и сказали! – поддержал его Маузеров. – А Абдулла конкретно подбивает клинья.

Абдуллой местные (а вслед за ними подхватили и мы) прозвали одного пальминского тракториста. Ему было уже около тридцати, и поэтому в нашем представлении он едва ли не годился нам в отцы. Абдулла часто приходил после работы в интернат, и его голова, увенчанная целой копной длинных, прямых желтоватых волос мелькала среди наших девчонок до самого отбоя. Чаще всего Абдулла проводил время с Пушкиной, для чего, собственно, видимо и приходил. Все, в том числе и местные, подсмеивались над трактористом, потому что очень скоро стало ясно, что он просто-напросто не на шутку влюбился в Оксану. Пушкина же, наша отличница и в общем-то довольно ветреная особа, дружила с Абдуллой скуки ради, да ещё для того, чтобы позлить классную: Крыса просто из себя выходила, когда Абдулла появлялся у нас в очередной раз, подозревая, что все эти визиты тракториста добром не закончатся. Но опасалась она зря, потому что Пушкина всё же держала Абдуллу на расстоянии, не позволяя ему даже обнимать себя. И тракторист был вынужден довольствоваться беседами, при которых Оксана всё время над ним подтрунивала: то высмеивала его неправильную речь, то «старость». Абдулла терпел и, несмотря на эти насмешки, приходил вновь и вновь. Наконец, классная не на шутку встревожилась и заставила Медведева поговорить с Абдуллой. Не знаю, о чём они говорили, но несколько дней Абдулла не появлялся. Попробовала было классная приструнить и Пушкину, но сделала это неудачно, при всех, и Оксана лишь обозлилась, не выказывая никаких признаков раскаяния. Впрочем, по моему мнению, раскаиваться ей было не в чем.

Узнав про танцы, Абдулла всё же пришёл и теперь что-то рассказывал на соседней скамейке громко смеющейся

Оксане.

Деревенские тоже поглядывали в сторону Абдуллы и даже несколько раз, как бы случайно, бросили в его сторону волейбольным мячом, который он принесли с собой. Абдулла недовольно покосился на них, но промолчал. Тогда один из сельских, высокий худощавый парень примерно нашего возраста, поставил на землю мяч, отошёл назад и с разбега ударил по нему ногой. Мяч, со свистом рассекая воздух, полетел в сторону Абдуллы и Оксаны. Мы с интересом ожидали, чем это всё закончится. Во всяком случае, Пушкину давать в обиду мы не собирались. Абдулла едва успел отбить мяч, и он, ударившись об угол скамейки, свечой взмыл в небо. Пушкина пронзительно взвизгнула и закрыла лицо руками. Абдулла вскочил со скамейки и поймал в руки опустившийся вниз мяч. Местные засмеялись.

- Кидай сюда, чаго тармазиш?! – потребовал парень, бывший по мячу.

- Я шчас яго ваабшэ пракалю, если вам делать нечага! – раздражённо ответил Абдулла.

- Канчай выпендрывацца! – возмутился парень.

- Па-моему, ты и выпендрываешся! – отрезал Абдулла и положил мяч на землю под скамейку.

- Ну, ты што, а?! Я ж пашутив!

- Большэ так не шути! – предупредил Абдулла.

- Ладна, Абдулла, давай мяч, у бульбу сыграем, - вмешался в разговор Витька – невысокий, но крепко сложенный, плотный, коренастый лидер пальминской молодёжи.

Витька недавно отслужил армию и, вернувшись в родной посёлок, принялся «наводить порядок». За его габариты, постоянное сопение и вечно недовольное, туповатое лицо с глубоко вдавленными, маленькими глазами мы прозвали его Свиньёй. Разумеется, эта кличка была в ходу только среди городокских, пальминским мы не говорили, чтобы не злить и без того болезненно самолюбивого и агрессивного Витьку.

Абдулла здорово уступал Свинье по комплекции, но всё же был постарше, да и к тому же рядом сидела Оксана, поэтому он позволил себе пререкаться:

- Я б аддав, а вдруг хто опять кинет?

- Да никто не кинет – гавару ж, у бульбу сыграем! – заверил его Свињья.

- Ну, не знаю. Ладна, лави – паверу! – согласился, наконец, Абдулла и вернул Свињье мяч.

Свињья сдержал слово и принялся собирать круг для игры в бульбу. Организовав своих, он предложил подключиться к игре нам и Абдулле с Оксаной. Все, кроме Абдуллы, согласились. Мы встали в круг, а тракторист остался сидеть на скамейке, решив понаблюдать за игрой со стороны: то ли он плохо играл, то ли счёл ниже своего достоинства играть с теми, кто был значительно младше его по возрасту.

Сразу же после начала игры стало ясно, что пальминские играют очень даже неплохо, и нам придётся не так-то просто. Вдобавок ко всему оказалось, что Свињья при выбивании лупит по мячу с чудовищной силой, и каждое его попадание было весьма болезненным. До поры до времени мне везло, и я лишь со стороны наблюдал, как Свињья с близкого расстояния расстреливал Маузерова, Гутовского и присоединившихся к нам Жалейко и обоих Машевских. Пушкину Свињья щадил и демонстративно лишь слегка касался её мячом. Пару раз Оксане даже удалось поймать мяч и посадить Свињью в центр круга. Наконец, досталось и мне: один из деревенских, получив мяч, сделал вид, что будет выбивать. Я развернулся и попытался спрятаться за сидящего рядом Гутовского. Но местный не стал бить, а мягко переадресовал мяч Свињье. Тот не отказался от подарка и ошарашил меня прямым точным ударом в лицо. Я не смог удержать равновесия и упал на траву.

- Нокаут! – со смехом сказал Свињья, и пальминские засмеялись.

У меня и впрямь было чувство, что меня нокаутировали – в голове шумело, а кожа на лице болезненно саднила, словно в неё попеременно втыкали и вытаскивали сотни незаметных для глаза маленьких иголок. Гутовский и Маузеров подхватили меня под руки, но затем, видя, что мне нехорошо, вновь посадили на землю.

- Ну, как ты? – обеспокоено спросил Гутовский.

Я вспомнил, что теперь должен встать и, словно очнувшись от сна, встал в круг с деланной, вымученной улыб-

кой. Но думал я теперь не столько о мяче, сколько о том, чтобы поскорее придти в себя: мне было стыдно, что меня и в самом деле едва не нокаутировал единственный удар Свињи.

Случай со мной ещё больше обозлил наших, и они старались отомстить. Гutowский бил сильно, но чаще всего мимо. Маузеров попадал чуть точнее и тоже достаточно мощно, пару раз неплохо пробил Машевский Сашка, но всё равно по сравнению с ударами Свињи наша игра была явно слабее. Гutowский и Маузеров отнеслись к этому спокойно, восприняв как должное, но Машевский Сашка буквально выходил из себя от негодования. Но всё же и он, получив от Свињи пару хороших ударов, как-то сник и с досадой обречённо махнул рукой:

- Сегодня, наверное, не наш день!

- Просто мы играли хуже, вот и всё, - улыбнулся Гutowский.

Машевский зло сплюнул на землю и, ничего не ответив, сел на скамейку.

Пальминские расположились на траве, обмениваясь свежими впечатлениями: им, похоже, было очень приятно, что они нас, по сути, переиграли, хотя в бульбу каждый формально играл сам за себя.

Мы присели рядом с Машевским.

- В общем-то, мы не так уж и плохо сыграли: если бы не Свинья, им бы пришлось плохо! - подытожил Маузеров.

- Да, Свинья у них - главная убойная сила! - согласился я.

- Да, мочил он, конечно, смертельно! Вот Свиныра! - с восторгом поддержал Маузеров. - Я ему тоже пару раз по чайнику грохнул, но это всё не то - раз мяч прошёл по касательной, а раз он успел закрыться руками. Ну да ничего, в следующий раз я приложусь как следует!

- Надо устроить «бой быков»: выпустить нашего Андрюху против Свињи! - засмеялся Гutowский.

- Можно. Мне даже нравится Свињю мячом долбить: когда в него попадаешь, по всей Пальминке звон разносится! - поддержал шутку Маузеров.

Танцы начались сразу после ужина. Впрочем, слово «начались» в данном случае было не совсем уместным. Просто Медведев в сопровождении Крысы притащил к открытой танцплощадке школьный проигрыватель и пластинки, которые мы привезли с собой. Прямо на столе возле танцплощадки была прикреплена розетка и тут же стояла небольшая лавка. Медведев поставил проигрыватель на лавку и подключил шнур к розетке. На этом, собственно, его обязанности диск-жокея и закончились. Его место занял Машевский Сашка. Сугубо танцевальных пластинок было мало, и Сашке приходилось их время от времени запускать повторно. И если с медленными композициями было проще, то одни и те же быстрые танцы повторялись даже слишком часто. Но выбирать нам было не из чего, и мы всё же считали, что плохо танцевать лучше, чем хорошо сидеть на скамейках. Местные думали иначе и сидели вокруг танцплощадки, словно мы показывали им какое-нибудь цирковое представление.

Здесь же появилась и местная власть – директор совхоза и участковый. Но всё, в общем-то, было спокойно.

Прошло уже три медленных танца, а я всё ещё никак не мог потанцевать с Березняковой. В первый раз я просто не решился, потому что в центре круга танцевали только две пары: Машевский Сашка со Степаненко и Гутовский с девятиклассницей. Во второй раз Ольга просто куда-то ушла, а в третий, когда я наконец-то собрался с духом, меня опередил неизвестно откуда появившийся Колёсов, тоже, похоже, положивший глаз на Ольгу. Во время танца он, как мне показалось, слишком сильно прижимал Ольгу к себе, и меня это страшно злило.

Местные упорно продолжали игнорировать танцплощадку и даже тихие танцы, хотя ради них они, собственно, и пришли. Постепенно у нас появилась догадка, переросшая затем в уверенность в том, что деревенские просто боятся танцевать вместе с нами, не желая уронить себя в глазах наших девчонок.

Проигрыватель был маломощным – всего 4 ватта на каждую колонку и, конечно же, для открытой танцплощадки это было каплей в море. Поначалу, пока мы не разошлись,

музыку ещё как-то было слышно, но постепенно мы входили в раж, и теперь музыку можно было услышать лишь на ближнем к проигрывателю крае – на «камчатке» танцплощадки прыгали, больше ориентируясь не на музыку, а на движения тех, кто стоял впереди.

- Нет, ну совсем же ничего не слышно! Сергей Иванович, сделайте громче, я так не могу танцевать! Это издевательство какое-то! – капризно попросила Пушкина.

- Зачем, чтобы было обязательно громко, и так хорошо слышно, – возразила классная.

Мы засмеялись, потому что поняли, что классная, сидевшая рядом с одной из колонок, и в самом деле считает, что точно также хорошо музыка слышна и на танцплощадке.

- Это предел – больше он не даёт, – виновато пожал плечами Машевский и поставил в пятый или даже в шестой раз пластинку ВИА «Цветы» «Богатырская сила».

- *«Богатырская наша сила: сила духа и сила воли!»* – вновь торжественно и нудно запели колонки.

Медведев со смехом схватился за голову и картинно прокричал:

- Ну, сколько можно одно и то же ставить? Мне уже эта ваша «Аллилуйя» скоро по ночам снится будет.

- А вы чего вместе с городокскими не танцуете? Смотрите, какие у них красивые девчата! – спросил у своих пальминский директор.

Свинья хмыкнул в ответ и махнул рукой:

- Не слышно ничего!

- Разве это танцы?! – поддержал Свинью кто-то из местных.

- К нам приехали из Городка, а аппаратуру из клуба закрыли и не дают! – раздался ещё один голос.

- Просто стыдно: городокские подумают, что у нас совсем забитая дыра и даже нет собственной музыки! – раздались возмущённые крики местных.

Директор совхоза, не ожидавший такого напора со стороны земляков, смутился и спросил уже у нас:

- Ну, а вы что скажете?

- И в самом деле, тихо – разве это танцы?! Мы вам помогать приехали, а вы нам даже танцы не можете организо-

вать! – первой поддержала местных Пятитуркина.

- Ну, всё, вы меня доконали! Сговорились все, что ли?! Будут на этой неделе нормальные танцы! - деланно улыбнулся директор, но было заметно, что наши упрёки застали его врасплох.

Но, как бы то ни было, нам были обещаны нормальные танцы, и все, в том числе и пальминские, радостно захлопали в ладоши.

Прошло около часа. На танцплощадке стало гораздо просторнее. Почти все местные и половина наших давно разбрелись кто по посёлку, кто отдыхать в интернат. Но оставшимся расходиться не хотелось.

- Сашка, ставь опять «Силу русскую»! – попросил Гutowский Машевского.

Машевский кивнул, и вскоре из проигрывателя уже раз в десятый понеслись до боли знакомые слова: *«Богатырская наша сила: сила духа и сила воли!»*.

Мы, образовав большой круг, взяли друг друга за плечи (сегодня мы так танцевали уже дважды, и было видно, что это произвело на пальминских сногшибательное впечатление: такое они, похоже, видели впервые) и принялись подпрыгивать в такт музыке и попеременно выбрасывать вперёд то правую, то левую ногу, причём все делали это синхронно. Получалось и в самом деле здорово: со стороны казалось, что по площадке медленно крутится огромное колесо, составленное из человеческих тел. Мы все стали частью единого, весёлого, азартно танцующего механизма.

- Ой, по-моему, доски под нами трещат – сейчас рухнем вниз! – предупредил Гutowский.

Но всех это известие лишь раззадорило и вначале Маузеров, а затем и все остальные принялись подпрыгивать как можно выше во время танца, а затем что есть силы бить ногами в доски танцплощадки. Доски закрипели, и не прошло и нескольких секунд, как Маузерову удалось проломать одну из наиболее слабых, и он провалился правой ногой по щиколотку вниз. Все взревели от восторга и принялись колотить ногами ещё сильнее. Я, конечно, понимал, что ничего хорошего мы не делаем. Понимали и другие. Но нас пьянило чувство собственной взрослости и принадлеж-

ности к большому, уже не детскому коллективу. Каждый из нас, колотя ногами в пол, доказывал не только своему соседу, но и самому себе, что он уже давно не маменькин пай-мальчик, а взрослый человек, умеющий веселиться и при этом ничего не бояться. В нас кипела энергия разрушения. Хотелось разломать танцплощадку, но сдерживало то, что за этим непременно последуют серьёзные неприятности. Впрочем, все взрослые давно куда-то разбрелись, и мы были предоставлены сами себе. Я даже удивился и испугался такой своей внутренней тяги к разрушению и полному слиянию с толпой.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. В первых, пол танцплощадки был гораздо более прочным, нежели казался на первый взгляд, и мы, отбив себе пятки, так и не сломали больше ни одной доски, а во-вторых (и это было даже более веской причиной) опять появился Медведев.

Все выложились настолько, что не могло быть и речи о том, чтобы следующий танец был быстрым, и Машевский поставил медленную пластинку Антонова.

Танцы близились к концу, а я ещё так ни разу и не потанцевал с Березняковой и не договорился с ней о том, чтобы погулять перед отбоем. Но странное дело, меня вновь охватила непонятная нерешительность: на площадке танцевали всего две пары, и я опять никак не мог себя заставить подойти к Ольге.

Меня вывел из оцепенения Жалейко. Он тоже, видимо, чувствуя себя не совсем уверенно, медленно двинулся в сторону Березняковой, явно намереваясь пригласить её на танец. «И что это за день сегодня такой?! Вначале мелькал Колёсов, а теперь этот Жалейко! Вертятся вокруг Ольги, словно пчёлы вокруг мёда!» - с досадой подумал я и почти подбежал к Березняковой, чтобы опередить Жалейко. Это мне удалось, но Ольга испуганно отшатнулась в сторону:

- Ты чего?

- Пойдём, потанцуем?! - попросил я.

- Ладно. Только ты меня испугал, - улыбнулась Ольга, и в её чёрных глазах сверкнули озорные огоньки.

- Чем?

- Подбежал как-то странно.
- Жалейко, увидев, что я его опередил, вначале растерянно застыл на месте, но затем всё же подошёл к нам:
- Хотел пригласить тебя, Ольга, но не успел.
 - Может, долго думал? – улыбнулась Березнякова.
 - Может, и долго. Придётся в следующий раз, - улыбнулся в ответ Жалейко.
 - Придётся! – весело сказал я и едва удержался от желания показать Жалейко свой язык.
- Жалейко пожал плечами и спустился с площадки вниз.
- Давай уйдём, немного погуляем? – предложил я Ольге, едва мы начали танцевать.
 - Давай, - согласилась Березнякова. – Мне тоже здесь надоело.
 - Тогда пошли! – я тут же мягко, но настойчиво потянул её за руку.
 - А танец?
 - Уйдём по-английски.
 - Вы куда? Уже в интернат? – удивился танцевавший рядом с нами со своей девятиклассницей Гутовский.
 - Пойдём, погуляем, - пояснил я и хитро подмигнул другу.
 - Пон-н-нятно! – с растяжкой сказал Гутовский и, понимаяюще кивнув, добавил: - Желаю успехов.
 - У нас не так и много времени осталось, - озабоченно сказала Ольга, взглянув на часы, когда мы оказались на тихой улочке, примыкавшей к танцплощадке.
- Но я уже не слышал, о чём она говорит: я был счастлив уже лишь тем, что просто иду вместе с ней по вечерней, безлюдной улице.
- Сегодня в связи с танцами отбой перенесли на полночь. В небе зажглись первые яркие звёзды. Постепенно их становилось всё больше и, когда мы вышли на окраину Пальминки, всё небо усеял мелкий звёздный бисер. Не желая обидеть Ольгу каким-нибудь слишком нескромным жестом, я осторожно положил ей руку на плечо и, коснувшись губами её уха, прошептал:
- Ты очень красивая.
 - Спасибо, - тоже тихо ответила Березнякова и внима-

тельно посмотрела мне в глаза.

Прямо перед нами, сразу за последними домами Пальминки, расстилалось большое ржаное поле. Колосья волнами переливались под напором лёгкого ветерка. Вокруг стрекотали кузнечики и цикады: казалось, что они заполнили всё окружающее пространство. Из-за далёкой зубчатой стены леса плавно выглянула мертвенно-бледная, величавая луна.

- Знаешь, Игорь, мы ведь сегодня целый день работали, а затем весь вечер танцевали, а сил столько, что, будто Катерина – взяла бы, да и полетела! – призналась Березнякова.

- И луна, как луч света в тёмном царстве! – пошутил я и, обняв Ольгу за плечи, привлёк её к себе.

Её полные, чувственные губы были совсем рядом, я даже чувствовал её горячее, подрагивающее дыхание.

Не удержавшись, я осторожно поцеловал Ольгу в губы. Она закрыла глаза. Я принялся целовать её лицо, глаза, щёки, но, когда дошёл до плеч, Березнякова нежно, но решительно обхватила мою голову и отвела её в сторону. С трудом сдерживая участившееся дыхание, я с удивлением почувствовал, как стремительно и мощно бьётся моё сердце.

- Ну, чего ты, дурачок, успокойся?! Больше нам всё равно ничего нельзя... А ты... Очень милый, - шептала мне Ольга и, запустив свои пальцы в мои волосы, начала их ласково и медленно перебирать.

Я постепенно успокоился и чувствовал себя на вершине блаженства.

Из ближайших придорожных кустов с резким криком неожиданно вылетела какая-то ночная птица, и Ольга, громко взвизгнув от страха, прижалась ко мне всем телом. Птица, ещё раз отрывисто крикнув на прощание, улетела в сторону леса, шумно рассекая крыльями ночной, плотный, влажный воздух.

- Ну, чего ты, я ведь с тобой?! Это просто птица! – успокаивал я Ольгу, в свою очередь, обняв девушку за плечи.

- А ты разве не испугался? – недоверчиво спросила Березнякова.

- Нет, конечно! А чего нам бояться, эта птица нас сама

испугалась! Может, мы даже согнали её с гнезда, - бодро ответил я, хотя и мне вначале было немного не по себе.

- У тебя красивые волосы, - прошептал я и, помолчав, добавил: - Мне нравятся твои косы.

- А я уже думаю их обрезать: только мешают. Может, мне их всё же обрезать? Как ты думаешь?

- Ты что, с ума сошла?! - впервые я почти завопил, хотя до сих пор говорил только шёпотом.

- А чего ты так всполошился? Возьму и сделаю современную причёску, - улыбнулась Ольга.

- Не надо, пожалуйста! Не надо! - взмолился я, словно речь шла о моей жизни и смерти, или же косы Ольги были чем-то запретным для парикмахера.

Я не мог даже себе представить, что Березнякова вдруг обрежет косы: я её любил именно такой, и возможная смена причёски в моих глазах была равносильна катастрофе.

- Ты считаешь, что косы идут мне больше?

- Конечно! Если бы ты могла понять, какая ты красивая! Если бы ты могла это увидеть! - я с трудом подбираю слова.

Мною одновременно овладело два противоположных чувства: отчаяние и восторг. Отчаяние от того что Березнякова может и в самом деле обрезать косы, а восторг - от самой нашей прогулки и возможности, наконец, признаться ей в любви.

- Возможно, ты и прав... - задумчиво сказала Ольга и, посмотрев на свои изящные, маленькие часики, озабоченно добавила: - А нам в интернат пора...

- Уже?! - разочарованно спросил я, не желая верить в то, что прогулка, пролетевшая, как единый краткий миг, всё же подошла к концу.

- Всё хорошее рано или поздно заканчивается, - грустно улыбнулась Ольга.

- Но у нас будут и другие дни? - сказал я и с надеждой посмотрел на Березнякову.

Она пожала плечами и, вновь улыбнувшись, кивнула:

- Наверное, поживём - увидим.

Я потянулся своими губами к лицу Ольги, но она, улыбнувшись, поцеловала меня первой. Я обнял её, скрестив свои руки у Ольги за спиной, и, прижавшись к ней всем те-

лом, принялся осыпать её лицо неумелыми, но горячими и искренними поцелуями.

- Ты что, сумасшедший?! Что ты делаешь, не надо! – шептала Ольга, но не стала мне мешать и лишь откинула голову назад, подставив мне шею.

Я тут же покрыл её горячими поцелуями.

- Оленька, я люблю тебя, понимаешь?! – прошептал я и, расстегнув верхнюю пуговку её рубашки, принялся целовать ниже.

Оставалось совсем немного до нежно-белого лифчика и скрытых под ним упругих, и таких манящих сосков, но Ольга, решительно оттолкнув меня, с сожалением прошептала:

- Ну, всё, хватит! Хватит, а то мы зайдём слишком далеко.

Я и сам уже успел овладеть собой, но у меня было чувство, что мы только что остановились на самом краю, за которым была манящая, загадочная и вместе с тем зовущая тайна. Это было прекрасно: я гулял с Березняковой, я танцевал с ней, мы целовались и... И всё это обещало перейти в большую и искреннюю любовь.

- Ну, что, идём в лагерь?! – весело предложила Ольга, тоже успевшая оправиться от первоначального смущения.

- Идём, хотя мы... Хотя мы опоздали! – засмеялся я, взглянув на часы.

Нас должны были отчитать, потому что стрелки показывали уже за полночь, но, странное дело, мне это было абсолютно безразлично. Более того, я даже был готов опоздать на всю ночь, лишь бы провести её вместе с Березняковой посреди этого большого ржаного поля.

- Ой, теперь нам попадёт! Бежим! – сконфуженно сказала Ольга.

- Подумаешь, немного опоздали.

- Это для тебя ничего страшного! А что обо мне скажут? Гуляю после двенадцати неизвестно где?! Ещё, чего доброго, маме скажут! А она у меня строгая...

Я и в самом деле до сих пор думал только о себе, а сейчас понял, что Ольге будет не так-то просто объяснить свою отлучку. Я не слишком афишировал наши отношения, но теперь, когда нужно было отвести удар от Березняковой,

решил, что скажу, что увёл Ольгу к пруду и мы, заговорившись, не заметили, как прошло время. Наконец, мне пришла в голову идея:

- Знаешь, мы ещё скажем, что часы были только у меня, и мы не заметили, как они остановились.

- Ты представляешь, что скажет Светлана Ивановна?!

Я представлял. От Крысы и так нельзя было ожидать ничего хорошего, а в нашем случае и подавно. А вот плохого от неё всего можно было ожидать, в том числе и комсомольского собрания по поводу недостойного поведения комсомольцев Тищенко и Березняковой. Но я гнал дурные мысли подальше:

- Чего зря говорить, утро вечера мудренее! Побежали, мы ещё не так сильно опоздали.

- Побежали, - кивнула Ольга.

Взявшись за руки, мы побежали к интернату.

Вот также однажды ещё в детском саду я бежал по деревенской дороге в деревне Бычихе с понравившейся мне девочкой к своему дому. Бежал и вращал руками: мне казалось, что это помогает двигаться быстрее. Девочка тоже вращала руками, и мы весело неслись с горы вниз. На всю жизнь я запомнил тогда ощущение полёта, необъяснимой тайны и опутывающего со всех сторон счастья.

Точно такие же чувства были у меня и сейчас: мы, держась за руки, бежали по ночной дороге в новую и манящую жизнь и были счастливы, как только могут быть счастливы те, кому исполнилось шестнадцать лет.

В самой Пальминке пришлось перейти на шаг: дворовые собаки, услышав наш бег, подняли такой лай, что, наверное, разбудили весь посёлок. В одном из домов даже зажгли свет.

Опоздали мы всего минут на двадцать. Возле входа в интернат стояли Немченко и Медведев. Немного отдышавшись, мы вышли из-за деревьев и пошли к ним. Я уже открыл рот, попытавшись объяснить причину нашей задержки, но Медведев нас опередил и, как оказалось, вовремя:

- Ну, что вы так долго?! А остальные где?

- Скоро будут, - нашлась Березнякова.

Почти тут же из-за деревьев показались оба Машевских, Степаненко и ещё несколько наших ребят вслед за ними.

Оказалось, что Немченко и Медведев оставили их для уборки танцплощадки и решили, что мы с Ольгой тоже участвовали в уборке.

- Нам повезло, - шепнул я Ольге на прощание. - Спокойной ночи.

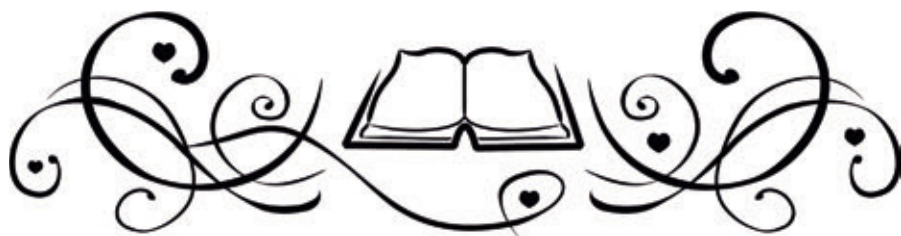
- Спокойной ночи, - с улыбкой кивнула Березнякова.

- Ну, что, убрали? - сонно спросил у меня Гутовский, когда я осторожно пробрался к своей кровати.

- Убрали, - шепнул я.

Мне захотелось поделиться с ним подробностями своей ночной прогулки, но делать это при всех я не желал и решил отложить свой рассказ до завтра.

Я успел раздеться и лечь раньше, чем пришли Машевские, и они решили, что я уже давно сплю и вижу сны. Я не стал их разубеждать, но ещё долго не мог уснуть, вспоминая нашу с Ольгой прогулку, поцелуи и весь сегодняшний, такой счастливый для меня, вечер.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ДРАКА

Меня отправили отнести ключи в столовую и забыли в Пальминке. Почему японцы бьют куклу начальника. Неожиданная чистка картошки. Пятитуркина ссорится с местными. Все на прополку свеклы. Гутовский и Грамотный ссорятся возле столовой. В супе – черви. Гутовский поднимает бунт, вспомнив про фильм «Броненосец Потёмкин». Жалейко понравился суп с червями. Метание камней в пруд. Маузеров пытается выяснить, «чего надобно, старче». Немченко считает, что я «слишком рано созрел» и непонятно что делаю в комнате девочек. Ещё более странным ей кажется то, что Березнякова одевается в присутствии меня и Гутовского. Неожиданная ссора с Ольгой. Пальминские не пускают нас на танцы. Всех выручает Маузеров, выступивший в роли ледокола. Пальминские вызывают Гутовского «для разговора». Массовая драка на улице. Мы почти проиграли. Поединок Маузерова и Свиньи. Участковый и учителя появились как раз вовремя. Нас вначале доставляют в больницу, а затем развозят по домам.

Прошло несколько дней. Я ходил пьяный от счастья и боялся, что всё может неожиданно закончиться. Все эти вечера мы проводили вдвоём с Березняковой, и над нами уже начали подсмеиваться, но не зло, а по-доброму, как обычно поступают тогда, когда хотят немного подтрунить над хорошими друзьями. В общем и целом нас любили почти

все, и со стороны мы, наверное, казались неплохой парой. Я, конечно же, был несказанно горд.

Моё настроение не испортило даже вчерашнее происшествие, которое, как потом оказалось, имело большие последствия.

Вчерашний день поначалу не предвещал ничего особенного. Всё началось сразу после завтрака. Переодевшись для работы, мы сели в кузов приехавшего «газика». Туда же взобралась и Немченко. Едва машина тронулась, как классная вспомнила, что не отдала ключи от интерната дежурным девочкам, которые ушли работать на кухню. Они, таким образом, не смогли бы после дежурства попасть в интернат.

- Хорошо, что нас на кухню не посылают, - шепнул я Гуттовскому, и мы рассмеялись.

Мальчишек и в самом деле, в отличие от сборов, на кухню не посылали.

Крыса, как чаще всего и бывало, поняла наш смех по своему и, решив, что мы смеёмся над ней, раздражённо спросила:

- Чему вы там смеётесь?

Мы лишь пожали плечами: перед распределением работы с классной связываться не хотелось.

- Тищенко, сбегай в столовую и отнеси нашим девочкам ключи! - потребовала Немченко ледяным тоном и, постукав в кабину, остановила машину.

- А как же я попаду на работу?

- Мы тебя подождём. Только быстрее.

Делать мне было, в общем-то, нечего, и пришлось, выпрыгнув из кузова, бежать в столовую.

К столовой я прибежал минуты за три, бросил ключ на стол перед удивлёнными Симченко и Пятитуркиной и что есть силы побежал назад.

Я уже начал задыхаться от бега и принялся доказывать самому себе, что так надрываться нет никакого смысла, но меня всё же гнало вперёд едва уловимое, странное предчувствие. И, как оказалось, у меня не зря было беспокойно на душе: едва я выбежал из-за поворота на дорогу, как «газик», до которого оставалось каких-нибудь двести метров, выпустив облачко синеватого дыма, двинулся вперёд.

- Подождите! – заорал я, но «газик» уже скрылся за поворотом.

Я выругался и, схватив первый попавшийся в руку булыжник, с яростью запустил его вслед за уже скрывшейся машиной. Меня бросили, как какого-нибудь ненужного котёнка, и особенно досадным было то, что я бежал туда изо всех сил, чтобы не заставлять машину ждать. «Это всё из-за Крысы!», - обиженно думал я, всё ещё бессмысленно глядя в сторону уехавшей машины.

Когда-то я прочёл в журнале «Вокруг света», что японцы, чтобы снимать нервное напряжение своих сотрудников, ставят перед входом на завод резиновую куклу в виде начальника. И каждый, кто считает, что с ним обошлись несправедливо, может ударить эту куклу, когда только захочет. Тогда я посчитал это глупостью, но сейчас, окажись передо мной кукла Крысы, я, наверное, лупил бы её, пока меня не покинули силы.

Как потом мне рассказал Гутовский, классная, похоже, вовсе и не думала меня дожидаться и решила, что лучше оставить меня в Пальминке, чем лишать дежурных доступа в интернат. Едва я скрылся с глаз и побежал в столовую, она тут же разрешила ехать шофёру, тоже недовольному задержкой. Они бы и уехали сразу, но машина долго не заводилась. Гутовский и Маузеров возмутились, но Немченко лишь отмахнулась. Машина завелась как раз в тот момент, когда я выбежал на дорогу. Но случилось так, что меня никто не заметил.

Первое время мне хотелось найти попутку и приехать на поле назло Крысе, чтобы посмотреть ей в глаза, но попутку найти было не так-то просто, да и я не знал, куда наших увезли. Постояв немного на дороге, я разочарованно побрёл в колхозную контору, чтобы рассказать всё Казимирской – начальнику нашего ЛТО – лагеря труда и отдыха, и одновременно классной «бэков».

Выслушав мой рассказ, Казимирская не проявила никаких эмоций и, услышав, что я обвиняю во всём Немченко, даже нахмурилась:

- Светлана Ивановна лучше знает, кого и куда посылать. Раз уж так случилось, значит, она не могла задерживать ма-

шину – шофёр и так был с утра недоволен. А сейчас идём в столовую, поможешь девочкам.

«Так это не из-за девчонок, а из-за Казимирской Немченко оставила меня в лагере: побоялась, что та будет до обеда ждать под дверями», - наконец, догадался я.

Как я и ожидал, Казимирская отвела меня в столовую, общила Симченко и Пятитуркиной, что я остаюсь им в помощь и, забрав у девчонок ключ, ушла в интернат.

Как я уже говорил, парней дежурить в столовую не ставили, и мне работать рядом с девчонками было неловко. Тем более что они принялись чистить картошку прямо на улице, и скоро появилось несколько местных, которые вначале осторожно, а затем всё более открыто стали над нами посмеиваться и больше всего, конечно же, доставалось мне. Местных было четверо, и связываться с ними мне не хотелось, но и бесконечно терпеть их выходки я тоже не собирался. Выручила меня Пятитуркина, которая в ответ на одну из самых скабрёзных шуток, прозвучавших в том числе и в её адрес, обложила пальминских отборной бранью. Те поначалу опешили, но затем, придя в себя, ответили тем же. Но ругаться с Пятитуркиной было делом, в общем-то, совершенно неблагоприятным – это я хорошо усвоил на собственном примере, и минуты через три пальминские ушли, на прощание расписав в деталях то, каким образом они «выбьют из меня дурь» при первом же удобном случае. Я даже рассердился на Пятитуркину, потому что без её вмешательства всё, возможно, обошлось бы миром. Теперь же мне было просто небезопасно появляться одному на улицах посёлка, а в мои планы это не входило, куда приятнее и полезнее было гулять по вечерам вдвоём с Березняковой по Пальминке.

Я рассказал обо всём по приезду наших в лагерь, но Гутковский и Маузеров заверили меня в том, что пальминские просто меня попугали и это «пустой трёп». В общем-то, я так не думал, но, постепенно заражаясь их уверенностью, тоже стал надеяться, что всё со временем обойдётся.

Крысу все осуждали за тот фокус, который она со мной проделала, но открыто всё же ничего не высказывали.

Сегодняшний день тоже начался неудачно, но мы пока даже не представляли, каким чёрным выдастся нынешний четверг для всего нашего лагеря. После работы мы основательно вымотались, пропалывая огромные борозды свеклы, заросшие сплошной стеной лебеды и других сорняков так густо, словно их никогда не пропалывали.

Когда мы шли на обед, в дверях столовой неожиданно столкнулись Гутовский и Грамотный из девятого «А». Гутовский входил спокойно, но Грамотному почему-то захотелось попасть в столовую раньше и он, дёрнув Гутовского за плечо и оттолкнув от двери, попытался войти первым. Гутовский, взбешённый такой наглостью, в свою очередь схватил Грамотного за плечи и вытолкнул назад на крыльцо.

- Пусти, козёл! – потребовал Грамотный. – Я спешу!

- Раз так спешишь, то смотри, как бы ты не вошёл последним! – ответил ему Гутовский.

- Ты что, самый деловой?! – нагло спросил Грамотный и неожиданно ударил Гутовского в грудь.

Мы с Маузеровым заходили последними, и все уже были внутри.

- Ни фиги себе?! – удивился Гутовский и тоже ударил Грамотного в грудь.

Тот, отлетев к перилам, едва не упал и, скорчившись от боли, зашёлся в приступе кашля.

Грамотный был лидером среди девятиклассников и всегда вёл себя нагло, но всё же они были младше нас на год, и с Гутовским он связался зря.

Переглянувшись, мы с Маузеровым подошли поближе.

- Я не понял: что такое?! – спросил Маузеров, обращаясь, скорее, к Грамотному.

Было видно, что Грамотный после удара Гутовского заметно струсил, и теперь, когда прямо над ним нависла ещё и массивная фигура Маузерова, окончательно сник и, уняв кашель, злобно сверкнул глазами в сторону Гутовского и прошипел:

- Ладно, разберёмся. Придётся кое-кого задействовать.

Мы все знали, что у Грамотного были друзья среди местных, которые учились в Городокском сельхозтехникуме. Их

он, видимо, и имел в виду.

- На дружков своих надеешься? Ну-ну! Разберёмся, если ты хочешь. Можно и сейчас продолжить, - спокойно возразил Гутовский.

Грамотный промолчал.

- Да ладно, Серёжа, пошли! - Маузеров хлопнул Гутовского по плечу, и мы вошли в столовую.

Следом за нами, сделав вид, что ничего не случилось, проскользнул Грамотный.

Мы сели за тот стол, где уже сидел Жалейко, аппетитно уписывающий за обе щёки молочный суп.

- А Грамотный - нагловатый тип, - заметил Маузеров.

- Нам его нагловатость до одного места! Будет выступать - ещё раз получит! - махнул рукой Гутовский.

Маузеров кивнул, и мы тут же принялись за суп.

- Мужики, в супе черви! - донёлся из-за соседнего столика возглас Машевского Сашки.

- И у меня! Вот, блин! - взвизгнула Пятитуркина, и все, словно по команде, принялись изучать свои тарелки.

Черви были и у нас. Выругавшись, я выловил нескольких червей, внешне очень похожих на рис, из которого был сварен суп, и разложил их на столе.

- Я эту парашу жрать не буду - надо повару в рыло это швырнуть! - возмутился Маузеров.

- Что это вы выдумываете? Еда очень вкусная! Ребята, не слушайте, что они говорят! - Немченко как могла пыталась успокоить хотя бы тех, кто ещё не обнаружил у себя червей.

- Ребята, помните, как на броненосце «Потёмкине» матросов кормили червивым мясом?! И нас так же. После такой кормёжки офицеров за борт выбрасывали! - начал роптать Гутовский.

Повара делали вид, что ничего не происходит, но время от времени всё же поглядывали из своего окошка в зал.

- Гутовский, на что это ты намекаешь?! - прикрикнула классная. - Или ты меня хочешь за борт выбросить?

- Здесь не море! - огрызнулся Гутовский.

- Ну, а всё-таки, а? - продолжала наступать классная.

- А всё-таки? А всё-таки вам, Светлана Ивановна, надо лучше делать свою работу и следить, чтобы нас не кормили

червями! – продолжал наступать Гутовский, ещё, видимо, не отошедший от недавней стычки с Грамотным.

- Так я, по-твоему, плохо работаю?! – растерянно улыбнулась классная кривой, неестественной улыбкой, после чего с перекошенным от злости лицом добавила: - А ну, прекратить шум! Ничего страшного не произошло!

- А вы на нас не орите! Вы лучше идите и с поварами разберитесь! – взорвался Машевский Сашка.

- Саша, как тебе не стыдно? Ты же сын учительницы! Ну ладно, Гутовский... Но ты... - постаралась пристыдить Машевского Крыса.

- А что Гутовский? Гутовский – не человек?! Гутовского можно червями кормить?! – вскипел Сергей и отшвырнул миску с супом в сторону.

Миска доехала до края стола и, не удержавшись, рухнула вниз. По полу разлилось большое молочное пятно. Со стороны это выглядело так, словно Гутовский нарочно швырнул миску на пол, протестуя против такой кормёжки.

Немченко лишилась дара речи. Все вокруг замолчали и уставились на Гутовского и большое белое пятно на полу. Сергей, похоже, был сам не рад, что всё так получилось, но старался не подавать вида. Повара, сообразившие, что им не удастся отсидеться в варочном цеху, выбежали в зал.

- Вы нас извините. Он сам не знает, что делает. Мы с ним разберёмся, - принялась лепетать растерянная классная. – Гутовский, выйди из-за стола.

- Ну и выйду! – с вызовом сказал Гутовский.

- Тогда и я выйду! – сказал я и встал рядом с другом.

В общем-то, мне всё это было не по душе, и история с миской тоже не особенно понравилась, но теперь нужно было выручать друга. Вслед за мной поднялись оба Машевских, Колёсов, а затем и весь зал.

- Возьмите себя в руки! – закричала классная, но было ясно, что это нужно прежде всего ей самой.

Повара сориентировались гораздо быстрее. Одна из поварих, ещё молодая, полная женщина, повисла на плечах Гутовского и почти силой вновь усадила его за стол.

- Ну что ты, парень?! Мы же не специально. Да чтоб они сдохли на складе, что такой рис нам подсунули! У вас в Го-

родке, кстати, брали!

- Да мы не специально! Ну, простите нас?! – попросила вторая и тоже усадила меня на прежнее место.

Минуты через три относительное спокойствие было восстановлено, и все вновь уселись за столы. Немченко подошла к Гутовскому и злобно прошипела:

- Эту твою выходку я так просто не оставлю – так и знай! И с тобой тоже будет особый разговор!

Последнее она сказала уже мне.

Мы успели остыть и даже не взглянули на классную, словно там было пустое место.

Повара разносили пюре с котлетами, и по их озабоченным лицам было хорошо видно, что они болезненно переживают случившееся.

- Видишь, как заволновались: боятся, наверное, что их за это с работы выгонят, - сказал я.

- За это стоило бы, - кивнул Маузеров.

- Может, им просто неудобно?! – возразил Жалейко, и только тут мы заметили, что он продолжает есть суп.

- Ты что, больной, что ли? – спросил у него Гутовский.

- Суп вкусный. У меня нет никаких червей, где вы их только нашли?! – возразил Жалейко.

- Да ты их просто не видишь! – воскликнул удивлённый Гутовский.

- Не было у меня червей! – упрямо покачал головой Жалейко.

Жалейко, как и я, был близоруким, но червей я всё же заметил, а он – нет.

Немченко, обрадовавшись, что нашёлся хоть кто-то, кому понравился суп, предложила Жалейко добавки. Самым интересным было то, что Игорь от добавки не отказался и съел до конца и вторую тарелку, немало озадачив окружающих. Гутовский на это лишь покрутил пальцем у виска, а Маузеров посоветовал Жалейко ходить в очках.

После столовой мы вчетвером отправились гулять по Пальминке. Вначале мы собирались искупаться в большом искусственном пруду, берега которого были выложены бетонными плитами, но усталость после работы и поднявшийся холодный ветер, пригнавший низкие, тяжёлые до-

ждевые тучи, заставили нас отказаться от первоначального намерения. Жалейко, славящийся своими способностями к метанию, поднял с обочины дороги камень и швырнул его в пруд. Камень упал метрах в двадцати от берега, подняв небольшой водяной фонтанчик.

- Ну, ты монстр, Игорь! - удивлённо прищёлкнул языком Маузеров.

- Он ещё и не такое может! - заверил Гутовский.

- Стараемся, - смущённо улыбнулся Жалейко, но было совершенно ясно, что ему понравилась похвала товарищей.

- Надо и мне попробовать! - загорелся Маузеров и поднял маленький камешек.

- Тебе, Андрюха, с твоей комплекцией надо кирпичи кидать, - засмеялся Гутовский. - У вас разные весовые категории.

- Ничего, - махнул рукой Маузеров и, разбежавшись, швырнул камешек в пруд.

Камешек лишь пару метров не долетел до того места, куда упал камень, брошенный Жалейко.

- Ты тоже, Андрюха, неплохо кинул, - заметил Жалейко, обрадовавшись, что его результат остался лучшим.

- Ага, камешек Андрюхи просто ветром сдуло! Говорил же Гутовский - кирпичи надо бросать, - пошутил я.

- Кирпичи? - переспросил Маузеров и поднял увесистый булыжник, явно превышающий по размеру кирпич. - Этот подойдёт?

- Для тебя - в самый раз, - кивнул Гутовский.

Никто из нас троих даже не сомневался в том, что Маузеров не сможет добросить булыжник до пруда, мы просто дурачились. Но всё вышло иначе: разбежавшись, как это обычно делают толкатели ядра, Маузеров с силой запустил булыжник к пруду, и тот долетел-таки до воды, подняв у самого берега целый фонтан брызг. Мы довольно заорали и принялись хлопать в ладоши. Прямо на том месте, куда Маузеров только что швырнул камень, из-за края бетонной плиты, спускавшейся к воде, показался рыбак с удочкой в руке и, сочно матерясь, заорал:

- Вы что, совсем охренели? И так уже задолбали своими камнями! Так теперь и мне чуть по самой голове не заехали!

А ну идите отсюда к чертовой матери, пока я вашим учителям не сказал!

Опешив от неожиданности, мы некоторое время молча смотрели друг на друга и на рыбака.

- Ну, чего zenки вылупили?! – разозлился рыбак.

- Чего тебе надобно, старче? – невозмутимо спросил Маузеров.

- Я тебе покажу «старче»! – зашёлся от злости рыбак и принялся материться, но что он говорил, мы уже не слышали, потому что буквально зашлись от хохота.

- Ладно, дед, не бухти, мы не специально! – крикнул ему Маузеров, и мы пошли дальше.

Но рыбак продолжал материться, и это вывела Маузерова из себя: схватив камень, он запустил его в сторону рыбака, но так, чтобы метательный снаряд упал немного в стороне. Не ожидавший такого поворота событий, рыбак испуганно присел.

-Ты что, Андрюха, чуть мужика не убил?! – удивился Гутовский.

- Да пошёл он! Надоел своим карканьем: если бы не матерился, я бы извинился, мы ведь не специально. А он орёт, как беременный ишак! Да и не в него я кинул - специально нарочно в сторону, чтобы заткнулся, - пояснил Маузеров.

- Он и в самом деле может пойти пожаловаться. А? Мальцы? Может? - забеспокоился Жалейко.

- Да пошёл он со своими жалобами! – махнул рукой Маузеров.

Побродив ещё некоторое время возле пруда и так и не решившись искупаться, мы пошли назад в интернат.

В интернате Маузеров и Жалейко улеглись спать, а мы с Гутовским пошли в комнату к девчонкам. Там была только одна Сазонова.

- Ты, Рита, одна? – удивился я, рассчитывая встретить здесь Березнякову.

- Одна, - улыбнулась Сазонова.

- А остальные где?

- Кто где. Гуляют по Пальминке. А вы зачем сюда пришли?

- Тебя увидеть.

- Знаю я, зачем вы пришли. Меня увидеть... Как бы не так! К Березняковой пришли! – засмеялась Сазонова и неожиданно ущипнула меня за живот.

Я ойкнул, и Рита, довольная произведённым эффектом, на всякий случай забежала за кровать и уже оттуда озорным взглядом стала следить за тем, что я предприму в ответ.

Недолго думая, я перескочил через кровать, но, споткнувшись, рухнул прямо на Риту, увлекая её в падении на соседнюю. Сазонова взвизгнула, а Гутовский со смехом принялся нас поднимать.

- Что это вы здесь делаете? - ледяным тоном произнесла неизвестно откуда взявшаяся Немченко.

- Ничего, - развёл руками Гутовский.

Он выпрямился и с растерянной улыбкой наблюдал за тем, как мы с Ритой поднимаемся на ноги.

- А что это ты, Тищенко, валяешься на кроватях в комнате девочек? А ты, Гутовский, вместо того, чтобы одёрнуть своего не в меру рано созревшего товарища, стоишь и похабно улыбаешься.

- Да они ничего не делали! Просто упали. Что мне, плакать, что ли?! – огрызнулся Гутовский и перестал улыбаться.

- Игорь и в самом деле ничего не делал, - поддержала Гутовского Рита.

Поскольку за меня было уже всё сказано, я просто промолчал.

- Ничего не делал? Я видела, как он «ничего не делал». Он и в самом деле «ничего не делал» - просто лёг на девочку, да?! А ты, Рита... Нормальная девочка не позволит себя тискать на кровати! – произнесла Немченко своим обычным презрительно-ледяным тоном.

- Что-о?! – удивлённо раскрыла глаза Рита. – Кого он тискал?

- Не меня же. Как тебе не стыдно, Рита?!

- Ну, знаете, Светлана Ивановна! Да вы просто... - прерывающимся от волнения голосом крикнула Сазонова, и мне показалось, что она вот-вот скажет Крысе: «Дура!».

Но Рита всё же овладела собой и, залившись краской, убежала из комнаты.

- Да я не делал ничего, что вы выдумываете?! – вскипел я.

- Не делал, потому что я успела войти! – парировала классная и, не давая мне времени прийти в себя, потребовала: - Сейчас же выйдете из комнаты девочек!

Пререкайся дальше было всё равно уже бессмысленно и мы, смерив Крысу возмущёнными взглядами, медленно молча вышли в коридор. Подождав, пока Немченко уйдёт к себе, мы отправились искать Риту.

- И как это Крыса в самый неподходящий момент так незаметно вошла? - недоумённо пожал плечами Гутовский и сконфуженно добавил: - И про Риту она зря – жалко девчонку!

- На то она и Крыса, чтобы незаметно подкрадываться. Чёрт знает что ей померещилось. Каждый думает в меру своей распушенности. Нам ведь даже в голову ничего такого не приходило, а эта старая дура чёрт-те о чём подумала. Просто противно!

Сазонова сидела на скамейке возле интерната и задумчиво рассматривала облака. Заметив наше приближение, она лишь бегло скользнула по нам взглядом.

- Рита, ты прости, что всё так получилось. Я случайно упал. Ты не обижайся и не слушай Крысу, что с неё, дуры, взять?! – виновато попросил я.

Рита грустно улыбнулась в ответ и махнула рукой:

- А, ладно! Ничего страшного не случилось. Я тоже виновата. А Крыса действительно дура: она и в самом деле думает, что я чуть ли не проститутка, наверное. Какая же она дура! Я ей чуть так прямо и не сказала, да вовремя сдержалась.

- Я так и понял, - кивнул я. - Не переживай, мы тебя в обиду не дадим!

- Да я уже и забыла обо всём, - махнула рукой Рита, но было заметно, что ей было обидно.

Немченко испортила нам всё настроение, и мы по примеру Маузерова тоже отправились спать.

Сразу после ужина мы с Гутовским зашли в палату к девчонкам, чтобы идти на танцы вместе с Березняковой и Сазоновой. Но Рита уже успела уйти вместе с остальными, и в комнате была одна Ольга, дожидавшаяся нас.

- Ну, где вы так долго ходите – уже все ушли?! – капризно надула губки Березнякова.

- Если честно, мы просто проспали, - пояснил я.

- Эх вы, сони!

- Пойдём быстрее.

- Сейчас, только носки другие натяну – красивые, с полосочками!

- Ну, вот, на нас обижаешься, а сама ещё не готова! – хмыкнул я.

- Хочешь завалить дело, доверь его женщине! – пошутил Гутовский.

- Фу, какие вы! – фыркнула Ольга.

- Серёжа, закрой дверь на крючок, - попросил я шёпотом Гутовского. – А то будет то же, что и днём с Сазоновой.

Гутовский пожал плечами, но всё же заперся изнутри на крючок.

Почти тут же раздался стук в дверь и послышался недовольный голос Крысы:

- Что это вы там заперлись? Откройте немедленно!

Растерянно переглянувшись, мы с Гутовским промолчали, решив сделать вид, что нас здесь нет.

- Что это ещё за фокусы? - с удивлением шёпотом спросила Ольга.

- Т-с-с! – прошептал я и поднёс палец к губам.

- Открывайте немедленно! Тищенко и Гутовский, я видела, как вы сюда вошли. Что, опять что-то делаете с Сазоновой? А ну, открывайте дверь! – потребовала Крыса.

- Лучше откроем, а то опять она неизвестно что подумает, - предложил Гутовский.

Я вздохнул и кивнул головой в знак согласия.

- А что она подумает? – насторожилась Ольга.

Я ничего не ответил и молча сидел на кровати. Гутовский тоже молча подошёл к двери и открыл крючок.

В комнату ворвалась Немченко и, оттолкнув Гутовского от двери, принялась буравить нас с Березняковой своим немигающим, почти змеиным взглядом. Мы с Ольгой сидели как раз напротив двери. Я продолжал молчать, а ничего не понимающая Березнякова спросила у классной:

- Светлана Ивановна, что-нибудь случилось?

- Зачем вы закрыли дверь? – спросила Немченко у Гутовского, не удостоив Березнякову ответом.

- Чтобы вы не вошли и чего-нибудь не подумали, - раздражённо пожал плечами Гутовский.

Он сказал, в общем-то, правду, но Немченко всё вновь поняла по-своему и приступила к «допросу с пристрастием»:

- А почему вы боялись, что я что-то подумаю? Или был повод?

- Вам вечно что-то кажется!

- Ты мне, Гутовский, не груби! Ольга, что вы здесь делали? – Крыса переключилась на Березнякову.

- Ничего. Я одевалась, а они меня ждали, - ответила Ольга, всё ещё не понимающая, к чему клонит классная.

- Очень хорошо... значит, ты одевалась? Только всё это странно. То Тищенко лежит на Сазоновой, то ты вдруг «одеваешься» в его присутствии. А Гутовский, значит, вроде телохранителя. Ну, ладно, видимо, пришла пора разобрать ваше поведение. А тебе, Ольга, должно быть стыдно. Не забывай о пословице: «Береги честь смолоду!».

- А при чём здесь это? – вспыхнула Березнякова. – Что мы плохого делали?

- А зачем закрылись?

Ольга ничего не ответила, потому что не знала, зачем мы с Гутовским это сделали.

- Молчишь? А я вот что тебе скажу: если два часа назад Тищенко валялся на кровати с Сазоновой, а теперь вы закрываетесь в комнате, то что я могу подумать? Чем вы занимаетесь в таком случае, а?

- Групповым сексом! – зло перебил Гутовский.

- Что-о-о?! – удивилась Крыса.

- Светлана Ивановна, что вам вечно что-то мерещится?! Мы ничего не делали здесь, а закрылись, потому что вы вечно в чём-то нас подозреваете. С Сазоновой всё получилось случайно, а сейчас и вовсе ничего не было, - я попытался прояснить ситуацию.

Но Крыса лишь с досадой отмахнулась:

- Перестань, Тищенко, я сама всё видела. И как вы с Сазоновой забавлялись, и как с Березняковой целовались по вечерам! Или...

- Перестаньте, Светлана Ивановна! Как вам не стыдно?!
- перебил я.

- Это мне должно быть стыдно?! Ты на меня не кричи, мы ещё на вас управу найдём. Не хотите жить по-человечески - вылетите из лагеря! - предупредила классная и, хлопнув дверью, вышла в коридор.

После её ухода в комнате установилась гнетущая тишина. Гутовский подошёл к окну и стал рассматривать облака. Я, теребя в руках полотенце, напротив, разглядывал пол. Наконец, раздались первые всхлипывания и я, подняв глаза, увидел, что Ольга заплакала. По её щекам катились крупные слёзы, и мне хотелось как-то её утешить, но, наткнувшись на её странно колючий, сразу ставший каким-то чужим взгляд, я не решился ничего предпринять.

Первым нарушил молчание Гутовский. Повернувшись лицом к нам, он сказал деланно весёлым голосом:

- Да ну её, Крысу, что с неё взять?! Дура - она и есть дура! Не плачь, Оля, никуда она нас не выгонит!

Ничего не ответив, Березнякова посмотрела мне в глаза. По её щекам всё так же текли слёзы, но она больше не всхлипывала, и это меня пугало. Я попытался было смахнуть у неё слёзы со щеки рукой, но Ольга остановила меня, спросив глухим и чужим голосом:

- Это правда?

- Что - правда? - испуганно спросил я.

- Насчёт Сазоновой?

- Да ей чёрт-те что показалось, Крысе! - попытался выручить меня Гутовский.

- Вы лежали с ней на кровати? - продолжала «допрашивать» Ольга.

- Это совсем не то, что ты думаешь. Мы баловались... Это получилось случайно... Как раз и Крыса вошла..., - я не договорил, потому что Березнякова врезала мне пощёчину.

- Баловались? Эх ты! Балуйся дальше, а между нами всё кончено, - сквозь слёзы улыбнулась Березнякова и пошла к двери.

Гутовский попытался было загородить ей проход и что-то объяснить, но Ольга решительно оттолкнула его в сторону и вышла в коридор.

Гутовский выругался и сел на стул. Некоторое время мы молчали, затем Сергей подошёл ко мне и тряхнул за плечо:

- Пошли отсюда, теперь, когда здесь никого нет, нам тем более нечего сидеть в комнате девчонок. Ещё подумают что-нибудь. Ну, какая же всё-таки тварь наша Крыса!

- И так уже подумали! Ты тоже додумался сказать, что мы групповым сексом занимались. И комнату зря закрыли... Хотя... Чего уж теперь об этом?! Знаешь, Серёжа, мне сейчас больше всего на свете хочется пойти и задушить Крысу. Какая же она сука! Ведь всё только что было хорошо... И мы с Ольгой! Как же теперь всё будет? – к горлу подступил комок, и я замолчал, чувствуя, что могу разрыдаться от обиды и жалости и к Ольге, и к самому себе, но в самый последний момент сдержался и, смахнув с уголков глаз несколько предательских слезинок, понуро вышел вслед за другом в коридор.

На танцы мне, конечно, идти уже не хотелось, но сидеть одному в пустом интернате было ещё хуже, и Гутовскому в конце концов удалось всё же уговорить меня пойти вместе с ним в клуб.

Когда мы подошли, возле клуба было уже полно народа, но никто не заходил внутрь. Оказалось, что пальминские сгрудились у входа и попросту не пускают наших внутрь. Как ни странно, вокруг не было никого из наших учителей или местного начальства. Пальминские вели себя вызывающе и то и дело отпускали в наш адрес не слишком приятные, колкие шутки. наших девчонок они пропустили внутрь, но стоило только Жалейко попытаться войти вслед за ними, как его тут же аккуратно столкнули с крыльца вниз. Именно аккуратно, потому что внешне всё это выглядело так, будто бы его просто не заметили и нечаянно столкнули. Жалейко обиженно вернулся к нам.

- Надо было приём какой-нибудь применить, ты же у нас резкий парень?! - насмешливо заметил Сивчук.

Сейчас, когда перед нами был «общий противник», нам нужно было сплотиться, и шутка Сивчука никому не понравилась.

- А может, ты, Сивчук, покажешь, как надо?! – спросил Гутовский.

- Не будем хоть между собой ссориться! – с укором сказал Жалейко, и Гутовский, махнув рукой, оставил Сивчука в покое.

Неподалёку от нас сгрудились девяти и восьмиклассники, ожидая, что мы как старшие найдём какой-то выход. Муриков, покрутившись некоторое время возле нас, куда-то исчез.

- Задницей чувствует, что будет драка! – сказал мне Гутовский и с досадой сплонул на землю: - И что за день сегодня такой бестолковый?!

Мне тоже было не по себе, и поначалу я даже позавидовал Мурикову, но затем взял себя в руки. Мы ожидали нашу главную «ударную силу» - Маузерова, чья атлетическая фигура всегда производила на пальминских выгодное для нас впечатление.

- Чего стоим? - спокойно спросил подошедший Андрей.

- Да вот, Андрюха, пальминские нас внутрь не пускают, - объяснил ему Гутовский. - Чего будем делать?

- Чего делать? Пошли! – решительно сказал Маузеров и шагнул вперёд.

За ним двинулся Гутовский, а потом – и все остальные.

Пальминские всё так же наглухо закрывали проход. Нисколько не смутившись, Маузеров протиснулся в самую середину и, едва заметно поработав плечами, освободил проход.

- Ну ни хрена ж себе - кабан! – восхищённо и вместе с тем с плохо скрываемым раздражением воскликнул кто-то из пальминских.

Маузеров, не обратив на это никакого внимания, вошёл в клуб. Вслед за ним, не давая пальминским закрыть проход, протиснулся Гутовский, и уже за ним гуськом друг за другом все остальные. Это уже была наша маленькая победа.

Вскоре появился Медведев и местный участковый, и у меня отлегло от сердца (во всяком случае, драка вряд ли начнётся в самом клубе, а значит, можно немного расслабиться и вспомнить о Березняковой).

Аппаратура и в самом деле была хорошей: по углам надрывались стопятидесятиваттные колонки, а на стене даже мигали какие-то синие лампочки. После нашего старень-

кого проигрывателя всё это казалось едва ли не идеальной танцевальной площадкой. Само помещение клуба было каких-нибудь метров сорок в длину и около двадцати в ширину, но собралось много пальминских и наших, поэтому казалось, что мы на самой настоящей большой дискотеке. Поначалу пальминские пробовали выключать свет, но Медведев и участковый были непреклонны и заставили оставить одну включённую лампочку возле самого входа.

Сразу «крутили» только быстрые танцы.

«В гороскопе из двенадцати имён

Самым главным оказался скорпион.

Буду ждать, что ты подарить мне любя

Скорпиончиков, похожих на тебя!

Я не верю в судьбу, только знаю одно –

Если б не было этого знака,

Я нашёл бы тебя всё равно, всё равно

Под любую звездой зодиака!».

Колонки надрывались на полную мощность, а я искал глазами Березнякову, но её нигде не было видно. Я уже решил, что она не пришла, но тут объявили «белый танец», и Ольга, вынырнув откуда-то из полумрака, решительно подошла к стоящему рядом со мной Гутовскому и увлекла его с собой, первой положив ему руки на плечи. Гутовский виновато взглянул в мою сторону, пожал плечами, и они в такт музыке принялись медленно кружиться в самой середине зала. Я понимал, что Гутовский не мог не откликнуться на предложение Ольги, но всё равно теперь испытывал досаду и, чтобы как-то избавиться от любопытных взоров, следящих то за танцующими Гутовским и Березняковой, то за моей реакцией, отошёл в сторону и, прислонившись к стене, принялся уныло наблюдать за залом.

Жалейко пригласила Буракова из параллельного класса, наконец, сделав то, на что сам Игорь никак не решался, но о чём прожужжал нам все уши за последнюю неделю. Машевского Сашку пригласила Марьяна. Тут же кружились Абдулла с Пушкиной и ещё десяток знакомых и незнакомых лиц. Наконец, танец закончился, и Гутовский вернулся назад.

- Я ей говорил, что, что ты переживаешь и ни в чём не

виноват. Сказал, что всё это Крыса сделала, - пояснил Гутовский в ответ на мой немой вопрос.

- Ну и? - нетерпеливо перебил я.

- Она не поверила. Похоже, что она разговаривала с Сазоновой и, наверное, разговор у них не очень получился, - разочаровал меня Сергей.

- Надо будет поговорить с Риткой, - сказал я.

- Тогда пригласи её на танец, иначе в таком шуме всё равно ничего не услышишь.

- Я приглашу, а Ольга ещё больше разозлится. Может, ещё хуже будет?

- Но меня же она пригласила? - удивился Гутовский. - А ты почему не можешь сделать то же самое?

- То-то и оно, что не могу: она подумает, что я назло, - возразил я.

- Ну, не знаю, - пожал плечами Сергей: - Тогда жди, когда закончится дискотека, потом и поговоришь с Сазоновой. Или позови её на улицу.

Я кивнул, и мы пошли танцевать в круг.

После нескольких быстрых композиций вновь зазвучал медленный танец. Жалейко, которому приглашение Бураковой явно добавило смелости, пригласил её, наконец, сам. Гутовский пригласил девятиклассницу, а Колёсов - Березнякову. Я вначале не поверил своим глазам, но потом, вспомнив, что Колёсов приглашал Ольгу на танец на Новый год, почувствовал прилив ярости. Конечно, Березнякова, скорее всего, сама попросила его об этом, но из этого вовсе не следовало, что Колёсов, зная о наших отношениях, должен был это делать. Он что-то рассказывал ей на ухо, и Ольга смеялась в ответ, изредка поглядывая в мою сторону. Я искал взглядом Сазонову, но её нигде не было видно.

Во время одного из поворотов Грамотный спиной грубовато толкнул свою же одноклассницу, с которой танцевал Гутовский. Сергей подскочил к Грамотному и дёрнул его за плечо. Тот отпустил свою партнёршу и что-то сказал Гутовскому. Сергей схватил его за рубашку и едва заметно встряхнул. Грамотный оторвал двумя руками руку Гутовского и пошёл к выходу.

После танца, когда мы с Гутовским и Маузеровым стояли

в углу зала, к нам подошли двое пальминских.

- Эй, что ты наших друзей обижаешь? – спросил один из них у Гутовского и, нагло улыбаясь, положил Сергею руку на шею.

Оба они были лишь немногим пониже Гутовского, но явно старше и поэтому смотрелись гораздо внушительнее.

- Каких друзей? – недоумённо спросил Гутовский, а затем, видимо, сообразив, в чём дело, резко потребовал: - Ты руку убери!

- А что будет, если не уберу? – спросил пальминский и вновь нагло улынулся.

- Я говорю, убери руки! – потребовал Гутовский.

Пальминский медленно, нехотя снял руку с плеча Гутовского. В это время к Сергею с другой стороны подошёл второй:

- Вот мы всегда в дружбе с Городком живём. А ты нашего городокского друга Грамотного обидел.

- Я тоже как бы городокский. А Грамотного я не обижал, пускай выпендривается поменьше, - ответил Гутовский и посмотрел на нас с Маузеровым.

- Крутой ты, видать, парень! Только ведь рога твои могут и поотшибать! - предупредил Гутовского первый.

- Мужики, я не понял – чё вы хотите, а?! – хмуро спросил Маузеров.

- Хотим немного жизни поучить человека, - сказал первый и кивнул в сторону Гутовского.

- И где – прямо здесь? – спросил Гутовский.

- Зачем же здесь? Ты ведь в Городке живёшь?! А я в техникуме учусь, можно и там тебя найти, - ответил второй.

- А ты не думаешь, что я – городокский? Вдруг там не ты меня, а я тебя буду искать? – с угрозой спросил Гутовский: - Не у одного Грамотного друга в техникуме, у меня их тоже полно. А Грамотный, вместо того, чтобы прятаться, как баба, за вашими спинами, лучше бы поговорил со мной сам, как мужик!

- Ну, чё вы хотите, я не понял?! – вновь спросил Маузеров у пальминских.

- Ты не лезь – мы сами разберёмся! – ответил ему первый и, повернувшись к Гутовскому, добавил: - А тебя как раз

на улице сейчас Грамотный и дожидается. Пойдёшь с ним разговаривать, раз ты такой мужик?!

- Пошли, - кивнул Гутовский, который так же, как и мы, хорошо понимал, что это, скорее всего, ловушка, но не хотел, чтобы пальминские решили, будто он испугался.

Второй тут же растворился среди танцующих, а первый вместе с Гутовским пошёл к выходу.

- Пошли и мы, они наверное уведут его в сторону. А там не один Грамотный, - быстро сказал я Маузерову.

Маузеров кивнул и попросил:

- Позови на улицу наших, кого сможешь, а я подожду у входа.

Найти своих в полутёмном зале, да ещё быстро, было не так то просто. Сивчук и Сац вообще сделали вид, что не поняли, о чём я говорю, а на более младших надеяться не приходилось: они или учились вместе с Грамотным, или просто пасовали перед его нахрапистостью. В итоге удалось собрать не слишком большое войско: обоих Машевских, Колёсова и Жалейко.

У выхода нас уже поджидал Маузеров. Здесь же толпились около десятка пальминских во главе со Свиньёй. Шагах в двадцати возле большого раскидистого клёна стояли Гутовский, Грамотный и двое пальминских, которые подходили к нам в зале. Я уже хотел упрекнуть Маузерова за то, что он отпустил Гутовского слишком далеко одного, но, вспомнив, что Андрей стоял до нашего прихода один перед десятком парней, почти каждый из которых был старше нас, промолчал.

С крыльца было слышно, что разговор идёт на повышенных тонах, но нельзя было разобрать, о чём именно говорили, потому что всё перебивала доносящаяся из клуба музыка. Но всё же было ясно, что Гутовский хочет закончить дело миром, а Грамотный весь выходит из себя, пытаясь спровоцировать драку.

- Пойдём, Андрюха, подойдём поближе, - предложил я Маузерову.

Тот согласился, но едва мы сделали несколько шагов по направлению к спорящим, как дорогу нам преградил Свинья, расплывшийся в наглой улыбке:

- Вы куда, мужики?!

- Там какие-то проблемы, их надо решить, - спокойно пояснил Маузеров.

- Надо. Проблемы надо решать. Вот и пусть они там решают, а вы не мешайте. Там ведь двое наших и двое ваших.

- Там трое против одного, а это – нечестно! – возразил я.

- Дай пройти! – потребовал Маузеров.

- Пойдите с нами, - возразил Свинья и подмигнул своим.

Мы с Андреем тут же оказались в тесном кругу пальминских.

Оба Машевских, Колёсов и Жалейко оказались по другую сторону круга. В это время Грамотный ударил Гутовского по лицу. Гутовский заехал ему в ответ, и Грамотный, схватившись за щеку, упал на землю. Но на самого Сергея в этот момент набросились оба пальминских. Гутовский пропустил несколько сильных ударов, но всё же отбивался, прижавшись спиной к клёну. Грамотный продолжал кататься по траве.

И мы, и пальминские поначалу растерялись от такого с одной стороны логичного, но с другой – неожиданного поворота событий. Маузеров опомнился первым и, опрокинув ударами своих огромных кулаков нескольких пальминских, ринулся на помощь Гутовскому. В последний момент Свинья успел подставить ему подножку, и Андрей рухнул на землю. Остальные пальминские бросились на нас. Мне удалось увернуться от первого удара и даже хорошенько лягнуть между ног своего противника, но почти тут же ударом сзади по ногам меня сбили на землю. Остальным нашим было не легче. Колёсов оказался на земле с окровавленным лицом даже раньше меня, а чуть позже расправились с обоими Машевскими. Жалейко не дал сбить себя с ног, но был вынужден отбежать далеко от места событий и, с трудом отбиваясь от наседавших на него пальминских, ничем не мог нам помочь. Гутовский пока держался, но на помощь к двум пальминским бежали ещё трое, и было ясно, что долго Сергей не выстоит.

Маузеров успел вскочить до того, как его запинали ногами, и теперь, словно раненый зверь, расшвыривал в стороны попадавшихся ему противников.

Из клуба начали выбегать деревенские и наши. Но если деревенские явно собирались помочь своим, то наши просто глазели. Впятером пальминские всё-таки повалили Гутовского на землю и начали бить ногами, но тут закричали наши девчонки, и его оставили в покое. Нас тоже больше не били, решив, что мы и так «получили своё». Впрочем, мы были в крови и уже почти ни о чём не помышляли. Все, кроме Маузерова...

Заметив, что Андрей уже выбился из сил, Свинья, растолкав своих, заорал:

- Тихо, мужики! Я с этим кабаном раз на раз разберусь!

Пальминские охотно разбежались в стороны, потому что драться с Маузеровым было не самым безопасным занятием. Но, в общем-то Свинья вмешался зря: ещё немного, и Маузеров бы не выдержал, а теперь он получил неожиданную передышку. Рассчитывая на победу, Свинья подскочил к Андрею и нанёс ему несколько ударов по корпусу – до лица ему дотянуться было не так-то просто, потому что Маузеров был гораздо выше. Удары были чувствительными, и Маузеров отпрянул назад. Свинья повторил атаку, и стало ясно, что при всей своей мощи Маузеров подустал и драку кулаками явно проигрывает. Свинья продолжал наседать, но Андрей внезапно остановил его сильным прямым ударом ноги в грудь. От неожиданности и боли Свинья сразу обмяк и принялся судорожно хватать ртом воздух. Не давая ему опомниться, Маузеров нанёс ему ещё два боковых удара ногой с обеих сторон в голову и, хоть Свинья и успел поставить блоки, чувствовал он себя неважно. После второго удара он не удержал равновесия и присел на колено.

В это время во дворе появились Медведев, пальминский участковый, и Казимирская, которых позвали наши девчонки. Увидев участкового и наших учителей, пальминские бросились врассыпную. Последним, поднявшись с колена, перескочил через ближайший забор и скрылся в темноте Свинья.

Я и Гутовский сидели прямо на земле. Грамотного нигде не было видно. Оба Машевских и Колёсов поднялись на ноги и отряхивали с одежды грязь. Маузеров подошёл к клёну, устало прислонился к стволу спиной и принялся

дождаться направившегося к нему участкового. Вслед за учителями появились Жалейко и наши девчонки.

Танцы в клубе прекратились, и оттуда вывалили на улицу и наши, и те из пальминских, кто не участвовал в драке. Не желая привлечь к себе излишнее внимание, мы с Гутовским тоже поднялись с земли.

Участковый попытался выяснить что-либо у нас, но, так и не добившись ничего вразумительного, принялся опрашивать своих. Но и от этого было мало толка, потому что пальминские упрямо повторяли друг за другом, что «ничего не видели» и «спокойно танцевали в клубе». Среди них было несколько человек, участвовавших в драке, но и последние наперебой утверждали то же самое, что и остальные.

К Машевскому Сашке успела подойти Степаненко, а к Гутовскому – его девятиклассница. Ольга тоже хотела подойти ко мне, но, увидев, что со мной не случилось ничего особенно страшного, остановилась на полпути и возвратилась к девчонкам. Мне, конечно же, было обидно, и я даже обрадовался, когда вместо Березняковой ко мне подошла Рита и поинтересовалась:

- Ну, как, живой?

- Живой вроде бы, только...

Я не договорил, потому что меня перебил подошедший сзади Гутовский, ответивший вместо меня неестественно весёлым, деланным голосом:

- Только бандитские пули шинель пробили!

- Ой, Сережа, да тебе глаз подбили! – всплеснула руками Рита, взглянув на опухшее лицо Гутовского.

- Доигрался, Гутовский?! – раздражённо прошипела Казимирская.

- А при чём здесь Гутовский?! – разозлился я, потому что Казимирская, будучи директором лагеря, вместо того, чтобы посочувствовать моему другу и во всём спокойно разобратся, начала кричать в своём обычном стиле, считая, как и всегда, во всём виноватыми именно нас.

- Зачем ты избил Грамотного? – спросила Казимирская у Сергея. – Или ты скажешь, что не бил? Бил?

Мы поняли, что ей уже обо всём успели доложить, но,

как всегда, в искажённом виде.

- Я бил его в ответ, он начал первым, - пояснил Гутовский.

- В ответ? А почему у него всё лицо разбито? Что я его матери скажу?

- У Гутовского тоже лицо разбито. А вы не думаете о том, что скажете его матери?! – вновь вмешался я в разговор.

- Что вы носитесь с этим Грамотным, как с писаной торбой? Если вы этого засранца домой из лагеря не отправите, мы ему опять морду набьём! – поддержал меня Машевский Сашка.

За ним загалдели и остальные.

- Прекратите! Что это за выходки?! – возмутилась Казимирская. – Что у тебя, Машевский, за тон? У тебя же мама – учительница!

- Нормальный у него тон! По делу! И не трогайте нашу маму! – вступился за брата Олег.

Перепалка грозила перейти в крупную ссору: Казимирская не собиралась прощать наши дерзости, а мы, ещё не успев отойти от драки, тоже были возбуждены до предела, но подошедший участковый несколько погасил разгоревшиеся страсти, решив переписать наши фамилии. Казимирская начала было протестовать и даже пригрозила позвонить в Городок какому-то своему родственнику в районный отдел милиции, но участковый её успокоил, пояснив, что не считает нас виноватой стороной, а фамилии запишет только для порядка, чтобы в случае чего можно было «снять показания как со свидетелей или потерпевших». Казимирская немного поупрямилась, но затем согласилась, хотя участковый и так начал записывать наши фамилии к себе в блокнот, не дожидаясь её согласия. При этом участковый записывал и фамилии, и места работы наших родителей. Узнав, что мой отец – главный агроном района, участковый сразу же спросил, всё ли у меня в порядке. Мне стало неловко перед одноклассниками, и я показал на Гутовского:

- У него всё лицо опухло.

- Надо скорую из Городка вызвать, - сказал участковый. – Пусть вас всех в больнице осмотрят.

- Да не надо нам никакой скорой, у меня всё нормально!

- попытался возразить Гутовский и недовольно покосился в мою сторону.

- У тебя глаз опух - надо ехать. Да и остальных надо проверить! - решительно сказала Кази-мирская.

- Зачем скорую? Завтра и так можем в больницу съездить, - попытался отказаться Гутовский.

Настоять на своём нам так и не удалось: из Городка вызвали скорую, и меня, Гутовского, Маузерова, Колёсова и обоих Машевских, даже не дав толком ни с кем поговорить, в половине двенадцатого в сопровождении Крысы отвезли в Городок в больницу. Вместе с нами поехал и Грамотный. С ним никто не разговаривал и даже не смотрел в его сторону. Жалейко удалось отбиться и, как оказалось, он ничуть не пострадал, а просто отбежал к кустам и уже оттуда наблюдал за происходящим, не решаясь вступить в драку повторно. Мы его не осуждали, потому что и сами, оказавшись на земле, поступили схожим образом, но и одобрять его поступок тоже не стали - всё же мы были «ранены на поле боя», а он оказался за его пределами. Впрочем, те же Сивчук и Сац и вовсе «сделали ноги».

В больницу мы приехали ровно в полночь, и там нас осмотрел хирург, как раз дежуривший в больнице. Мы сравнительно легко отделались: у Колёсова и Машевского Олега были рассечены губы, у Сашки кровоточил нос. Я и Маузеров отделались синяками и ссадинами. Гутовского, конечно же, ожидал «шикарный» фингал. Хирург сделал ему какой-то укол, и опухоль понемногу начала спадать. У Грамотного был выбит зуб и разбит нос.

- Ну, как, всё нормально? - поинтересовалась приехавшая вместе с нами Немченко.

- Жить будут! - с серьёзным видом сказал хирург и, улыбнувшись, добавил: - Можете считать, что они только что отыграли футбольный матч.

- Вы извините нас, мы родителей не предупреждали - уже за полночь, а я волнуюсь. Нельзя ли подвезти ребят домой? Им, в общем-то, всем по пути. Может, на какой вызов скорая поедет в сторону Базара, всех бы и подвезли?! - попросила Немченко.

- Подвезём, - кивнул хирург и спросил у Андрея: - Это

твоя мама работает медсестрой в детском отделении?

- Моя, - кивнул Маузеров.

- Ну, тогда тем более, ведь вы все свои городокские хлопцы!

Нас попросили подождать в приёмном покое, что мы охотно и сделали (давно хотелось обсудить между собой без посторонних ушей происшедшую драку).

- Ты, Андрюха, кабан! Я видел, как ты мне на помощь дёрнулся, но тебе Свинья ногу подставил. Я хотел было помочь, но самому не сладко было. Так что спасибо! - поблагодарил Маузерова Гутовский.

- Так это Свинья мне ногу подставил? Вот скотина! - выругался Андрей.

- Но ты ему отплатил: ещё немного, и ты бы его добил. Жаль, участковый чуть позже не пришёл, - заметил я.

Маузеров покачал головой:

- Да я уже и сам еле живой был. Он же здоровый, как конь! Если бы я ему ногой в грудь не попал, он бы меня своими кулаками забил. Он зря, дурак, решил покуражиться: ещё немного, и они бы меня все вместе повалили.

- Ну что, Грамотный, как здоровье?! - с насмешкой спросил Гутовский.

- На себя посмотри! - буркнул в ответ Грамотный, исподлобья поглядывая в нашу сторону.

Он сидел на кушетке в противоположном конце приёмного покоя, да и пока ехали в машине, на всякий случай старался держаться от нас подальше.

- Слушай, мудила, если ты ещё в лагере появишься, пожалеешь! А сейчас заткнись и сиди молча, пидор! - крикнул ему Машевский Сашка.

- Не гавкай! - огрызнулся Грамотный.

- Ты чё - не понял?! Тебе сказали - заткнись! - поддержал Машевского Маузеров и привстал со своего места.

Грамотный промолчал, опустив глаза вниз.

Мы все испытывали по отношению к Грамотному какое-то общее гадливо-неприятное чувство. Я даже подумал, что так в войну, наверное, относились к предателям. Он нам и казался предателем, хотя в общем-то просто пытался «показать себя». Поэтому рассудком я его понимал, хотя и

не оправдывал, но в душе испытывал к нему почти ненависть.

Наконец, к нам вышла Немченко и объяснила, что сейчас машина развезёт нас по домам.

Плотно набившись в медицинский «уазик», мы поехали в город. Первым на Комсомольской высадили Гутовского, затем, возле школы – Машевских. Чтобы не делать круг, машина повернула на Баграмяна, и следующим, попрощавшись с оставшимися одноклассниками и проигнорировав Грамотного, вышел я.

- Иди сразу же домой! – строго предупредила Немченко. Я кивнул и направился к дому.

Звонить пришлось несколько раз, пока к двери, как обычно, не подошла мама и не спросила тихим тревожным голосом:

- Кто там?

«Наверное, решила, что пришли какие-нибудь преступники», - подумал я и, улыбнувшись, ответил:

- Это я, мама, нас из Пальминки привезли по домам.

- Игорь? Сынок! – удивлённо воскликнула мама и, суетливо открыв дверь, испуганно спросила: - Господи, а почему ночью? Что у вас стряслось? Ведь сегодня четверг?!

Мне стоило немалых трудов её успокоить, тем более что с детства я привык ничего от неё особенно не таить и рассказал, как и что произошло, и это её, конечно же, разволновало. Чтобы хоть как-то успокоиться, она принялась разогревать мне ужин. Проснулся и отец и, едва узнав, в чём дело, выругался:

- Твою мать! В следующий раз голову отобьют!

- Перестань, Егор! При чём здесь Игорь?! Он ни в чём не виноват! Это в Пальминке порядка нет – завезли туда детей и толку дать им не могут! – вступилась за меня мать.

Отец ещё раз выругался и, хлопнув дверями так, что из них едва не посыпалось стекло, пошёл в спальню спать.

- Он тоже переживает, поэтому и ругается, не хочет только вида показать, - сказала мама.

- Как же – пережива-а-ает! – передразнил я. – Вон, небось, спать пошёл.

Хотя в душе я, конечно, думал, что мать права.

- Показывай свои ноги! – потребовала мать.
- Ну, ма... – хирург ведь смотрел?! Всё нормально.
- Показывай.

Пришлось задрать штаны и показать два больших синяка на каждой икроножной мышце.

- Боже! – всплеснула руками мать: - Да ведь так и ноги тебе могли поломать! И куда только местный участковый смотрит?! Больно?

Я кивнул и поморщился, потому что мать нажала на ушиб пальцем. Мать засуетилась и смазала мне обе ноги какой-то мазью.

Когда я поужинал, было уже около двух часов ночи.

- Ладно, ложись спать! – сказала мать и встала из-за стола: - Вон Андрей и Сергей какие большие, им и подраться можно! И ты туда же, ну разве есть у тебя ум?!

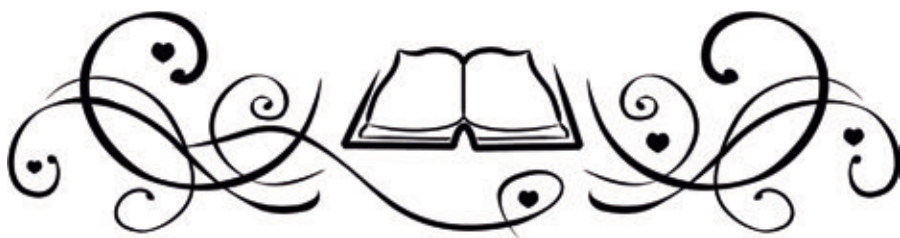
- Друзей в беде не бросают! А как Славик? – спросил я.

Из пионерлагеря, где сейчас был младший брат, не было никаких новостей.

Допив чай, я отправился спать. Но уснуть было не так-то просто: болели ноги, а перед глазами проносились обрывки событий минувшего дня – ссора с Ольгой, драка, поездка на скорой. словно кто-то неведомый заснял всё это на киноплёнку, а затем, беспорядочно смонтировав и перепутав куски ленты, прокручивал у меня перед глазами неудавшийся фильм. Но часам к трём усталость всё же начала брать своё, образы становились всё более размытыми и неконкретными, пока, наконец, не соединились в одно целое с неясными видениями и грёзами, и я постепенно погрузился в тяжёлый, то и дело прерывающийся кошмарами сон.

То мне снилось, что меня протыкают ножом, то – что я и мои одноклассники умерли и нас везут в морг, то – за нами гонялся участковый и стрелял из пистолета, а ему помогал Свинья, щёлкавший огромной кожаной пугой. Я, вконец измучившись, ждал рассвета, словно избавления.

Но как ни странно, с первыми лучами солнца я, наконец, успокоился и уснул ровным, безмятежным сном.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ТУРИСТИЧЕСКИЙ СЛЁТ

Я тоже хочу на турслёт. Одноклассники предлагают физруку взять меня в качестве картографа. Мельник обещает подвесить меня на сосне кверху ногами, если я плохо нарисую карту. Жалейко тоже берут в команду, но только в качестве кухонного рабочего. Директор запрещает нам подделывать туристический альбом. Многие считают, что Хлеборобов не заинтересован в нашей победе. Гутовский принимает новую учительницу за школьницу. Большой палаточный городок. Маузеров играет с муравьями в химическую войну. Достаточно ли воздуха в палатке у Дудника? Меня и Жалейко отправляют за водой. Мучения с тяжёлым бидоном. Наши отправляются на полосу препятствий, а мы с Машевским Сашкой – на конкурс по разжиганию костра. Мы выигрываем по результатам первого дня соревнований. Маузерова и Николаева отправляют на соревнования в Витебск. Мы едем работать на птицефабрику. Огромная куча металлолома. Вечерний киносеанс. Конкурс картографии. Ритке понравились волосатые ноги инструктора. Драка близнецов. Мы не едем на республику. Потерянная медаль. Пьяный Кот прыгает через костёр. Гутовский провожает Березнякову до палатки. Я предлагаю Гутовскому обворовать продуктовую палатку, но нам мешает патруль.

Утром мы все собрались в школе: второй физрук Мельник и директор Хлеборобов принялись формировать из

нас команду на областной турслёт. Меня не взяли ни на школьный, ни на районный, ни на зональный, и сейчас тем более я не питал никаких особенных надежд, что попаду на областной. Поехать мне, конечно же, хотелось, но данных для этого не было никаких, и я уже заранее приготовился к тому, что меня отправят назад в Пальминку. Хуже всего при этом было то, что половина команды состояла из девчонок, и я как бы оказывался даже в худшем положении, чем они. К тому же в команду сразу же без особых проблем попала Березнякова.

- А может, поедешь с нами? – спросил у меня Гutowский.

- А кто меня возьмёт? Я бы поехал, конечно, - хмуро ответил я.

- А мы Мельника попросим.

- Мельника? Он ответит что-нибудь, можешь не сомневаться! – со смехом сказал я, представив себе, как Мельник почти наверняка на просьбу Гutowского ответит какой-нибудь пошлостью.

- Попробовать можно. А там видно будет – может и получится. Ну что, мужики, попросим Михаила Антоновича, чтобы он Тищенко с нами взял на слёт?! – спросил Гutowский у остальных.

- Почему бы и нет, конечно, попросим! – охотно поддержал Маузеров.

- Надо какое-то дело ему придумать, чтобы Мельник возразить не мог. Если скажем, что он будет бегать, Мельник его не возьмёт! – возразил Машевский Олег.

- Стоп! Ты, Игорь, кажется, карты географические любишь рисовать? И у тебя вроде бы неплохо получается! – вспомнил Машевский Сашка.

- А там что, карты рисовать надо? – удивился я, потому что до сих пор думал, что весь турслёт заключается в беготне по компасу в лесу.

- Конечно, надо! Весь второй день соревнований этому будет посвящён. По очкам это не менее важно, чем ориентирование, так что Мельник сразу возьмёт тебя в команду, как только узнает, что ты умеешь рисовать карты, - заверил меня Машевский Сашка.

Наконец, из Пальминки приехал автобус с остальными

нашими «туристами», которые тут же принялись расспрашивать нас о последствиях драки.

Кроме Березняковой в команду зачислили Сазонову, Степаненко, Пушкину, Кирпичевскую и Пятитуркину. Из мальчишек – обоих Машевских, Сивчука, Гутовского, его друга и соседа Шпагина из девятого «а», Маузерова, Колёсова, Николаева и Сидорова. Но Сидоров уехал поступать в какую-то специальную школу в Москву, и теперь появилось одно свободное место.

- Ну и кого нам взять? – задумчиво пробормотал Мельник.

- Давайте Тищенко возьмём! – улучив момент, предложил Гутовский.

- Кого?! – громко переспросил Мельник и сделал вид, словно услышал что-то совсем невероятное.

- Тищенко, – спокойно повторил Гутовский.

- А что он там делать будет – дрова для костра собирать?! Не смешите меня! – захохотал Мельник, и вслед за ним заулыбались девчонки.

Мне стало стыдно, и вместе с тем захотелось поднять стоящую возле окна скамейку и треснуть ею Мельника по голове.

- Он карты рисовать очень хорошо умеет! Давайте возьмём, Михаил Антонович – а то опять карту проиграем! – поддержал Гутовского Машевский Сашка.

Мельник продолжал сомневаться, но тут все наши – и ребята, и девчонки – начали наперебой просить его взять меня в команду и, когда физрука попросил об этом и Маузеров, который вместе с Сидоровым был его любимым учеником по прыжкам в высоту и лёгкой атлетике, Мельник, наконец, не выдержал и смилостивился:

- Ладно. Но если ты, Тищенко, карту плохо нарисуешь, я тебя на сосне кверху ногами подвешу! Понял?!

- Понял! – весело кивнул я, потому что подобные шутки Мельника были едва ли не комплиментом.

Я был счастлив и немало удивлён, потому что раньше мне бы и в голову не пришло, что и наш, и параллельный классы встанут за меня горой и возьмут в команду даже наперекор Мельнику. Приятно, когда тебя любят гораздо

больше, чем ты ожидаешь сам.

- Ну что, ничего не забыли? – спросил Мельник.

- Тут как бы Жалейко ни при чём, - нерешительно сказал Машевский Олег, надеясь, что удастся взять с собой и Игоря.

- Жалейко? Жалейко не «как бы» - Жалейко полностью ни при чём! Команда уже сформирована, и Жалейко может ехать в Пальминку и там ударным трудом искупать свою вину за то, что он не попал в команду! – покачал головой Мельник и даже не взглянул на стоящего рядом с ним Игоря, словно там было пустое место.

- А может, возьмём и Жалейко, а вдруг у нас в команде кто-нибудь заболит – он выйдет на замену?! – поддержал Машевского Гутовский.

- Кто это заболит? Никто не заболит. Больные есть? Нет! Разве что тебя, Гутовский, понос проберёт, так мы затычкой заткнём, и будешь бегать. А в нужный момент вытащишь – вообще второе, реактивное дыхание появится! – засмеялся Мельник, и мы уже решили, что Жалейко придётся ехать в лагерь, но в самый последний момент физрук всё же передумал: - Ладно, поедешь, надо же кому-то и на кухне работать. Будешь дрова заготавливать и воду носить.

- Почему на кухне? – обиделся Жалейко.

- Да ну, Игорёк, это он так, шутит! – махнул рукой Маузеров.

- Ну так ты едешь или нет?! – недовольно спросил у Жалейко Мельник.

- Конечно, едет! - ответил вместо Жалейко Маузеров.

Мельник кивнул и, казалось, потерял к Жалейко всякий интерес.

После того, как команда была полностью сформирована, к нам вышел Хлебоборов. Все ждали, что директор принесёт с собой оформленный альбом прошлогоднего похода десятиклассников, которые в этом году уже закончили школу. Альбом обязательно нужно было представить на конкурс, и очков за него начисляли столько же, сколько за ориентирование или карту. В самом альбоме должен был быть описан маршрут похода, фотографии и фамилии участников и подтверждающие печати встречающихся по

пути советов населённых пунктов. Прошлогодние десятиклассники прошли всего пятнадцать километров, и это было, конечно, маловато для областного турслёта. Мы же, если брать прямой и обратный маршруты Городок-Веречье-Городок, – около сорока. Но тот же Хлеборобов и наша Крыса не предупредили нас о том, что альбом надо оформить, хотя и знали обо всём заранее. Теперь, конечно же, мы не успевали его сделать и хотели хотя бы сдать прошлогодний альбом в жюри, исправив 1982 год на 1983. Конечно, нашу уловку могли и обнаружить, но это было лучше, чем ничего. Каково же было наше разочарование, когда Хлеборобов неожиданно заявил, что борьба должна быть честной, и чем везти альбом уже ушедших из школы учеников, лучше поехать вообще без альбома.

- Что же здесь честного: наши соперники получают лишние очки, а у нас будут одни нули?! Разве это честно?! – начал спорить Гутовский. - Мы ведь только что в реальный поход в Веречье ходили, а альбом не оформили, потому что нас никто не предупредил.

- За подлог могут вообще баллы снять! – предупредил директор.

- Иван Викторович, но ведь мы выиграть хотим – надо рисковать! Это вообще дурацкая идея: зачем к соревнованиям всякие альбомы приплетать?! – вмешался в разговор Машевский Сашка.

Циркуль, как мы часто звали директора за высокий рост и удобу, стал мерно вышагивать взад-вперёд по коридору перед нашим строем, словно и в самом деле измерял расстояние, затем остановился, обвёл нас строгим взглядом и подытожил тоном, не терпящим возражений:

- Пока ещё директор школы – я, и именно я отвечаю за всё, что здесь происходит. И не позволю сдавать на конкурс подложный альбом! И на этом закончим! Отъезд сегодня от школы в четыре часа дня ровно. А сейчас можете разойтись по домам.

Спорить с директором было бесполезно, но все, конечно же, остались недовольны: многие считали, что Хлеборобов просто-напросто не заинтересован в нашей победе, потому что не хочет лишних забот в случае нашего хорошего

выступления на области. Победа открывала нам дорогу на республику, а значит, директору пришлось бы шить нам специальную форму и делать ещё много чего другого. Всё это, конечно, было очень похоже на правду, но всё же мне не хотелось до конца в это верить – Хлеборобов говорил так искренне и убедительно, что мне было стыдно даже подумать, что он лишил нас альбома специально, чтобы мы проиграли. Лично я не мог поверить в то, что директор школы будет делать своим ученикам пакости – он всё же должен был гордиться нашими успехами. Но большинство остальных наших думали иначе, чем я, и это меня, конечно же, не могло не огорчать.

На слёт уехали, как и было запланировано, около четырёх. Против ожидания с нами поехал не Мельник, а Козлов, которому в напарники дали тренера ДЮСШ Дудника. Кроме того, Хлеборобов вместе с нами отправил и Долгову – нашу новую химичку, которая должна была вести у нас уроки, начиная с осени. Долгова едва успела закончить институт и была скорее похожа на старшеклассницу, нежели на учительницу. Гутовский из-за этого сразу же попал впросак: подсел прямо к химичке и стал спрашивать, как её зовут, естественно, называя её на «ты». Я умирал со смеху, наблюдая за его ужимками, и с интересом ожидал, чем всё это закончится. Долгова растерялась и не знала, как себя вести – она явно не ожидала такого напора от своих будущих учеников. Химичку выручил подошедший Козлов:

- Ну что, Екатерина Ивановна, привыкаете? С будущими учениками знакомитесь?

- Да, - растерянно улыбнулась Долгова.

Гутовский ошарашенно посмотрел вначале на химичку, затем - на Козлова и только тут понял, что это не розыгрыш, и едва заметно покраснел.

- У нас орлы что надо! – заметил Козлов и недовольно покосился в сторону Гутовского.

- Ну, я пойду? – пожал плечами Гутовский и вновь пересел ко мне.

Я буквально давился от смеха.

- Ты чего? – рассердился Гутовский.

- Ты бы ещё её на танцы пригласил! Ты разве не знал, что она – наша будущая химичка?! – пояснил я.

- Конечно, не знал! Она молодая, почти школьница. А ты что, не мог меня предупредить?! Друг, называется!

- Откуда я знал, куда ты понёсся? Может, тебе плохо стало или в туалет захотелось?! Ты так быстро побежал, что я даже не понял куда, - возразил я.

- Зря с нами Козлова послали, - после минутного молчания сказал Гутовский.

- Почему?

- Лучше бы Мельника, ведь он команду собирал. Да и он физрук всё-таки.

- А Козлов – бывший военный. И как раз военные к спортивному ориентированию имеют гораздо большее отношение, чем физруки. Они всю жизнь по топографическим картам «воюют». Да и Дудник с нами едет. А поехал бы Мельник – заколебал бы всех своими похабными шутками и оскорблениями. Хотя, может и развеселил бы – юморной он, хоть и похабный. Весёлый.

- Это точно, - улыбнулся Гутовский.

Меня всегда удивляло, почему у Гутовского не складываются отношения с Козловым. Козлов казался мне хорошим мужиком, с которым всегда можно договориться. Да и большинство моих одноклассников тоже неплохо ладили с военруком, Но вот у Гутовского это не получалось, и поэтому он был не в восторге от Козлова. Хотя Мельника Сергей, как и я, тоже не особенно жаловал.

Дудник тоже чувствовал себя не совсем в своей тарелке (из нас он знал одного только Николаева и пока тяготился неожиданно свалившимся на него решением районного отдела образования «тренерством»).

Дорога прошла быстро: мы горланили песни, болтали о подробностях недавнего «сражения» в Пальминке и поглощали взятые с собой продукты. Да и ехать было недалеко: всего через полчаса с небольшим мы, не доезжая до Витебска, повернули к Рубе и, едва выехав из Лужесно, свернули на лесную дорогу возле деревни Каменево.

Остановились посреди высокого, светлого сосонника. Вокруг уже вырос целый палаточный городок (я ещё ни разу в

жизни не видел столько палаток сразу). Их было не меньше пятидесяти. Палатки были самой разнообразной расцветки: от спокойных тёмно-зелёных тонов (таких было большинство) до ядовито-оранжевых и даже красных.

Мы принялись выгружаться из автобуса, а Козлов и Дудник отправились на поиски начальника лагеря.

Я с удовольствием втягивал в лёгкие густой смолистый воздух и время от времени хлопал себя по щекам, на которые так и норовили приземлиться комары.

- Как будем в палатки селиться? – спросил Гутовский, когда мы выгрузили все вещи.

- У меня – двухместная. Кто хочет со мной жить? – поинтересовался Николаев.

- Возьми меня! – попросил Сивчук, опасаясь, что с ним опять никто не захочет жить.

- А ты, Андрюха? – спросил Николаев у Маузерова.

- Я найду место! – махнул рукой Андрей.

После небольшого совещания остальные тоже распределились по палаткам. В нашу, кроме меня и Гутовского, пошли Шпагин и Маузеров. Оба Машевских оказались вместе с Колёсовым и Жалейко. В одну палатку попали Березнякова, Степаненко, Пятитуркина и Сазонова, в другую – Кирпичевская и Пушкина.

Вместе с нами на турслёт приехала и команда из четвёртой школы, состоящая из восьмиклассников. Из них сформировалось по палатке мальчишек и девчонок. Восьмиклассники должны были выступать в младшей возрастной группе.

Когда Козлов и Дудник вернулись, мы уже были готовы к установке нашего временного жилья. Палатки поставили быстро. Наша оказалась возле самой дороги, но это было даже удобно: нам не приходилось, как другим, пробираться через бесконечную паутину бечёвок, протянувшихся от палаток к крепёжным кольшкам.

До ужина делать было абсолютно нечего. Наши гуляли по территории, играли в волейбол, а мы с Маузеровым, расположившись под большой сосной, стоящей как раз через дорогу напротив нашей палатки, разглядывали огромный муравейник. Вблизи он был похож на самый настоящий го-

род с дорогами, улицами и домами, населёнными сотнями и даже тысячами маленьких трудолюбивых жителей. Мне хотелось просто понаблюдать за жизнью насекомых, не вмешиваясь в естественный ход событий, но Маузеров, напротив, хотел обозначить наше присутствие.

Отломав от росшего неподалёку малинового куста сухой прутик, Маузеров воткнул его в муравейник и принялся ковырять плотно уложенную насекомыми сосновую хвою. В местах повреждений муравьи стремительно выскакивали наружу и толпились, бросаясь из стороны в сторону в поисках невидимого врага.

- Вот бы Муркеша связать и бросить на корм мурашам! – засмеялся Маузеров и расковырял новый участок.

- Они бы его здорово покусали, – согласился я.

- Покусали? Да они бы его дочиста сожрали! В войну так пытали. Смотри, как забегали! Может, проведём против них химическую атаку? У меня в палатке есть перекись водорода, – предложил Андрей.

Я неопределённо пожал плечами в ответ – мне было жаль муравьёв и муравейник, но лицо Маузерова излучало такую радость, что мне не хотелось его огорчать.

Маузеров принял мою неуверенность за согласие и отправился в палатку. Вернулся он уже вместе с Гутовским. Увидев, для чего Маузерову была нужна перекись, Гутовский недовольно хмыкнул:

- Делать вам нечего, что ли, – муравьи пользу приносят! Уже школу заканчиваете, а сами, как дети, дурью маетесь!

- Да их много, этих мурашей! – убеждённо отмахнулся Маузеров: - Сейчас посмотрим, что будет, и больше не будем их трогать.

Андрей откупорил бутылку и вылил почти всё её содержимое на скопление муравьёв. Насекомые, попавшие под обжигающую перекись, моментально погибали, а остальные возбуждённо бегали вокруг. Перекись с шипением просочилась внутрь и из-под хвои начал выходить кислород. Когда всё закончилось, муравьи принялись затаскивать в уцелевшие ходы трупы своих товарищей. Большого ущерба муравейник не получил, но мне все равно было досадно.

- Ну, наигрались?! – спросил Гутовский.

- Только зря перекись перевёл! – согласился Маузеров.
- Пойдём, лагерь посмотрим, - предложил я, решив, что муравьи без нашего присутствия только выиграют.

За последние пару часов палаточный городок вырос почти вдвое, и теперь вокруг было разбито больше сотник палаток. Особенно выделялась палатка Дудника. Одноместная, сшитая из ярко-оранжевой ткани палатка имела не острый, а полукруглый верх. Поначалу она мне понравилась, но потом показалась слишком узкой.

- Ничего она не узкая, в футбол в ней играть, что ли?! – возразил Гутовский.

- Ну и не настолько узкая должна быть. В футбол, конечно, в ней играть не будешь, но повернуться или переодеться нормально, конечно, надо, - не сдавался я.

- Узковатая, - согласился Маузеров: - Игорь прав. К тому же, если застегнуться, то воздуха мало будет. Если целую ночь воздух портить, можно задохнуться.

- Обязательно воздух портить, что ли? Если мы начнём в нашей палатке все вчетвером воздух портить, мало не покажется! – проворчал Гутовский.

Наш разговор перебил металлический голос, раздавшийся над самыми нашими головами:

- После ужина все желающие во главе с руководителями команд могут посмотреть нашу полосу препятствий, на которой завтра будут проходить соревнования.

Оказалось, что уже успели установить на деревьях несколько громкоговорителей, и теперь приказы начальника лагеря были слышны далеко за его пределами.

- Пойдёшь с нами? – спросил у меня Гутовский.

- Почему бы и нет, мне тоже интересно, - ответил я, чтобы не показаться ленивым, хотя на самом деле был не прочь остаться в лагере: мне всё равно не суждено было бежать, и поэтому сложность полосы препятствий лично для меня не имела абсолютно никакого значения.

Впрочем, увидеть полосу препятствий мне так и не удалось: пока остальных повели на трассу, меня и Жалейко откомандировали на кухню в распоряжение нашей новой химички Долговой. Еду привезли из города, и девчонкам во главе с Долговой не пришлось делать ничего особенного,

только раскладывать пищу по мискам, а затем их мыть.

Кухня представляла собой длинный деревянный стол с двумя скамейками по обеим сторонам, расположенный под навесом, покрытым плотным слоем рубероида. Чуть в стороне располагался небольшой деревянный домик, рядом с которым стояла железная печка. На печке нам предстояло разогреть еду и кипятить воду для мытья посуды.

Вместе с Долговой на кухне работали Сазонова и Кирпичевская.

- Мальчики, надо принести термосы с едой, а затем – бидон воды. Там, за ручьём, пришла машина, она не может сюда проехать, поэтому надо помочь, - попросила Долгова.

- Раз надо – значит, надо! – кивнул Жалейко.

- Так ведь здесь есть дорога?! – удивился я и показал на чётко различимую колею, на которую в лагере как раз и смотрела наша палатка.

- Эта дорога далеко. Чтобы сюда проехать, надо сделать большой крюк – километров десять, - пояснила Долгова.

- Бензина в стране хватает – лучше бы машина крюк сделала! А так нам теперь придётся переть на себе все продукты через ручей! – проворчал я, вспомнив, что нас ожидает крутой спуск по обоим склонам и подумал, что гораздо лучше было бы сейчас смотреть полосу препятствий.

- Вас ведь никто не заставлял сюда ехать – могли бы и дома остаться! Неужели так трудно помочь, не нам же с девочками всё это таскать?! – возмутилась Долгова.

- Да мы сейчас принесём! – успокоил её Жалейко и тронул меня за плечо: - Пошли. Ты что, испугался, что будет слишком тяжело?

- Ничего я не испугался! Экономят бензин, а потом за наш счёт выезжают! – пробурчал я, но всё же пошёл за Игорем.

- Вначале несите бачки с продуктами! – крикнула вдогонку Долгова.

За продуктами пришлось ходить дважды. Чтобы не бежать взад-вперёд, во второй рейс мы захватили с собой Сазонову. Рите доверили нести соль, сахар, масло и хлеб.

- Что-то не густо у нас на ужин получается, - заметил я, когда стало ясно, что мы получили последние продукты.

- Так ведь это турслёт, а не санаторий! – засмеялась Рита и, заметив, что я воспринял её слова всерьёз, поспешно пояснила: - Это только основа. А так всем командам уже раздали тушёнку, разные консервы, сухофрукты. Козлов их в лагере в отдельную продуктовую палатку сложил. Он нам уже кое-что на ужин выдал.

- А-а! – обрадовался я.

Третьей ходкой предстояло нести бидон с водой. Уже когда мы спускались к ручью, а затем поднимались по откосу вверх, я понял, что обратный путь не предвещает ничего хорошего, если даже пустой бидон основательно мешал и тянул руки. Кроме того, мы уже устали, таская продукты. Нам навстречу попались двое парней, спускавшихся с уже наполненным бидоном. Было хорошо видно, что им очень тяжело, и я невольно поморщился, взглянув на их перекошенные от напряжения лица. Одного из парней укусил комар, и он, рассердившись, хлопнул себя по щеке и, не заметив под ногами сосновый корень, зацепился за него и, выронив бидон, упал. Второй не удержал свою ручку и бидон, ломая кусты, покатился в нашу сторону.

- Твою мать! – выругался я и, бросив свой бидон, прыгнул в заросли папоротника, росшие по обеим сторонам тропинки.

Жалейко остался стоять на месте, и летящий бидон едва не сбил его с ног – в последний момент Игорь увернулся в сторону. Летящий бидон ударился прямо в наш и, вырвав его из рук Жалейко, увлёк за собой вниз. От удара у наполненного бидона открылась крышка и, пока бидон долетел до ручья, из него вылилась почти вся вода. Наш бидон зашвырнуло в папоротники.

- Держать надо, мальцы, так и убить можно! – возмутился Жалейко.

- Мы нечаянно, бидон тяжёлый очень, падла, а тут ещё этот комар! – оправдывался оступившийся парень.

Я полез за нашим бидоном в папоротники и в свою очередь, споткнувшись, рухнул на землю, ободрав себе плечо. Выругавшись, я вскочил на ноги, и мы вчетвером, не сговариваясь, разразились громким смехом.

Мы потащили свой бидон наверх, а наши случайные

спутники полезли вниз доставать свой.

Наполнив бидон водой возле машины с большой жёлтой цистерной, на которой было написано «молоко», мы отправились в обратный путь.

Злополучный бидон со страшной силой тянул руку вниз, и метров через двадцать я почувствовал, что сейчас не выдержу, и моя рука разожмётся помимо моей воли.

- Давай отдохнём? – предложил я Жалейко.

- Ты что, уже устал? – удивился Игорь.

«Можно подумать, что ты не устал!», - зло подумал я, но вслух этого не сказал и пояснил:

- Через ручей будет тащить тяжело, а у меня что-то рука побаливает: может, ударил, когда в папоротниках упал.

- Давай сменим руку? - предложил Жалейко.

- Давай, - кивнул я, и мы вновь потащили бидон.

Левой рукой нести было ничуть не легче, чем правой. К тому же бидон больно бил нижней кромкой по ногам, а верхней – по руке чуть выше кисти, когда мы с Игорем шли особенно несогласованно.

Возле спуска к ручью мы минут пять передохнули, а затем пошли вниз. Помня об ошибке наших предшественников, мы аккуратно перебрались через корень, спустили бидон вниз и стали подниматься. Я уже не мог тащить бидон одной рукой и взялся за ручку двумя. Мне не хотелось выглядеть слабым, но и Жалейко, к моей радости, тоже взялся за ручку обеими руками.

Когда до кухни оставалось совсем немного, я почувствовал, что основательно выбился из сил и больше не могу тащить воду. Мне казалось, что бидон потяжелел минимум в три раза с того момента, как мы его наполнили водой из цистерны и весит сейчас не меньше центнера. Глаза заливал пот, от которого начали саднить ссадины на плече и шее. Хуже всего было то, что силы покинули меня как раз перед самой кухней на виду у девчонок и Долговой.

- Ставь, Игорь, отдохнём! – решительно сказал я, и Жалейко больше ничего не оставалось, как поставить бидон на землю.

Из-за деревьев донеслось чёткое сообщение внутрилагерного вещания:

- Андрей Маузеров, подойдите к палатке администрации! Андрей Маузеров, срочно подойдите к палатке администрации.

При этом диктор почему-то делал ударение на «зе», когда называл фамилию Андрея, а не на «Ма», как привыкли все мы и сам Маузеров, отчего казалось, что вызывают совершенно другого человека.

- Андрюху чего-то ищут?! – удивился Жалейко.

- Он ушёл смотреть полосу препятствий, надо будет ему сообщить, когда вернётся, - сказал я, довольный тем, что появилась возможность немного передохнуть.

Из кухни нам навстречу вышла Рита:

- Ну, что, принесли?

Мысленно я уже проклинал всё на свете и даже начал жалеть, что поехал на турслёт, когда представил, что этот бидон придётся тащить и на завтрак, да ещё, возможно, и не один раз, но всё же взял себя в руки и на последнем дыхании, уже без стеснения схватившись обеими руками за ручку, дотащил его вместе с Жалейко до кухни.

Опустив бидон на траву, я тут же уселся рядом, вытирая со лба пот. Жалейко, тяжело отдуваясь, сел рядом со мной.

- Что, устали? – спросила нас Долгова и попробовала приподнять бидон за ручку, но не смогла этого сделать: - Господи, да это же очень тяжело!

- Ничего, справились, - слабо улыбнулся я и передёрнулся при мысли о том, что за водой надо будет идти ещё не один раз.

- А это что у тебя такое? – спросила у меня Рита, показывая на царапины на шее.

- Бандитская пуля, - пояснил я.

- Я серьёзно.

- Медведь напал.

- Да ну тебя, Тищенко! – засмеялась Сазонова.

- Это он упал, когда за бидоном лазил, - пояснил вместо меня Жалейко и рассказал о том, как всё было.

Я тут же пожалел, что не рассказал сам – у меня бы получилось лучше, да и деталей я бы добавил, а кое-где и в меру приукрасил бы. Конечно, я не удержался и вставил несколько реплик, но всё равно это было не то.

- Так ведь вас этим падающим бидоном покалечить могло! Надо с водой что-то придумать – это не дело, на себе носить! – всплеснула руками Долгова: - Давай, я залью тебе царапину йодом, у меня есть бутылка.

Я мысленно согласился с тем, что, если кто-то бы придумал другой способ доставки воды, это было бы здорово, но промолчал и с видом пострадавшего героя взирал на девчонок, пока Долгова обрабатывала мне царапину йодом. Время от времени я делал зверские немые гримасы, показывая, что мужественно терплю сумасшедшую боль, хотя мне было вовсе не так больно, как, должно быть, казалось со стороны, но ради производимого эффекта я был готов немного покривляться. Попал я в самую точку – Жалейко смотрел на мои ужимки скептически, зато Кирпичевская и Сазонова наблюдали за мной с таким видом, словно мне делали самую настоящую операцию. Долгова так старательно и комично дула на царапину, протирая её ваткой с йодом, что я с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться.

На следующее утро после завтрака наши «сборники» отправились на полосу препятствий, а мы с Машевским Сашкой – на берег небольшого озера на один из участков маршрута, где нам предстояло участвовать в конкурсе по разжиганию костра. Мы пришли одними из первых и сразу же выбрали, как нам показалось, самое удобное место – у самого края леса, где под пологом деревьев на перепрелой хвое валялось множество сухих сосновых веточек и сучков. Во всяком случае, топлива должно было хватить с лихвой. Над озером поначалу ещё поднимался утренний туман, но вскоре его окончательно разогнало поднявшееся выше сосновых вершин солнце.

Неподалёку от нас стояли старая «Волга» с укреплёнными на ней двумя громкоговорителями и «уазик» скорой помощи.

- Смотри: всё же проезжают сюда машины! – удивился Машевский Сашка.

- А чего им не проезжать, если есть объезд?! – ответил я и передал то, что мне рассказала вчера Долгова про другую дорогу.

- Ты не умер вчера, когда с Жалейко бидон тащили?
- Не умер, но всё тело болит, будто после «перекачки», - ответил я: - Я, наверное, не смог бы бежать сегодня, если бы был в команде.

Я и в самом деле чувствовал себя совершенно разбитым: мышцы болели при каждом неловком или порывистом движении, словно я два дня подряд играл в футбол. Мысль о том, что по возвращении в лагерь мне опять предстоит таскать бидон, выводила меня из себя. Сейчас я мог себя утешать только тем, что Жалейко, не участвующий ни в одном виде состязаний, остался при кухне и теперь, вполне возможно, таскает в одиночку через ручей металлические термосы с кашей, пока мы с Машевским любуемся местным озером.

- А почему всё время вы должны бидоны носить? Я бы на твоём месте возмутился – в конце концов, тебе завтра карту рисовать, а у тебя уже сегодня руки, как у алкоголика, дрожат! – сказал Машевский и бросил в воду маленький камушек.

Я тоже последовал его примеру и, дождавшись, пока разойдутся круги на воде, охотно согласился:

- Я тоже так думаю. Надо воду по очереди носить. Я тоже член команды, и у меня даже два дня соревнований, а не один, как у большинства наших. Это Жалейко запасной – ему можно...

- А что, Жалейко не человек? Он тоже не обязан всё время воду таскать! – возразил Машевский.

Наш разговор прервал инструктор в синем спортивном костюме, приказавший строиться. Дождавшись, когда все восемь пар участников выстроятся на одной линии, инструктор оглядел строй и ещё раз повторил задание:

- Цель конкурса – первыми разжечь костёр и первыми пережечь нитку, которая будет натянута на определённой высоте над костром. Хворост вы можете собрать заранее, а вот зажигать будете только по моей команде. Вы все будете рядом, так что я буду всё контролировать. Кто разжёт костёр, поднимите руку, пока я не отмечу, когда перегорела нитка – то же самое. Всё, можете собирать хворост. Разойдись!

Помощники инструктора всем по очереди принялись забивать в землю по два кольшкка возле каждой команды. Между кольшкками на высоте сорока сантиметров по линейке натягивали белую нитку.

Из громкоговорителей, укреплённых на старой «Волге», раздалось какое-то бормотание и, наконец, чётко послышалось: «Раз, два, три».

- Лучше бы музыку включили, - сказал Машевский.

Закончив проверку аппаратуры, водитель и в самом деле включил музыку, и мы дружно рассмеялись.

Чтобы не терять времени зря, мы отправились собирать дрова, а по лесу неслась песня Пугачёвой «Старинные часы». Из-за того, что дрова можно было собирать заранее, мы сразу же лишились важного преимущества, но всё равно твёрдо надеялись выиграть этот конкурс.

Костёр нужно было сооружать по всем правилам, иначе могли начислить штрафные баллы, и я тщательно вырезал по кругу дёрн, а Машевский перевернул его и уложил вокруг будущего кострища. В центре мы соорудили маленькую пирамидку из тонких и сухих сосновых веточек, сверху положили прутьики потолще и обложили всё это небольшими сухими сучьями. По моим расчётам, огонь должен был легко прожечь натянутую между кольшкками нитку.

У наших соседей дело обстояло похуже: они взгромоздили вперемешку без всякого разбора целую кучу веток, и мне сразу же стало ясно, что им не только не удастся пережечь нитку, но даже разжечь сам костёр, тем более что пользоваться бумагой было нельзя и в качестве поджоги можно было брать только сухую траву или тонкие сухие веточки. Сухой травы поблизости не было, и мы с Машевским остановили свой выбор на веточках.

Начала конкурса пришлось ожидать не меньше часа, и чем дальше, тем больше я волновался. Я вдруг явственно представил, что, если мы не выиграем конкурс, нас засмеют в лагере и скажут, что говорил Мельник не брать Тищенко, и как в воду глядел! Я вновь и вновь проверял нитку и то там, то здесь поправлял ветки. Поправлял я их не столько ради того, чтобы поправить, сколько для того, чтобы чем-то себя занять и успокоиться. Заметив, что я нервничаю, Ма-

шевский буркнул:

- Да оставь ты костёр в покое, а то сейчас развалишь!

Я понял, что моё внутренне состояние начинает понемногу передаваться и Сашке.

Наконец, объявили, что конкурс начнётся через пять минут. Ещё раз проверив спички, мы с Машевским замерли в напряжённом ожидании возле приготовленного костра. В «Волге» выключили музыку, и на берегу озера установилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом листвы, тихим плеском волн и пением птиц.

- Приготовиться! – крикнул инструктор.

- На, держи! – в последний момент сунул мне в руки коробок Машевский, и я лихорадочно высыпал из него спички на примятую траву, чтобы можно было быстрее взять их в случае неудачи.

- Начали! – скомандовал инструктор.

Дрожащими от напряжения руками я нервно чиркнул спичкой о бок коробка, и она вспыхнула ярким, радостным огоньком. И, странное дело, я сразу же успокоился и, почти не осознавая, что делаю, аккуратно прикрыл огонёк руками, чтобы его не задуло ветром, и осторожно поднёс к самым мелким веточкам через отверстие, ведущее в самую сердцевину костра. Сухие сосновые прутья медленно, словно нехотя, пустили несколько струек дыма, затем по ним пробежали маленькие огненные язычки и, слившись воедино, наконец, с шумом и треском устремились вверх.

- Молодцы, пока первые! – подбодрил нас инструктор.

Машевский принялся подбрасывать приготовленный хворост, а я огляделся по сторонам. У наших соседей костёр едва дымился. Огонёк пробивался ещё у одной пары. Остальные пока не могли ничего разжечь. Один парень всё время доставал из коробка спички, с силой ломал их, пытаюсь зажечь, и вновь проделывал всё это сначала, пока у него, наконец, не вырвал коробок из рук его напарник. Но и у того тоже ничего не получалось.

Тем временем наши соседи тоже раздули приличный огонь, но до нашего костра им было всё же далековато.

Я стал заниматься нашим костром, но Машевский быстро потрянул меня за плечо:

- Смотри, они руками костёр поднимают!

Отчаявшись нас догнать, наши соседи подняли костёр на руках, но с первого раза у них ничего не получилось – горящие, дымящиеся ветви развалились в разные стороны, и одному из парней при этом, похоже, обожгло руку. В это время наша нитка перегорела, и её обугленные остатки повисли на обоих кольшках. Машевский поднял руку, а я, чтобы было наверняка, изо всей силы заорал:

- Всё! Нитку пережгли!

- Молодцы! – крикнул инструктор.

Воспользовавшись тем, что инструктор и его помощники отвлеклись, наши соседи вновь подняли остатки своего костра на руки и пережгли нитку. Это было видно только нам, потому что от остальных участников они закрылись спинами. Но один из помощников инструктора всё же увидел и предупредил:

- Так не пойдёт. За игру не по правилам вам минус два балла.

- А что мы сделали?! Не имеете права! – неожиданно нагло возмутились наши соседи.

- Будете спорить – вообще баллов за этот конкурс лишим! – предупредил инструктор. - Бороться надо честно, как городокские!

Мы уже успели погасить свой костёр, а некоторые из участников всё никак не могли развести огонь. Но инструктор ожидал, потому что от очерёдности выполнения задания зависело общее количество баллов, получаемое той или иной командой.

Но самым главным было то, что мы с Машевским всё же выиграли и принесли своей команде целых одиннадцать очков. Это, конечно, не так и много, как начисляют за полосу препятствий, но тоже неплохо, тем более, что все очки в итоге суммируются в один общий командный показатель в баллах. На душе было легко, приятно и... как-то пусто. Мы с Машевским с интересом наблюдали за остальными, как будто бы были обычными болельщиками. Я поймал себя на мысли о том, что нет ничего лучше, чем уже в ранге победителя смотреть за соревнованиями тех, кто ещё продолжает бороться за место позади нас.

Наконец, всё закончилось, и инструктор объявил результаты:

- Первое место и одиннадцать очков – СШ №1 города Городка. Второе место и девять очков – СШ №8 города Полоцка. Третье место – семь очков, СШ №29 города Витебска. Витебляне получили на два очка меньше и третье место, хотя и были вторыми, потому, что нарушили правила. Именно поэтому команда Полоцка оказалась на втором месте и получила девять очков. Четвёртое место и пять очков – СШ №2 города Глубокое. Пятое место и четыре очка – СШ №1 города Миоры. Шестое место и три очка – СШ №2 городского посёлка Шумилино. Седьмое место и одно очко – СШ №5 города Новополоцка. И последнее место и ноль очков за то, что им так и не удалось разжечь костёр – СШ №12 города Орши. Поздравляю победителей – ребят из Городка! А оршанцам желаю не падать духом: соревнования только начинаются. Сейчас кто хочет, может остаться здесь – по берегу озера пройдёт завершающий этап полосы препятствий. Можете поболеть за своих. Ну, а кто не хочет – может возвращаться в лагерь.

Кое-кто из участников конкурса костров отправился в лагерь, но большинство, в том числе и мы с Машевским, решили подождать своих.

Инструктор после завершения конкурса стал гораздо разговорчивее и по ходу ожидания пояснил, что команды стартовали с интервалом в пять минут, и первыми мимо озера на финишную прямую должны были выйти оршанцы. Вторыми стартовали полочане. Полоса препятствий включала в себя и ориентирование и была самым серьёзным конкурсом, оценивалась самым большим количеством очков, поэтому мы с Машевским переживали достаточно сильно – именно полоса препятствий должна была окончательно выявить лидеров слёта.

Первыми, как мы и ожидали, появились оршанцы. Они стремительно пробежали вдоль берега, при этом их ребята почти тащили на руках девчонок, помогая им бежать (зачёт времени делали по члену команды, пересекшему финишную черту последним). Вторыми оказались наши.

- Они обогнали полочан – значит, у нас будет лучшее

время, чем у них! – радостно сказал мне Машевский.

- И по костру мы их обошли – значит, разрыв ещё больше увеличился! – кивнул я.

Первыми бежали Коля Николаев и Шпагин. Затем все остальные. Замыкали нашу группу Маузеров и Гутовский, которые помогали бежать сильно отстававшей Березняковой. Было заметно, что Ольга здорово устала и бежит на пределе своих возможностей. Мне стало её жаль и, чтобы хоть как-то поддержать своих, я замахал руками и закричал:

- Серёга, Андрюха! Жмите! Мы с Машевским выиграли костёр, так что дело за вами! Держись, Оля, осталось немного!

Это «немного» включало в себя не меньше трёх километров лесной дороги, но Маузеров и Гутовский всё равно помахали руками мне в ответ, а Березнякова, повернув ко мне лицо, через силу улыбнулась, поблагодарив за поддержку.

После нашей ссоры и драки в Пальминке это было в первый раз, когда Березнякова вновь обратила на меня внимание, и я, окрылённый неожиданным успехом, ещё сильнее замахал руками и заорал что было мочи:

- Давай, ребята! Жмите! Даёшь победу!

Машевский, поначалу немного озадаченно поглядывающий в мою сторону, постепенно проникся моим задором и, присоединившись, заорал ещё громче, чем я:

- Вперёд, мужики! Полоцк на хвосте! Ещё немного – и мы с медалями!

На этот раз обернулась Марьяна Степаненко и с улыбкой помахала нам рукой.

До медалей ещё, конечно, было далеко, но мы болели, пожалуй, громче всех остальных, и наши, узнав о победе в конкурсе костров, приободрились и, словно включив второе дыхание, бросились вперёд.

Едва наши исчезли за поворотом, на берег озера тут же выскочили полочане.

Постепенно мимо нас одна за одной пробежали все команды. Завидев своих, наши соседи начали громко кричать и размахивать руками, но всё равно так громко и активно, как мы, не болел больше никто.

Когда пробежала последняя команда, мы тесно обступили инструктора, чтобы узнать предварительные результаты. Лучший результат пока был у Орши, затем шло Глубокое и третьим – наш Городок. При таком ходе соревнований в итоге мы и должны были занять места именно в таком порядке. Правда, от школьников из Глубокого наши отставали всего на несколько секунд, а значит, ещё могли рассчитывать на второе место на полосе препятствий. А при таком раскладе в итоговом зачёте мы обходили и глубочан, и оршанцев и должны были выходить на общее первое место.

- Ну, что будем делать? – спросил Машевский: - Пойдём к финишу узнаем, как там у нас дела?

- Пока мы туда дойдём, наши уже закончат дистанцию и уйдут в лагерь. Дождёмся их там, - возразил я.

Мне было лень бежать следом, да в этом и не было совершенно никакого смысла – мы бы всё равно не успели. Машевский в итоге со мной согласился, и мы вернулись в лагерь.

Через полчаса прибыли и наши. Они были мокрыми от пота и грязными с ног до головы.

Мы наконец-то узнали окончательные результаты. Первое место в полосе препятствий получили оршанцы и взяли пятьдесят очков. Наши с сорока очками были всё же вторыми, третьими с тридцатью пришло Глубокое. После того, как сложили результаты полосы с конкурсом костров, мы с пятьюдесятью одним очком оказались на первом месте. На втором с пятьюдесятью – оршанцы, и на третьем с тридцатью шестью - глубочане. СШ №29 города Витебска была с двадцатью семью очками всего лишь на четвёртом, а СШ №8 города Полоцка с девятнадцатью – на пятом местах. Последними всего с четырьмя очками стали шумилинцы, и тут же в их адрес посыпались остроты. А мы, конечно же, были вне себя от радости: в лице нашей команды маленький Городок не только бросил вызов более крупным городам области, но даже пока у них выигрывал. Ещё несколько дней назад мы даже не могли и мечтать о поездке на республиканский турслёт, но теперь были уже почти уверены в этом – на республику в любом случае попадали три лучшие команды нашего слёта, ну а мы пока и вовсе

были первыми. И если оршанцы и дышали нам в затылок, то все остальные были далеко позади.

Правда, наша команда понесла первые крупные потери, и это не могло не настораживать. Маузерова и Николаева забрал на соревнования в Витебск приехавший за ними сразу же после объявления результатов Мельник, а Машевский Олег разбил колено и теперь не только не мог бегать, но даже ходил с трудом, хромая, словно инвалид. Мельник хотел и его забрать с собой, чтобы отвезти домой, потому что перед соревнованиями Маузерова и Николаева должны были отвезти в Городок, но Машевский Олег уговорил оставить его в покое: ему хотелось остаться на турслёте вместе со всеми. Тем более, что свои выступления он уже закончил, нам осталась только карта и... конкурс альбома, которого у нас не было.

Маузеров и Николаев тоже уезжали неохотно, но спорт они тоже любили, да и команде всё равно уже ничем не могли помочь. В общем-то, соревнования закончились для всех, кроме меня, Машевского Сашки и Сазоновой Риты – завтра нам втроём предстояло нарисовать топографическую карту местности.

- Ну что, Игорёк, желаю вам завтра победы с картой! - сказал мне на прощание Маузеров и пожал руку.

- Посмотрим, - улыбнулся я.

Сразу же после отъезда наших легкоатлетов нас построили на линейку и объявили, что после обеда в порядке шефской помощи мы поедem помогать близлежащим совхозам и колхозам. Мы в общем-то восприняли всё это спокойно, потому что знали обо всём заранее, но особого восторга не испытывали – после соревнований хотелось просто поваляться в палатках.

Нас объединили с витебчанами и отправили на автобусе на расположенную неподалёку птицефабрику.

Я ещё никогда не был на птицефабрике и с большим интересом вертел головой по сторонам, стараясь не упустить ничего интересного. Огромная, обнесённая высоким забором территория птицефабрики была застроена длинными бараками, в которых выращивали бройлеров, и казалось, что всё пространство вокруг заполнено их бесконечным

трескучим верещанием. Кроме бройлеров на территории птицефабрики было полным-полно голубей, и они, похоже, неплохо себя чувствовали, вполне счастливые доступом к отходам с «барского» бройлерного стола.

Мимо барачных нас провели в дальний конец территории и сообщили, что наша задача – загрузить в машины огромную, бесформенную кучу металлолома, громоздившуюся за последним сараем-барачком. Оглядев кучу, я сразу же подумал, что и к ужину мы явно с ней не управимся – было такое впечатление, будто её или складывали здесь на протяжении нескольких лет, или же просто устроили здесь склад собираемого пионерами металлолома. Впрочем, не очень-то верилось, что эти огромные куски арматуры и тяжёлые, литые чугунные детали собрали пионеры: у них просто не было бы для этого сил. Здесь были и старые, проржавевшие, погнутые птичьи клетки, и искорёженные велосипедные рамы, и сломанные, ржавые автомобильные моторы, какие-то бесчисленные детали и куски рассыпающейся в пальцах ржавой проволоки. Грузить металлолом было даже интересно: не каждый день доводилось видеть столько железного «антиквариата», уже совершенно бесполезного и никчемного, но всё ещё сохраняющего внешнюю форму. Металлолом грузили в подъехавший ЗИЛ-самосвал с железным кузовом. Каждая падающая внутрь железяка производила такой грохот и звон, что поначалу у меня даже закладывало уши. А когда мы с трудом перекулили через борт увесистый мотор и он рухнул вниз, все испугались, что он проломал кузов, но тот, как ни странно, остался целым и невредимым. Молодой шофёр нервно наблюдал за нашей работой, всерьёз опасаясь за судьбу своей машины, но всё же он не мог ослушаться присутствовавшего здесь же какого-то начальника и лишь время от времени кричал громким, хриплым голосом:

- Осторожно! Опускайте медленнее! Аккуратнее!

Наконец, когда мы уложили на дно первый слой, он успокоился и больше не проронил ни слова: теперь он уже не так боялся за судьбу своего кузова. Мало-помалу куча металлолома стала уменьшаться и, когда самосвал отъехал, оказалось, что металлического хлама стало примерно на

треть меньше.

В ожидании возвращения машины мы уселись под росшими неподалёку раскидистыми берёзами. Ветер приятно щекотал волосы и кожу лица и я, прислонившись спиной к берёзовому стволу, наслаждался отдыхом с закрытыми глазами. На душе было хорошо и спокойно, и если бы не недавняя размолвка с Березняковой, я бы чувствовал себя совершенно счастливым человеком. С другой стороны дерева, тоже прислонившись спиной к стволу, молча сидел Гутовский. Вообще мало кто разговаривал: давала о себе знать накопившаяся за день усталость, а убаюкивающее шуршание листвы навевало спокойствие и размеренность, поэтому почти все были погружены в себя.

Все, кроме двух витебчан. Они, словно дети, вытащили из кучи железа какие-то длинные прутья и принялись фехтовать ими, используя, наподобие рапир. Наконец, один из них нечаянно задел другого прутом по кисти и в результате они ещё распалились, и я уже подумал, что добром это не закончится. Но тут пришёл руководивший нами бригадир птицефабрики и сочными, но не слишком злыми матюками остудил «дуэлянтов».

ЗИЛ вернулся минут через сорок. Мы бросили в кузов первую железяку и здорово удивились, не услышав ставшего уже привычным ужасающего грохота.

- А вы думали, что я вам позволю свою машину гробить?! Ещё пару таких рейсов, и моего ЗИЛа можно было бы самого сдавать в металлолом, - засмеялся шофёр, глядя на наши удивлённые лица.

Я тут же вскочил на колесо и, перегнувшись через борт, заглянул внутрь. Всё дно было усыпано густым слоем пахнущих свежим деревом опилок.

- Опилки! – сообщил я остальным, но несколько человек всё равно полезли вслед за мной, чтобы увидеть всё собственными глазами.

- Ну, ты молодец, Шурка! А выгружать как будешь, твою мать, опилки вместе с железом сыпать? – недовольно, но беззлобно спросил бригадир.

- Ничего, разделят. Опилки всё равно вниз просыпятся. Я не хочу кузов варить раньше времени! – отмахнулся шо-

фёр.

Вторую машину мы загрузили ещё быстрее, чем первую, потому что брали в основном самые большие железяки. Чтобы их поднять, приходилось работать сразу в несколько рук, и бригадир всё время нервничал, как бы какая-нибудь особенно большая и тяжёлая железяка не сорвалась вниз и не разможила бы кому-нибудь руку, ногу или голову.

- У нас не срывается: когда мы работаем, никакого подъёмного крана не нужно! - засмеялся Гутовский.

Глядя на Жалейко, я вспомнил, как он сунул палец под мотор во время занятий в учебно-производственном комбинате, но промолчал, чтобы не нагнетать страсти.

Третью машину загружали дольше всего. Всё вокруг вновь звенело и гремело - старые опилки шофёр выгрузил, а новые почему-то так и не загрузил, а в ответ на наши расспросы лишь с досадой махнул рукой. На этот раз остались самые маленькие железяки, и у меня даже разболелась спина от бесконечных наклонов и разгибаний.

- Тут проще веником подмести, чем по одному болту поднимать! - проворчал Гутовский.

- Ладно, ребята, не сердитесь, уже совсем мало осталось. А веники не возьмут - я сейчас лопаты принесу, - миролюбиво ответил бригадир и виновато пожал плечами.

Если бы он начал спорить или ругаться, мы бы наверняка ответили тем же, но он принёс несколько лопат и вновь принялся уговаривать нас сделать работу до конца, хотя её и так никто не собирался прерывать или прекращать. Гутовский почувствовал себя неловко и поспешно пробормотал:

- Да мы ничего... Просто с лопатами легче... Спасибо, что принесли.

После ужина, уже в лагере, нам объявили, что привезли кино и покажут в девять вечера «Последний рейс» на специально смонтированном передвижном экране. Это вызвало радостное оживление. Конечно, ни в самом показе фильма, ни в его названии не было ничего особенно необычного, но необычным был сам просмотр на открытом воздухе, и именно это обстоятельство придавало предстоящему кино-

сеансу особый колорит.

Показ кинофильма был хорошим поводом для примирения с Березняковой, и примерно за полчаса до начала сеанса я отправился на поиски Ольги.

Возле палатки девочек стояла Селезнёва.

- Ольга здесь? – спросил я у Риты.

- В палатке, - кивнула Рита и улыбнулась.

Это меня разозлило, и я спросил, обращаясь к палатке:

- Ольга, ты здесь? Можно войти?

Ответа не последовало. Рита начала хихикать.

- Я знаю, что ты здесь, и войду сам, раз не отзываешься! – сказал я и решительно направился к входу.

- Я раздета! – поспешно сказала Березнякова: - Стой там.

Я остановился:

- Пойдём в кино?

- Я и так иду, весь лагерь идёт. Но только не с тобой. Сейчас Марьяна вернётся, и мы вместе с девочками пойдём.

- А со мной не хочешь? – обиженно спросил я, хотя и так уже получил ответ на свой вопрос.

Ответа вновь не последовало. Селезнёва продолжала смеяться.

- Ладно! А ты, Рита, идёшь в кино?

- Да, а что?

- Пойдём со мной, я вообще-то специально за тобой пришёл, - нарочито громко сказал я, чтобы досадить Березняковой.

- Ой ли?! – с улыбкой покачала головой Сазонова: - А мне показалось, что ты за Ольгой пришёл.

- Я хотел, чтобы мы все вместе пошли. Ну, пойдём? – предложил я.

- Не знаю, - пожала плечами Рита.

- Иди, мы позже придём! – отозвалась из палатки Ольга.

- Пойдём, раз так! – наконец, согласилась Сазонова.

Я уже и сам был не слишком рад такому повороту событий, но теперь отказываться было поздно, и мы пошли в кино.

Сазонова сегодня была на редкость болтливой, и её соседство оказалось вовсе не таким тягостным, как мне представлялось вначале. Почти тут же вслед за нами пришли

и сели рядом Гутовский, Жалейко, и я почувствовал себя совсем хорошо. Березнякова и Степаненко пришли перед самым началом сеанса в компании обоих Машевских. Ольга даже не смотрела в мою сторону и лишь весело смеялась в ответ на шутки, которые, как мне показалось, по поводу и без повода отпускал Машевский Олег. Я вновь разозлился, но старался не подавать виду. Это было не так-то просто, потому что всё время приходилось разговаривать то с Гутовским, то с Сазоновой, но начавшийся сеанс позволил мне, наконец, остаться наедине со своими мыслями.

Ссора с Березняковой оказалась гораздо более серьёзной, чем мне представлялось раньше, и это здорово омрачало моё настроение. И, самое главное, я стал подозревать, что Ольга совершенно ко мне охладела или, того хуже, не испытывала никаких чувств с самого начала и проводила время со мной лишь из праздного интереса. Из-за таких мыслей в последнее время я стал мнительным и неуверенным в себе. «Надо как-то переговорить с Ольгой, попытаться ей всё объяснить», - думал я, глядя на экран, но помимо симпатии и разочарования в глубине души появились раздражение и обида – по большому счёту я не был ни в чём виноват, и оправдываться мне тоже было не из-за чего.

Содержание фильма совершенно ускользало от меня, но хорошо запомнились кадры, где показывали машинное отделение небольшого корабля и работающих там мотористов. Раздетые по пояс, они всё равно обливались потом, и я почти физически чувствовал, как им не хватает воздуха. Но жалко мне почему-то было не столько мотористов, сколько сами механизмы, которые, словно живые существа, надрывно скрипели и гремели в каком-то исступлённом, быстром движении. Режиссер, наверное, именно на это и рассчитывал, потому что через несколько мгновений механизм сломался и корабль остановился.

К концу сеанса начал моросить мелкий дождик, и я, сообразив, что теперь уж наверняка не удастся поговорить с Ольгой, окончательно сник.

После фильма я проводил Риту до палатки. Она поняла моё состояние и теперь лишь сочувственно молчала, утратив былое красноречие.

Вечером наши, измотанные утренними соревнованиями и дневной работой на птицефабрике, быстро затихли, а я ещё долго не мог уснуть, ворочаясь с бока на бок. Мне всё казалось неудобным – комары пищали более гнусно, чем обычно, в спину кололи какие-то шишки, оставшиеся под дном палатки, а в голову навязчиво лезли мысли о взаимоотношениях с Березняковой.

Утро выдалось сырым и пасмурным. Ночью было холодно, и я то и дело просыпался и ворочался, пока не догадался натянуть на себя свитер, и лишь тогда согрелся. Вчерашние мысли и холодная ночь отняли немало сил, и я чувствовал себя совершенно разбитым, по-хорошему завидуя тем, кому уже не нужно было участвовать ни в каких соревнованиях. Я ощущал себя не совсем в своей тарелке – через пару часов нам с Машевским Сашкой и Сазоновой предстояло рисовать карту. Мы пока шли на первом месте, и это тоже давило на психику, потому что любая наша оплошность могла привести к потере лидерства, и, как следствие, мы втроём запросто могли стать виновниками проигрыша. Наши восьмиклассники из четвёртой школы Городка в своей возрастной группе, в отличие от нас, выступили из рук вон плохо и заняли то ли предпоследнее, то ли вообще последнее место.

Сразу после завтрака мы втроём, получив последние инструкции от Козлова и Дудника, отправились к большой синей палатке, где был назначен сбор участников соревнований. Остальные же должны были заниматься заготовкой дров для общего вечернего костра.

Оказалось, что к каждой команде прикреплен специальный инструктор-картограф, который будет следить за нашей работой. Этот инструктор вместе с жюри должен будет выставить нам оценку за работу.

В инструкторы нам достался молодой, нагловатый чернявый тип. На нём были белые кроссовки, широкие зелёные шорты, клетчатая рубашка, ярко-зелёная кепка и чёрные солнцезащитные очки. Типа звали Игорем Александровичем. К месту конкурса, расположенному в нескольких километрах от лагеря, нужно было добираться пешком. Ещё

раз проверив наличие карандашей, стёрки и бумаги, мы пошли вслед за Игорем Александровичем, который уже начал поглядывать на часы и недовольно коситься в нашу сторону.

Нам досталось рисовать карту в окрестностях деревни Тетёрки. Где-то в этом районе расположились и остальные группы участников нашего конкурса, но их пока нигде не было видно. Наш участок представлял собой отрезок шоссе, ведущего на Рубу, железную дорогу, большой луг, служивший пастбищем для коров и ещё одну дорогу, ведущую вдоль крутого, обрывистого берега Западной Двины. Всего у нас получалось около одного квадратного километра территории, и всё это, вплоть до одиночных деревьев и расположенного неподалёку колодца, нам предстояло нанести на карту. Грунтовка, идущая по берегу, упиралась в окраину Рубы.

- Давай вначале отметим по углам главные ориентиры, прикинем масштаб, а потом зарисуем центр, так будет надёжнее, - предложил я Машевскому.

Сашка согласился, и мы принялись за работу.

Игорь Александрович тем временем уселся на большой камень и лениво обозревал окрестности, внешне не проявляя ни малейшего интереса к тому, чем мы занимались. Сазонова ещё во время нашего пути к Тетёркам как-то весьма недвусмысленно поглядывала на инструктора, а теперь и вовсе встала позади него и, уперев руки в бока, принялась бесцеремонно разглядывать его, то и дело расплываясь в каких, как мне показалось, весьма дурацких улыбках. О карте она, похоже, даже не вспоминала.

- Чего это она?! – удивлённо спросил я у Машевского и, толкнув его в бок, осторожно, чтобы не видел инструктор, показал в сторону Сазоновой.

- Делать ей нечего! Рита! – позвал Машевский, недовольный тем, что нам никак не удавалось с уверенностью определить даже приблизительный масштаб и пропорции нашей карты.

Сазонова с видимым неудовольствием отвлеклась от своего занятия и подошла к нам.

- Ты чего? – спросил я.

- А что? – улыбнулась Рита.

- Чего ты его так разглядываешь? Он обернётся, увидит твои гримасы и засудит нас! Делать тебе нечего, что ли?!

- Знаешь, Игорь, меня его ноги поразили. Волосатые, как у животного. Он, наверное, специально шорты надел, чтобы их показывать! – без тени смущения пояснила Сазонова.

Я лишь фыркнул в ответ и расплылся в улыбке.

- Ноги только вам нравится показывать – если они, эти ноги, красивые, конечно. А он шорты надел, потому что ему жарко, – возразил Машевский.

- Что ты, как дура, заладила с этими шортами?! – рассердился я.

- А я говорю, что он специально всем свои волосатые ноги показывает! Вот ты, например, не надел шорты.

- Тише ты, а то ещё услышит! – предостерёг я Риту и пояснил: - А шорты я не надел потому, что у меня их нет. Я только в детстве шорты носил. Я вообще шорты не люблю – люблю штаны. А в шортах, словно в семейных трусах, только таким, как ты, они нравятся!

- Как же, шорты ты не любишь! Конечно, не любишь – с твоими цыплячьими ногами в них только и ходить!

- Ты на свои посмотри!

- Я – девчонка, а ты – парень!

- Ну, знаешь! Не хочешь с нами работать – иди и разглядывай ноги этого волосатого козла!

- Только что предупреждал, чтобы мы тише говорили, а теперь сам орёшь! – упрекнула Рита.

- Да хватит вам, мы ведь на соревнование пришли, а не ругаться или ноги разглядывать! Тьфу ты, придумают тоже! – Машевский, поначалу решивший нас помирить, тоже завёлся и, с досадой сплунув на траву, замолчал и отвернулся.

Я посмотрел на инструктора. Тот поднялся с камня и пошёл в нашу сторону.

- Всё, слышал, блин! – предупредил Машевский.

Но инструктор решил, что мы спорим по поводу карты и, дав пару мелких советов, вновь вернулся на своё место.

Подождав, пока он уйдёт, Сазонова одновременно взъерошила нам волосы и со смехом сказала:

- Да хватит вам дуться, я ведь пошутила! Давайте рисовать карту. Хотя ноги у Игоря Александровича... Сказка! Как горный козлик!

Сазонова примирительно толкнула меня в бок. Я улыбку в ответ, но промолчал – в душе я всё же обиделся за «цыплячьи ноги». Рита, словно прочитав мои мысли, поинтересовалась:

- За «цыплячьи ноги» обиделся? Ладно, прости меня. Не надо было меня душой обзывать.

- Да ладно, я сам был хорош! – кивнул я, и на душе у меня сразу же стало легче – не простить Ритку было просто невозможно, тем более, что и я сам вёл себя далеко не лучшим образом.

Помирившись, мы принялись за дело. Машевский и я по очереди то рисовали, то отмеряли шагами расстояния до самых разных ориентиров – колодца, деревьев, канавы. Рита же в основном отмечала расстояния и подсказывала, если мы что-нибудь забывали нарисовать. Считая шаги до расположенного неподалёку оврага, я неожиданно обнаружил на его дне небольшой ручеёк, а чуть выше – родничок, из которого и сочился ручей. Крыничка была важной деталью, и я не без гордости нанёс её на карту. Пока дела шли у нас неплохо, но раз за разом возникало ощущение, что у нас не всё в порядке с масштабом. Вернее, не столько с масштабом, сколько с пропорциями длины и ширины. Что-то было не так, но что именно, мы пока не могли понять.

- Может, ещё раз расстояния перемеряем? – предложил Машевский.

- Знаешь, сколько времени пройдёт?! Мы ничего не успеем сделать, если будем всё по десять раз мерить! – возразил я.

- Ещё неизвестно, что лучше: сделать меньше, но точнее, или больше, но лишь бы как! – проворчал Сашка.

- Надо делать и больше, и точнее, - ответил я.

Машевский ещё немного поворчал, но, в конце концов, всё же согласился с моими доводами – мы уже чувствовали, что на повторные измерения просто не остаётся времени.

Наконец, всё было закончено, и мы сдали свою кальку с нарисованной картой инструктору. Игорь Александрович

вич тут же извлёк из заднего кармана шорт настоящую топографическую карту нашего участка и положил на неё поданную нами кальку. Мы с интересом обступили инструктора, в душе надеясь на полное совпадение. Вдоль реки мы отмерили расстояния верно, а вот поперёк – между Западной Двиной и шоссе – здорово ужали, и на нашей кальке оно получилось едва ли не в полтора раза уже, чем было в действительности. Так что предчувствие нас не обмануло. Зато овраг и родничок я нанёс на карту точно.

- Ну и как? На что можно рассчитывать? – спросил у инструктора Машевский, когда мы, наконец, удовлетворили своё первое любопытство.

Инструктор ничего не ответил и, приставив к козырьку своей кепки ладонь, посмотрел вдаль, разыскивая наших соседей.

- Очень мы страшно нарисовали? – спросил я, надеясь услышать совсем противоположную оценку.

Игорь Александрович склонился к земле, сорвал травинку, выпрямился, немного её пожевал и лишь потом, выплюнув, наконец, ответил:

- Не очень. В общем-то, неплохо, хотя с масштабом вы, ребята, здорово напутали. А вот родничок хорошо нанесли, редко такая точность бывает. А результаты... Разберёмся в лагере, там мы сравним все работы и объявим победителя.

Уже в лагере перед самым обедом мы узнали, что заняли в конкурсе карт третье место, но это только укрепило наше лидерство, и мы даже увеличили отрыв от оршанцев. У нас было шестьдесят три очка, у них – пятьдесят восемь. На третью позицию с сорока тремя очками вышел Витебск, на четвёртую с тридцатью девятью – Полоцк. Глубокое, вчистую проиграв карту, скатилось на пятое. На шестом остался Новополоцк с восемнадцатью очками, на седьмом с четырнадцатью – Миоры. Замыкали таблицу всё те же шумилинцы с шестью очками.

По этому поводу Машевский Олег пошутил, что «лучше иметь дочь-проститутку или даже сына-ефрейтора, чем выступать, как шумилинцы». Все наши засмеялись, но мне эта шутка не очень понравилась из-за ефрейтора: мой отец был в армии, в морской авиации старшим матросом, то есть тем

же ефрейтором, и я этим даже немного гордился и, само собой, не видел в том ничего зазорного или унижительного. Тем более, что по должности отец мог быть старшиной.

Едва объявили результаты, мы тут же начали поздравлять друг друга.

- Ну что, Игорёк, поедем теперь на республику! А там, может, и на союз махнём, а?! – спросил Гутовский и радостно хлопнул меня по спине.

- На союз? Вначале на республику надо попасть, - возразил стоявший рядом Машевский Олег.

- Теперь наверняка попадём: на республику едет три команды. А у нас от витебчан, которые идут четвёртыми, фора в двадцать очков! – отмахнулся Гутовский.

- А про альбомы забыл?

- Может, ещё и не будут их оценивать – пока никто ничего не говорит. А если даже и проверят, то всё равно такую фору не преодолеть. Так что готовься на республику! – продолжал настаивать Гутовский.

Машевский не стал спорить, но предложил пока подождать до вечера: именно вечером и должно было состояться подведение итогов и награждение. Впрочем, Машевского никто особенно не слушал, даже его брат. Среди наших царило всеобщее ликование. Я тоже искренне радовался вместе со всеми, но всё же слова Олега запали мне в душу, и глубоко внутри я чувствовал определённое беспокойство.

В младшей возрастной группе, набранной из будущих восьмиклассников из соседней с нашей четвёртой школы, городокские выступали так же жалко, как в нашей - шумилинские. В столовой Машевский Сашка, увидев, что их лидеры, один из братьев-близнецов Сулеймановых, ведёт себя слишком вызывающе и развязно, не выдержал и упрекнул:

- Ты бы лучше таким деловым во время соревнований был! Вы весь наш город и район опозорили!

Многим было интересно понаблюдать за тем, как будут развиваться события при выяснении отношений представителей двух пар близнецов, поэтому Машевский Сашка и Сулейманов сразу же оказались в центре всеобщего внимания.

- А кто ты такой, чтобы мне указывать?! – разозлился Су-

лейманов: - Пошёл ты!

- Что ты сказал?! – вскипел Машевский и подскочил к Сулейманову.

Вместо ответа Сулейманов густо покраснел, словно только что сваренный рак и, выругавшись, ударил Машевского кулаком в грудь. Машевский тут же ответил, и Сулейманов, перелетев через скамью, рухнул прямо под стол. Почти тут же появилась испуганная Долгова:

- Мальчики, что вы делаете?! Сейчас же перестаньте!

Сулейманов вскочил на ноги, и Машевский вновь ударил его по лицу.

- Саша, прекрати! – пронзительно закричала Долгова и, подбежав к Машевскому, схватила его за руку.

Сулейманов, схватившись за щеку, несмотря на присутствие Долговой, обматерил Машевского и, отойдя в сторону, продолжал что-то бубнить.

Машевский, словно очнувшись, впервые взглянул на Долгову и, тихо извинившись, отошёл в другую сторону.

- Ну, всё – «залетел» наш Сашка! – сказал мне Гутковский.

- Это ведь турслёт. Хотя, если узнают, за драку нам могут баллы снять, - сказал я.

Но Долгова так и не стала никому ничего говорить. В другое время эта драка вызвала бы множество кривотолков и пересудов, но сейчас всем было не до того, и после обеда Машевский и Сулейманов вели себя так, словно не произошло ничего особенного. Хотя при внимательном взгляде было видно, что Сулейманов избегает встречи с Машевским и ведёт себя нарочито неестественно весело, желая дать всем понять, что его авторитет нисколько не пострадал. Долгова тоже сразу же заработала наше уважение, потому что Крыса неминуемо раздула бы из всего этого вселенский скандал. Хотя Долгова, возможно, посоветовалась с Козловым, и все «разборки» решили отложить на потом, чтобы не позориться перед другими районами и городами.

После обеда нас ожидало гораздо более неприятное известие: всё же объявили конкурс альбомов, хотя мы до последнего надеялись, что его не будет. Нам на него идти было не с чем благодаря отказу Хлеборобова предоставить альбом прошлого года, хотя мы и предлагали переклеить

титульный лист и некоторые фотографии.

- Ну, всё, пропали наши «золотые» медали! Теперь с первым местом можно попроситься наверняка, - уныло прокомментировал объявление Гутовский.

- Если бы не Хлеборобов, мы бы выиграли! - зло сказал я.

- Надо было самим альбом готовить! Колёсов фотографии мог новые сделать. А девчонки могли бы всё оформить, - возразил Машевский Олег.

- Я ещё не сделал. Нигде проявителя нет. Будет - тогда и сделаю, - возразил Колёсов.

- А печати сельсоветов мы тоже смогли бы нарисовать? - спросил я у Машевского.

- Можно было бы и самим к ним подъехать, - не совсем уверенно ответил Олег.

- Да ладно, нас самих никто не послушал бы. Да и когда было ездить? Хлеборобов мог бы обо всём договориться, - продолжал настаивать я.

Мало-помалу почти все согласились с моими доводами и вскоре, к моему удивлению, стали считать Хлеборобова гораздо более виновным, чем считал его я сам. Мне казалось, что Хлеборобов просто упустил это из внимания, но большинство считало, что он сделал всё осознанно.

Остаток времени мы провели в томительном ожидании окончательных результатов турслёта. Было, конечно, ясно, что из-за отсутствия альбома мы не удержим первое место, но главным было попадание в первую тройку. Тогда мы бы поехали выступать дальше, уже на республику.

Вскоре среди наших быстро распространился слух, что мы - только четвёртые и не попали в тройку. Это тут же взбудоражило всю нашу команду. Никто толком не знал, кто принёс этот слух и где об этом узнали, и это всех нервировало. Большинство ребят не хотели этому верить и осуждали такое паникёрство, так что тот, кто первым распустил слух, не хотел в этом сознаваться: слишком неприятным было принесённое им известие.

На заключительной линейке все наши восемь команд выстроились коробками вдоль одной линейки. Внешне царило веселье, раздавались едва слышные шутки и приглушённые разговоры, но на самом деле мы, как и остальные

команды, испытывали большое напряжение: вот-вот должны были объявить итоговые результаты турслёта. И самое главное - команду-победителя. Объявлять начали с самого конца, чтобы подольше сохранить интригу:

- Восьмое место с одиннадцатью очками заняла команда СШ №2 городского посёлка Шумилино. Седьмое с двадцатью одним очком – СШ №5 города Новополоцка, шестое с двадцатью четырьмя очками – СШ №1 городского посёлка Миоры, пятое с тридцатью семью очками – СШ №2 города Глубокое.

Начальник лагеря, высокий лысоватый мужчина лет сорока в сине-белом спортивном костюме, зачитывающий результаты, сделал паузу и обвёл всех взглядом. Установилась тишина. Было ясно, что если мы не четвёртые, то едем на республику. Напряжение возросло ещё больше. Сдержанно шумели только те команды, чьи результаты зачитали: они уже всё равно никуда не попадали и теперь могли спокойно обсуждать итоги соревнований.

- При определении победителей мы оказались в сложной ситуации. Дело в том, что перед подведением итогов конкурса альбомов на первом месте была команда СШ №1 города Городка. Но конкурс альбомов является полноправным элементом нашего туристического слёта, и его нельзя игнорировать. По непонятным для нас причинам Городок оказался единственной командой, так и не предоставившей альбом. Поэтому в графе «альбом» Городок получил ноль баллов. А СШ №29 города Витебска – двадцать баллов за второе место в этом конкурсе. В итоге обе команды набрали по шестьдесят три очка. Победителем в этой паре по решению жюри объявляется...

Конечно же, мы: иного просто не могло быть! Мы выиграли все настоящие конкурсы и только из-за альбома нас не могли лишить поездки на республику!

- ...команда города Витебска, принявшая участие во всех конкурсах и занявшая в итоге почётное третье место. Городок всего лишь на четвёртом и неожиданно остаётся за чертой призёров. Это непростое решение...

- Вы забрали нашу победу! – крикнул не выдержавший Гутовский.

- Мы победили, и из-за альбома нас нельзя лишать республики! – поддержал его Машевский Сашка.

Наши недовольно зашумели. Начальник лагеря поднял руку, пытаясь всех успокоить. Начали волноваться и витебчане. Между ними и нами через головы разделявших нас оршанцев полетели взаимные оскорбительные реплики. Оршанцы тоже загудели – они были на нашей стороне. Через мгновение, словно растревоженный улей, гудел уже весь лагерь.

- Наведите порядок! – потребовал начальник лагеря у руководителей команд.

Понемногу все успокоились. Не без труда, но Козлову при помощи Дудника всё же удалось навести порядок и среди нас. Но это далось ему дорогой ценой (я ещё ни разу не видел у Козлова такого красного от злости лица).

- Согласно положению о турслёте, при равенстве очков победа присуждается команде, принимавшей участие во всех конкурсах. Конечно, Городок выступал прекрасно, но на будущее этой команде надо учесть, что есть определённый порядок и определённые требования к ходу соревнований. И нарушать их никому нельзя, даже такой хорошей команде. Для остальных это тем более будет хорошим уроком. И прежде всего здесь виноваты педагоги, не подсказавшие о необходимости своевременного оформления альбома.

На втором месте с шестьюдесятью четырьмя очками оказалась СШ №8 города Полоцка и на первом с семьюдесятью тремя – СШ №12 города Орши. Понятно, что все они обошли нас только благодаря альбомам.

Мы, ошарашенные и оглушённые результатами, уныло переминались с ноги на ногу: мы честно выиграли, но у нас украли победу, и турслёт для нас закончился. И сейчас было неважно, кто конкретно во всём этом виноват. Главным было то, что мы не поедем на республику.

Оршанцев как победителей наградили настоящими медалями на ленточках - красивыми металлическими кругляшами с изображением палатки и компаса. Медали были точно такими, какими награждают спортсменов, и в глазах взирающих на всё это моих одноклассников я прочёл за-

висть, горечь и обиду. Впрочем, я и сам чувствовал то же самое.

К тому же нас не покидало чувство, что витебчан специально вывели вперёд, чтобы не пустить на республику нас - слишком подозрительными были итоги конкурса альбомов.

Уже после награждения к нам подходили и оршанцы, и витебчане. Оршанцы подбадривали, утешали, показывали медали. Витебчане в общем-то тоже оказались неплохими ребятами. В конце концов, мы бы на их месте тоже не отказались бы от третьего места, и винить нужно было не их, а жюри, наших горе-руководителей и по большому счёту - нас самих. Хотя, конечно, было до слёз обидно, что не реальные спортивные результаты, а какие-то бумажки не позволили нам пройти дальше. Я ненавидел и эти дурацкие альбомы, и тех, кто придумал их делать, и подобные чувства испытывали мои одноклассники. Одно дело, когда альбом - просто память. Чтобы заставить всех его сделать, можно было просто не допускать команду на соревнования без альбома. А начислять за альбом очки казалось мне глупостью: получалось, что тот, у кого лучше художники, фотографы и оформители, сразу же получали преимущество. Тем более, команды из более крупных городов. Это было явной несправедливостью, и я почувствовал сильную неприязнь к показушному бумаготворчеству вообще и всякого рода альбомам в частности.

Козлов, видя наше состояние, попытался поддержать команду тем, что реально, по его мнению, выиграли мы, но, почувствовав, что сейчас это не совсем к месту, оставил нас в покое.

Осталась последняя ночь на турслёте. После ужина должна была быть дискотека и общий прощальный костёр. Дрова уже заготовили, и теперь можно было, наконец, расслабиться и отдохнуть.

Перед ужином мы с Гутовским лежали в нашей палатке и лениво обсуждали итоги выступления.

- Мужики, кто-то из оршанцев потерял медаль. Просят вернуть, если кто найдёт.

- Тоже мне – победители! Даже медаль не могут сохранить! – хмыкнул я.

- Медаль потеряли? – оживился Гутовский и даже приподнялся с брезентового пола и сел: - Надо поискать.

- Можно себе взять на память, если найдём, - заметил Шпагин.

- Надо отдать. Что у нас за память будет – ворованная медаль?! Тоже мне – память! Пусть лучше у оршанца будет, его ведь наградили, - возразил я.

- Она наша по полному праву! – не согласился Шпагин.

- Силой сам себя не наградишь. Если найдём, то конечно, отдадим, - поддержал меня Гутовский.

Если честно, и у меня была мысль оставить медаль себе, если найдём, но потом я всё же решил, что это нечестно. Но в любом случае медали у нас не было, и это было даже хорошо – меньше искушений.

Сразу после ужина мы все – двести с небольшим человек, - уселись вокруг большого кострища. Солнце уже скрылось за лесом, и лишь вершины самых высоких деревьев полыхали прощальным алым кумачом. Появились целые тучи комаров, облепившие нас со всех сторон, и если бы не ветер, обдувавший нас со спины, сидеть было бы совсем невозможно. А так было вполне терпимо, да и за эти несколько дней мы успели привыкнуть к нападениям комариных кровососущих орд, и это нам уже не казалось таким невыносимым, как вначале.

Машевский Сашка сидел вместе с Марьяной, а Березнякова, напротив, села от меня подальше. Я хотел было всё равно сесть рядом, но потом всё же остался вместе с Гутовским, Шпагиным и Колёсовым.

В центр большого костра налили немного бензина, зажгли спичку, и пламя, шипя и стреляя маленькими алыми искорками, поползло вверх. Вначале медленно и неуверенно, затем всё более грозно и быстро, пока, наконец, с гулом и рёвом не вырвалось вверх, взметнув в небо целый салют искр. Все дружно завопили и захлопали в ладоши.

Уже почти совсем стемнело, и в небе стали зажигаться целые россыпи звёзд. Потемневший лес сразу приобрёл таин-

ственность и загадочность, и теперь, казалось, плотно окружил нас со всех сторон и даже навис над костром. Среди ветвей мелькали какие-то то ли напуганные, то ли, наоборот, привлечённые всеобщим гамом и огнём костра редкие птицы. Появилось странное ощущение двойственности: с одной стороны, всё это было похоже на пионерский костёр, и в моей памяти то и дело всплывали картины наших пионерских костров на берегу Азовского моря, с другой же - мы уже выросли, и близость наших повзрослевших девчонок, ощущение собственной личной свободы, возможность принимать множество ранее недоступных решений, подсознательное стремление к соперничеству с друзьями придавали всему этому совершенно новые оттенки и краски.

Не было ни официальных выступлений, ни обычной в таких случаях торжественной части – почти сразу же после краткой речи начальника лагеря включили музыку.

Сидеть на одном месте было не слишком удобно, потому что хвоя впивалась в тело. Ёрзать же было ещё хуже: можно было получить укол колючкой. Поэтому многие побросали вниз что-нибудь из своей одежды и уселись уже на эти импровизированные места. Некоторые остались стоять.

Поначалу танцевали, в общем-то, немногие: одни чувствовали себя уставшими, другие же за нарочито выставляемыми напоказ ленью и «важностью» взаимных разговоров просто скрывали свою растерянность и смущение. Я тоже чувствовал себя не совсем уютно под перекрёстными взглядами сотен глаз, но сидеть на одном месте мне тоже надоело, и когда Гутовский предложил мне, Колёсову и Жалейко идти танцевать, я сразу согласился. Жалейко остался сидеть, а Колёсов, хоть и не без колебаний, но всё же пошёл вместе с нами. Вскоре к нам присоединились появившиеся откуда-то из темноты Шпагин, оба Машевских, Сивчук и все наши девчонки. Увидев это, не удержался и Жалейко.

Сразу после быстрого танца объявили медленный, и я, не теряя ни секунды, подошёл к Березняковой:

- Можно тебя пригласить на танец?

- Конечно, можно, - улыбнулась Ольга и сразу же положила мне руки на плечи.

Боковым зрением я успел рассмотреть улыбку Гутовско-

го и его большой палец правой руки, удовлетворённо поднятый вверх.

- Ну, как ты, расстраиваешься, что мы не выиграли? – спросила у меня Ольга.

Я любовался её лицом, чёрными бровями вразлёт и, буквально утопая от счастья в её глубоких чёрных глазах, ничего не слышал и не видел вокруг.

- Ты меня слышишь? – обиделась Ольга.

- Я ничего не слышу, а только вижу, что ты – очень красивая. Я просто хочу смотреть на тебя, - тихо сказал я и предостерегающе провёл пальцем по её губам.

Ольга смутилась, но затем, стрельнув глазами, заявила:

- Смотри, если хочется. Но разговаривать мы же должны: я не хочу молчать, как какая-нибудь рыба!

- Я тоже не хочу. Просто я давно не был рядом с тобой.

- Ты сам знаешь, почему.

Я промолчал.

- Ты знаешь? Ответь – знаешь? Не прячь глаза! Отвечай сейчас же! – игриво потребовала Ольга.

- Знаю, - выдавил я.

Я не чувствовал себя виноватым, но дорожил этими минутами и почти состоявшимся примирением, поэтому решил не спорить и поддакивать. Но танец вскоре закончился, и Ольга вернулась к девчонкам на противоположную сторону круга.

Вновь пошли быстрые танцы, и я стал ожидать медленный. В душе появилась уверенность, что мне удастся наладить отношения с Ольгой, и всё будет нормально.

Ряды танцующих мало-помалу редели: некоторые ушли в лагерь, другие для разнообразия небольшими группами бродили по окрестным зарослям. Учителей и тренеров тоже не было видно: видимо, они ушли отмечать окончание турслёта в своём кругу.

В это время появилась группа нагловатых, пьяных парней. Они, похоже, приехали на мотоциклах, потому что перед их появлением за оврагом слышался характерный рокот моторов, а по верхушкам сосен то и дело пробегали лучи разрезающих тьму фар. Их было всего шестеро. Предводительствовал чернявый, похожий на цыгана парень с

длинными, плохо расчёсанными волосами. На нём был плотно сидящий джинсовый костюм. На ногах – чёрные туфли на высоком, только что вошедшем в моду, широком каблуке. Остальные были в чёрных или синих болоньевых куртках. Приехавшие звали своего лидера Котом. Кота знали и некоторые наши.

- Смотри, Кот с дружками явился! Тоже додумались – пить за рулём! Так и разбиться можно, - сказал Гутовский и показал в их сторону.

- Что за Кот? Откуда ты его знаешь? – спросил я: - Он что – из Городка?

- То ли из Городка, то ли вообще неизвестно откуда – может, даже из Витебска. Я его пару раз на танцах в нашем техникуме видел – он, наверное, там учится, - пояснил друг.

Тем временем Кот, увидев наш танцевальный круг, пошёл вместе с двумя своими спутниками прямо к нам. Трое остальных ушли куда-то на противоположную сторону костра.

- Привет компании! Я подёргаюсь с вами?! – сказал Кот и вклинился в круг между Степаненко и Березняковой.

Рядом встали оба его спутника. Гутовский покосился в их сторону, и Кот, перехватив его взгляд, вызывающе добавил:

- Если, конечно, никто не против?

Гутовский промолчал. Тогда Кот подошёл прямо к нему и спросил:

- Ты не против?

- Площадка большая – кто где хочет, тот там и танцует, - внешне спокойно ответил Гутовский, но я заметил, что внутренне он приготовился к драке.

- Ну, спасибо, уважил, гы-гы-гы! – начал поясничать Кот и, расплывшись в циничной улыбке, протянул Гутовскому руку: - Держи кардан!

Гутовский пожал ему руку.

- Хороший ты парень! – засмеялся Кот и, резко повернувшись ко мне, неожиданно схватил меня за нос и спросил: - А ты?

Я тут же вырвался и недовольно отступил на шаг назад. Кот и его спутники засмеялись.

- Не надо так шутить! – разозлился я, тем более, что всё

это произошло на глазах у Березняковой.

- А ты не хороший – ты редиска! Гы-гы-гы! – подытожил Кот.

Я раздражённо пожал плечами, всем своим видом показывая, что не собираюсь становиться «хорошим парнем» для Кота.

Но тот уже не обращал на меня никакого внимания и стал придирчиво рассматривать девчонок из нашего круга. Наконец, объявили медленный танец, и я хотел было пригласить Березнякову, но меня опередил Кот. Я думал, что Ольга откажется, но она сразу же пошла с ним, а я с глупым видом остался стоять в середине.

Кот слишком сильно обнимал Ольгу и что-то громко и возбуждённо её рассказывал. Я всё больше приходил в раздражение, но связываться с Котом мне не хотелось. Гутовский танцевал с какой-то незнакомой девчонкой, и я, чтобы не стоять с глупым видом посередине круга, отошёл на самый край поляны.

Едва закончился танец, к Коту и его двум спутникам подошёл начальник лагеря и четверо молодых парней из охраны.

- Откуда вы? Что вас сюда привело? К кому приехали? – спросил начальник лагеря у Кота.

Кот расплылся в своей обычной нагловатой улыбке и, выдержав паузу, пояснил:

- Сестра тут у меня – приехал поведать. Ну и потанцевать немного решили.

- Что же вы, все вшестером к твоей сестре приехали?

- Все вшестером и приехали!

- Как фамилия твоей сестры? Из какой она команды?

- Из Городка. Она из младшей группы.

- И как её фамилия?

- Королёва, - соврал Кот.

Никакой Королёвой в команде четвёртой школы не было. Я знал их плохо, но фамилии несколько раз читали вслух на проверке, так что я бы запомнил, если бы слышал такую фамилию раньше.

Начальник лагеря не слишком верил Коту и на всякий случай предупредил:

- Можете оставаться, но без всяких там нарушений и дури! И только до одиннадцати. В одиннадцать у нас отбой, и после отбоя на территории лагеря не должно быть посторонних.

- Так я же не посторонний, я - родственник, - возразил Кот.

- Родственников тоже не должно быть. Договорились?

Кот, который уже понял, что от начальника лагеря не так просто отделаться, согласился:

- Ладно.

- Лагерь будут охранять ребята из «комендантского взвода». Это спортсмены. Чтобы не было потом неприятностей.

Кот промолчал, но едва начальник лагеря и сопровождавшие его парни отошли на безопасное расстояние, выругался и зло сказал в адрес то ли начальника, то ли всех нас:

- Спортсмены, твою мать! Я просто обделался от страха! Гондон ваш начальник!

- Один удар в торец - и спортсмен готов! - засмеялся один из его приятелей.

Следующий медленный танец Кот вновь танцевал с Ольгой. Но и после танца Кот пытался удержать Березнякову за руку, но она всё же вырвалась и встала в круг между мной и Гутовским.

- Ребята, я его боюсь, он от меня не отстанет.

- Отстанет, - хмуро возразил Гутовский.

- А зачем ты с ним танцевала? Отказалась бы и всё, - буркнул я.

- Зачем танцевала? Легко сказать - отказалась! Он бы обиделся и разозлился. Я его боюсь.

- Ольга, ну чего ты сбежала? - спросил подошедший со своими спутниками Кот.

Их было вновь уже шестеро.

К Гутовскому подошли Машевский Сашка с Марьяной. Машевский чуть слышно предложил:

- Давай встанем в круг оршанцев!

- Только аккуратно, чтобы не подумали, что мы сбежали, - предупредил Гутовский и, развернувшись, как бы невзначай затеял разговор с одним из оршанцев, и мы под пред-

логом того, что вовлечены в общую беседу, перебрались в соседний круг.

Но от Кота было не так-то просто отделаться. Он с одним из своих дружков тоже перешёл в круг оршанцев и сразу же направился к Березняковой:

- Ольга, чего ты от меня убежала?

- Ей хочется побыть вместе с одноклассниками, - ответил я вместо Березняковой.

- Это с тобой, что ли? - презрительно спросил Кот.

- Со мной!

Ольга встала у меня за спиной.

- А?! Не слышу?! С тобой?! - закричал Кот и демонстративно приставил руку к уху, словно не мог расслышать, что я ему говорю.

Гутовский шагнул вперёд и встал между мной и Котом:

- Слушай, дай спокойно отдохнуть. Ольга хочет побыть с нами, неужели не понятно?!

- А ты что - адвокат? - спросил у Гутовского Кот.

Гутовский промолчал.

Один из оршанцев тронул Кота за плечо и попросил:

- Слушай, не порти людям настроение!

- Настроение? Да я вам сейчас все морды испорчу! - разозлился Кот.

Услышав шум, к нам в круг протиснулись остальные его спутники.

В общем-то, Кот не представлял из себя ничего особенного, и вполне возможно Гутовский смог бы с ним справиться, но их было шестеро, и назревала большая драка.

Наверное, кто-то предупредил начальника лагеря, и он неожиданно появился из темноты в сопровождении четырёх крепких парней из охраны.

- Ну что здесь такое? - спросил начальник лагеря.

Увидев охрану, Кот вновь расплылся в улыбке:

- Да я с Ольгой хотел потанцевать, а она не хочет.

- Ну так и оставь её в покое!

- А я её и не трогаю. Мы просто так тут, побазарили немножко, - пояснил Кот и протянул Гутовскому руку: - Ведь так? Держи кардан! Всё нормально?

Гутовский кивнул.

- Я же говорил! А вы уже неизвестно что подумали! Спортсменов зачем-то привели, - пожал плечами Кот и, повернувшись к одному из спортсменов, протянул руку и ему:

- Держи кардан!

Парень ухмыльнулся, но всё же пожал Коту руку:

- Держи, если не шутишь!

- Ладно, вы здесь особенно не резвитесь! - предупредил начальник лагеря.

- А мы - что? Мы - ничего! - засмеялся Кот. - Пошли в ту сторону сходим! - предложил Кот своим товарищам и, посоветовавшись, они отправились на противоположную сторону костра.

Расположившись там, они всё время о чём-то переговаривались и поглядывали в нашу сторону.

Танцы мало-помалу прекратились, и мы, рассевшись по сторонам догорающего костра, лениво переговаривались и глядели на последние языки угасающего пламени. Темнота стала совсем густой и непроглядной, и казалось, что пространство вокруг костра стало значительно уже. Постепенно давала о себе знать накопившаяся за день усталость, и многие стали возвращаться в палатки. У меня тоже уже гудели ноги от беспрестанной сегодняшней ходьбы, но отправляться в палатку до отбоя я, конечно же, не собирался.

- Игорь, проводи меня до палатки, а то Кот всё в мою сторону смотрит. Я его боюсь, - тихо попросила меня Березнякова.

Посмотрев в сторону Кота и его дружков, я увидел, что они и в самом деле наблюдают за нами. К тому же было заметно, что они ещё «добавили» и теперь уже не слишком твёрдо стоят на ногах. Правда, теперь они остались только втроём, остальные ушли к своим мотоциклам, и вскоре лес вновь был разбужен рокотом их моторов.

- Видишь, половина уже уехала. Скоро отбой - может, и остальные уедут, - сказал я.

- Они пьяные, куда они поедут?

- Даже если и не уедут, всё равно в лагерь их не пустят: ночью охрана ходит. Давай подождём, пока все наши пойдут, тогда и пойдём?!

- Ты боишься, Тищенко, да?! – презрительно фыркнула Березнякова.

- Если мы пойдём сейчас, они пойдут за нами. А до лагеря метров триста в темноте. Мало ли, лучше подождать! – рассердился я, потому что, во-первых, Ольга попала в точку, а во-вторых, я, конечно же, мог и пойти с ней сейчас, но оказаться одному в лесу против Кота и двух его спутников мне тоже не очень то и хотелось.

- Мы убежим.

- Лучше тогда подождать – убежать стыдно.

- Тоже мне, парень, называется! Не зря Машевские нас в Веречье защищали, а вы с Гутовским прятались!

- Мы там не прятались. Если это Сивчук говорит, то это не значит, что он говорит правду. Это он побежал под ваши юбки прятаться, а не мы!

- Ладно, не сердись, подождём остальных, - наконец, согласилась Ольга, и у меня отлегло от сердца.

Костёр почти догорел, и Кот, не придумав ничего более умного, принялся с разбега прыгать через огромное, пышущее углями кострище. Два раза это у него получилось, а на третий, зацепившись ногой за незаметный в темноте корень, Кот рухнул прямо в угли, но успел всё же перекатиться по ним на другую сторону и, сочно выругавшись, принялся испуганно отряхивать с себя пепел. Его джинсовка не пострадала, и Кот, пару раз с силой резко встряхнув ею в воздухе, вновь надел.

- Бесплатный цирк! – подытожил Гутовский, и мы столпились вокруг костра, чтобы не упустить ничего интересного.

Кот, заметив, какой эффект произвели его прыжки, отыскал глазами Березнякову и, махнув ей рукой, крикнул:

- Ну, что, Ольга, а твои пацаны так не могут?!

- Если мозгов нет, пусть прыгает! И одежду прожжёт, и сам ожоги получит! – сказал я Гутовскому, и Сергей в знак согласия кивнул мне в ответ.

Между тем Кот, разгорячённый выпитым спиртным, разогнался для очередного прыжка, подбежал к самым углям и теперь уже нарочно перекатился по ним на противоположный край. От него во все стороны полетели искры, а из

рукава джинсовки показалась тоненькая струйка дыма. Кот матернулся и быстро захлопал по этому месту ладонью.

- Сторишь ведь, зачем фигнёй занимаешься?! – крикнул кто-то из зрителей.

- А ты сам попробуй! То-то – в сраке мало каки! – огрызнулся Кот.

- Мозгов у тебя мало! – ответил ему незнакомый парень.

- Ты сюда иди, я тебе покажу, у кого мозгов мало! – пригрозил Кот и снова выругался.

Но парень счёл за лучшее затеряться в толпе.

Один из приятелей Кота решил присоединиться к «молодецким играм», но немного не рассчитал и уронил в костёр туфлю.

- Эх ты, раззява! – с чувством собственного превосходства крикнул Кот и, прыгнув в центр кострища, выбросил из него туфлю ударом ноги.

Его приятель тут же её подобрал и, озабоченно осмотрев со всех сторон, напялил на ногу, но сразу же стащил назад, потому что туфля была нестерпимо горячей.

«Выступление» Кота прервал начальник лагеря, по команде которого принесли несколько вёдер воды и залили кострище. После каждого вылитого ведра в небо с шипением поднимались клубы пара и сажи. Полностью угли погасить не удалось, но вскоре от костра остались лишь небольшие, тускло мигающие островки.

Только тут я заметил, что рядом нет ни Гутовского, ни Березняковой. Не было и Кота. Я побродил немного возле кострища и, увидев, что оба Машевских, Степаненко и Жалейко собираются идти в лагерь, пошёл вместе с ними.

- Саня, а где Ольга, ты не видел? – спросил я у Машевского.

- Видел, она с Гутовским минут десять-пятнадцать назад в лагерь ушла.

- Как ушла? Почему с Гутовским? – удивился я.

- У него и спроси. О, вот и он! – воскликнул Машевский, показывая на вынырнувшего из темноты нам навстречу Сергея.

Гутовский незаметно дёрнул меня за руку и шёпотом предупредил:

- Не торопись – поговорим.
Я замедлил шаг. Жалейко тут же это заметил и крикнул:
- Давайте быстрее, что вы застряли?!
- Иди, мы догоним! – махнул я рукой, и Жалейко ушёл
вслед за остальными.
- Ну что, наверное, удивился, когда ни меня, ни Ольги не
увидел? – с улыбкой спросил Гутовский.
- Само собой.
- Она попросила меня, чтобы я её проводил. Перед тем,
как кататься по костру, Кот сказал что-то одному из своих,
и он встал прямо за тобой и за Ольгой. Но когда этот при-
дурок полез в костёр, он отвлёкся, и Ольга незаметно по-
дошла ко мне. Мы переговорили и решили, что пока все
заняты «цирком», я проведу её в лагерь.
- А меня почему не позвали?
- Ты почти у самого костра стоял – было бы заметно. А
так мы через кусты вышли на дорогу, и я провёл Ольгу пря-
мо к её палатке. Немного там постоял для гарантии и вер-
нулся сюда, – пояснил Гутовский.
Почувствовав досаду из-за того, что не мне выпали лавры
спасителя, я спросил:
- А обо мне что она сказала? Небось ругала за то, что не
провёл?
- Ничего не ругала. Она сама поняла, что тебя звать нель-
зя.
- Ладно, – махнул я рукой: – В любом случае хорошо то,
что хорошо кончается!
Я хотел было сходить в палатку к Березняковой, но объ-
явили отбой, и пришлось оставаться на месте.
Без Маузерова в нашей палатке стало просторно, и мы
шикарно развалились в своих спальных мешках. Под поло-
гом гудели комары, и Гутовский хотел уже выскочить нару-
жу, но его остановил стоявший возле палатки Козлов:
- Ты куда?
- Хочу сосновую ветку взять.
- Это ещё зачем?
- Комары замучали, они совсем сегодня спать не дадут. А
так ветку сожжём и дымом их выкурим!
- Никаких веток! Ещё не хватало, чтобы вы палатку сожг-

ли! – безапелляционным тоном заявил Козлов, и Гутовскому пришлось вернуться назад.

- Вы, как хотите, а я буду спать! – заявил Шпагин.

- Ты только и делаешь, что спишь, – буркнул Гутовский.

Шпагин ничего не ответил и перевернулся на бок лицом к стенке палатки.

- Давай, я спичку зажгу, а ты одеждой комаров бей?! А то не заснём! – предложил Гутовский.

- Давай, – кивнул я.

Гутовский принялся зажигать спички, а я – молотить свитером по углам, потолку и стенам палатки.

- Ну хватит вам, мужики! – сонно попросил Шпагин.

- Вы что там, с ума сошли?! – закричал снаружи Козлов, ударил по крыше палатки ладонью и стал нас отчитывать: – Был отбой! Вы будете сегодня спать или нет?! Ты у меня, Гутовский, допрыгаешься!

- Ладно – давай спать! – сказал мне Гутовский, и мы на всякий случай притихли.

- Сергей! А, Сергей! – шёпотом позвал я Гутовского, когда всё успокоилось.

- Чего? – откликнулся Гутовский.

- Я жрать хочу!

- Я тоже хочу.

- У тебя что-нибудь есть?

- Нету. А у тебя?

- У меня тоже нет.

После ужина прошло уже много времени, и после костра нам вновь захотелось есть.

- А в хозпалатке ещё продукты остались – там каша, тушёнка, лимонад. Наверное, Козлов, Дудник и Долгова всё между собой поделают, и нам ничего не достанется, – сообщил я Гутовскому.

- Я тоже видел консервные банки и продукты, – подтвердил Сергей: - Там ещё есть сгущёнка, горошек и печенье.

- Жрать охота! – вновь подтвердил я: - Так не пойдёт! Почему это мы должны им всё оставлять?! Государство для нашего питания всё это выделило, а не для питания учителей.

- И что ты предлагаешь?

- Пошли, экспроприруем?!

- Сопрём, что ли?! – удивился Гутовский.
- А почему бы и нет?! Возьмём по одной банке тушёнки, сгущёнки, каши, горошка и по бутылке лимонада и пачке печенья на каждого. Съедем и ляжем спать.

- А если поймают?

- Не поймают. Скоро все уснут – из пушки не разбудишь! Тогда и пойдём.

- Ладно, давай попробуем, - согласился Гутовский.

Вспомнив сцену из кинофильма, где красноармейцы поймали вора, укравшего продукты, я не выдержал и расхохотался.

- Ты чего ржёшь? – шёпотом спросил Гутовский.

- Помнишь, как в том фильме, что мы в субботу у меня дома смотрели, на бронепоезде поймали солдата, который украл тушёнку? – спросил я, давась от смеха.

- Ну! И что с того?

- А то: поймают нас, повесят на шеи консервные банки, построют общую линейку и объявят: «Они хотели обожрать своих товарищей!», – пояснил я и зашёлся от смеха.

Гутовский тоже засмеялся, но, спохватившись, зажал рот ладонью и попросил:

- Не смейся, а то Козлов или ещё кто-нибудь услышит.

Есть мне, конечно, хотелось, но стащить еду из продуктовой палатки я предложил скорее шутки ради, нежели хотел этого на самом деле, поэтому здорово удивился, когда минуты через три Гутовский толкнул меня локтем в бок и предложил:

- Ну, что, пошли?!

Я промолчал.

С одной стороны, нас действительно могли поймать, и это было стыдно, с другой же - всё ещё хотелось есть, а наутро можно было помимо всего прочего угостить добытым Березнякову и красочно описать ей нашу удачу. Тем более что продукты по сути предназначались нам, а не тому же Козлову.

- Ты спишь, что ли?! – прервал мои размышления Гутовский.

- Нет, думаю.

- Тут не думать надо, а действовать!

- Ладно, давай! – наконец, решился я, и мы, наскоро одевшись, пробрались к выходу из палатки и прислушались.

Снаружи раздавались какие-то приглушённые голоса.

- Кто-то разговаривает – может, подождём? – спросил я у Гутовского.

- Ну и что, что разговаривают?! Нам в самый раз – не будет слышно, что мы вылезли! – возразил Гутовский, и мы осторожно выскользнули из палатки.

- Пошли туда, - показал Гутовский в сторону палатки с продуктами, но почти тут же споткнулся и рухнул вниз. Под ним хрустнуло несколько сломанных веточек, и в нашу сторону сразу направились неизвестно откуда взявшиеся лучи фонариков.

- Ложись! – шепнул я уже начавшему вставать Гутовскому, и мы прижались к земле.

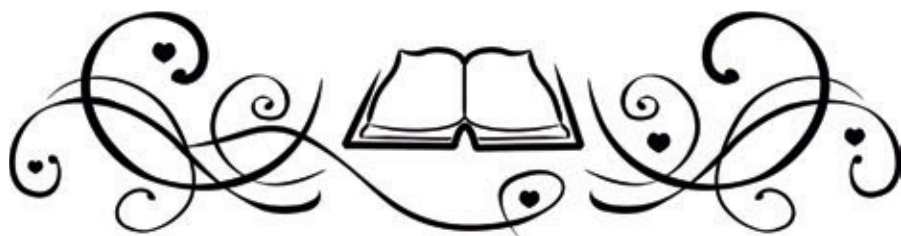
- Там кто-то лазит! – сказал один из обладателей фонариков, и люди двинулись в нашу сторону.

- Давай в палатку! – предложил Гутовский, и мы бросились назад.

Успели как раз вовремя: едва мы оказались внутри, фонарики осветили всё вокруг, и к нашей палатке подошли несколько парней из «комендантского взвода». Конечно, ничего предосудительного в том, что мы стоим возле собственной палатки ночью, не было, но нас могли запомнить и в случае пропажи еды из продовольственной палатки вычислить утром.

- Вот, блин, неплохо они работают! – прищёлкнул языком Гутовский: - Ну да ладно, немного успокоятся, опять попробуем.

Но охрана работала чётко, и обе наши последующие попытки тоже оказались неудачными. В конце концов, это нам надоело, и мы, решив оставить продуктовую палатку в покое, улеглись спать.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

НОЧНОЙ БУНТ

Я вспоминаю о том, как мы с Гutowским «играли в ручейки». Утро на лесном озере. Потерянный ключ. По мнению Глухарёва, нам с Гutowским хорошо, потому что пониже спины у нас «играет детство». Оба Машевских, я и Гutowский вновь отправляемся на озеро. Злополучный ключ так и не удаётся найти. Мы с Гutowским плывём на середину озера. Галя Иванова, по мнению Гutowского, «плавает, как конь». Машевский Сашка жертвует для костра свою стельку, но брат его останавливает. Спасаемся от комаров. Мы думаем о жизни после школы. Волшебный закат. Что воняет в комнате? Грузим солому. У меня это плохо получается. Большая куча навоза. Пялёсь-тяв-бовть! Тракторист вспоминает о службе в женском лагере и рассказывает о своих мужских приключениях. По мнению бригадира, у Машевского Сашики «руки свербят». Воняли протухшие яйца. Мы с Колёсовым пьём одеколон Мурикова. Я лезу за воланчиком от бадминтона на крышу дома. Учителя что-то празднуют. Нас выгоняют голыми на улицу. Мы совершаем «массовый побег» и с воплями носимся по ночной Пальминке.

С утра я решил съездить на велосипеде на Второе озеро. Вообще-то я обычно спал часов до одиннадцати во время каникул и выходных, потому что ложился далеко за полночь. Но вчера лёг рано, и теперь не спалось. Мама и отец ушли на работу и я, наскоро разогрев жареную картошку и

запив её так и не успевшим согреться чаем, пошёл в подвал. Ел я всегда торопливо – не потому, что спешил, спешить сейчас было некуда, а просто было как-то жаль тратить время на еду – в общем-то, совершенно пустое, хотя и необходимое занятие.

Сегодня утром у меня появилось какое-то странное ощущение уходящей жизни, удивительное грустное чувство безвозвратной потери драгоценных мгновений собственного естества. Впервые я почувствовал это в самом конце восьмого класса, когда понял, что вот-вот расстанусь с половиной своих одноклассников, которые вскоре уйдут из школы в техникумы и училища и, может быть, со многими из них мы больше никогда не увидимся. Такие мысли меня посещали нечасто, но если приходили в голову, я чувствовал себя не совсем в своей тарелке, и в такие минуты мне хотелось остаться наедине с природой.

Передняя крышка здорово проседала при проверке под моими пальцами, и перед отъездом пришлось подкачать колесо. Наконец, всё было готово, и я отправился в путь.

Я не поехал по улице Баграмяна, а решил пробираться через территорию СПТУ №174. Так было гораздо быстрее. В СПТУ было тихо, лишь возле открытых гаражей бродило несколько мастеров, поливавших из шлангов машины. С машин стекали струйки грязной воды и, соединяясь в общий поток, исчезали в канаве, заросшей высокой осокой, торчащей посреди разноцветных бензиновых пятен. Я улыбнулся, вспомнив, как неделю назад мы шли здесь вместе с Гутовским, и я ему напомнил, как мы с ним сооружали здесь в детстве весной плотину из песка и глины, но Гутовский, не разделяя моей радости, смутился и кивнул:

- В ручейки играли? Пошли! Мало ли какой дурью мы в детстве маялись!

А мне нравилось строить плотину и я, если бы не возраст, может быть, соорудил бы её и сейчас. И оттого, что мне уже никогда нельзя будет строить плотины на ручейках, мне опять стало немного грустно. «С другой стороны, - подумал я, - может, скоро я буду строить настоящие плотины на больших реках, а это тоже будет совсем неплохо».

Велосипед весело бежал вперёд, и покрывки с лёгким шорохом катились по влажному от прошедшего ночью дождя песку. Мне всегда нравился этот шорох: в нём было что-то успокаивающее и одновременно зовущее вперёд. Проехав мимо гаражей, я вскоре был уже возле закопанной в песок трубы, соединяющей канаву справа с небольшим болотцем слева, к которому с другой стороны вплотную примыкала городокская электрическая подстанция. Эта труба была своеобразной границей – после школы мы всегда шли с Гутовским вместе до моего дома на Баграмяна, а затем через СПТУ до трубы. Там, возле трубы, мы делились друг с другом нашими сокровенными тайнами, своими планами, мечтами и, конечно же, в обязательном порядке говорили о нашей первой любви, обсуждая своих избранниц, советуясь, что означают те или иные слова или жесты наших подруг. Здесь мы перемывали кости нашим учителям и строили планы на будущее. Как-то раз Гутовский даже заметил возле трубы болотную черепаху, но я так и не успел её толком разглядеть: черепаха нырнула в воду и скрылась среди густых зарослей рогоза. Болотце понемногу зарастало, и теперь уже почти не осталось чистой водяной глади.

Миновав гаражи, я выехал на Комсомольскую улицу, но не стал ехать под очень крутую гору, служившую источником множества аварий, и соскочил с велосипеда, решив преодолеть подъём пешком. С её вершины до самого дома Гутовского можно было почти не крутить педали, а в конце улицы уже виднелась районная больница, за которой проступала зубчатая тёмно-зелёная стена покрытых лесом Воробьёвых гор.

Гутовского дома не было. Мухтар, услышавший мои шаги, выбрался из будки, несколько раз лениво тявкнул в мою сторону и преспокойно улёгся спать.

- И куда он в такую рань делся? – с досадой пробормотал я, но всё же не стал ждать – может быть, Гутовского не будет до самого вечера.

А вечером мы вместе с Машевскими тоже должны были пойти на озеро.

Проехав мимо больницы, я стал съезжать вниз к самому озеру через низину, где у нас проходила практика по во-

ждению. Справа промелькнуло яркое пятно Золотых песков – пляжа, созданного за счёт привозного песка, но так и не ставшего популярным у жителей и постепенно заросшего у самого берега густой мочалкой водорослей.

Спускаться было непросто, потому что колёса вязли в песке, и я пару раз едва не вылетел из седла, но идти пешком было лень, и мне удалось-таки благополучно съехать вниз.

На деревянном мосту, ведущем на Бас-остров, уже сидели рыбаки с удочками – пара школьников и взрослый мужчина. Рыбы у них было мало, и они сосредоточенно смотрели на свои поплавки, лениво дрейфующие посреди пытающейся унести их прочь протоки.

Бас-остров был буквально залит солнцем, и я свернул на ближайший, Первый пляж, выходящий как раз на Второе озеро. На пляже не было ни единого человека и я, положив велосипед на песок поближе к воде, чтобы было хорошо заметно, если кто захотел бы его стащить, принялся сбрасывать с себя одежду. Тут до меня, наконец, дошло, что я забыл дома плавки и приехал в семейных трусах. Можно было искупаться и в трусах, но ехать домой мокрым не хотелось. После купания их можно было снять, но не класть же в карман или на багажник. Немного поразмыслив, я решил искупаться голым – благо, вокруг всё равно никого не было.

Вода с непривычки показалась очень холодной и обжигала кожу, поэтому я не решался войти в озеро сразу, но стоять так нагишом было тоже не очень уютно, и я с разбега бросился в воду. Со всех сторон меня тут же обдало холодом и даже показалось, что я сейчас замёрзну, но это продолжалось только мгновение, и вскоре по коже пробежали приятно щекочущие мурашки, и вода стала «теплеть» буквально с каждым моим рывком вперёд. Набрав полные лёгкие воздуха, я нырнул и начал подражать волнообразным движениям аквалангиста в ластах – так я научился плавать совсем недавно, и теперь было приятно осознавать, что у меня это получается всё лучше и лучше. Под водой было сумрачно. Это впечатление ещё больше усиливал ил, плотным слоем лежащий на дне. Казалось, что где-то здесь заканчивается наш мир и начинается совсем иное, подво-

дное царство, хранящее немало тайн и загадок. Плавал я хорошо, но всегда чувствовал какое-то предубеждение против чёрной воды озёрных глубин и глубоко нырял только в случае необходимости.

Вынырнув на поверхность, я тут же вдохнул воздух и оказался в сплошном потоке золотистых брызг и сверкающих солнечных зайчиков. Всё же наш мир был гораздо красивее и приятнее, и я даже посочувствовал рыбам, вынужденным всё время жить в водяной толще, хотя на день-другой я всё же не прочь был бы стать каким-нибудь окунем, чтобы изучить озёра изнутри. Впрочем, лучше щукой чтобы никто не смог съесть.

Перевернувшись на спину, я лениво перебирал руками и ногами, разглядывая висящий над головой купол неба. Из-за медленно колеблющейся воды казалось, что небесный свод слегка дрожит. Небо было чистым, лишь над самой головой медленно проплывало маленькое, почти сказочное кучевое облачко.

Я отплыл метров на сто от берега и впервые оглянулся. Нависающие прямо над озером, освещённые солнцем сосны, казалось, сошли с одной из картин Шишкина, и я зачарованно любовался их какой-то неземной красотой. Среди ветвей мелькали стайки беззаботных птиц, а вдали у противоположного берега среди сплошных зарослей жёлтых кувшинок и белых водяных лилий плавали дикие утки.

Я больше не чувствовал холода, тело ощущало удивительную свежесть и бодрость, совершенно противоположную моей обычной утренней сонливости и вялости. Плыть одному далеко было лень, и я, сделав несколько больших кругов, вернулся к берегу. Остывший за ночь воздух был прохладным, и из-за этого вода казалась более тёплой, и хотелось остаться в озере.

Где-то неподалёку слышались женские голоса, и я принялся лихорадочно натягивать на себя трусы. Но женщины прошли мимо, и одеваться можно было более спокойно. Одевшись, я сел на велосипед и отправился в обратный путь.

Заглянув к Гутовскому и убедившись, что его всё ещё нет, я поехал домой.

Стоя перед дверью собственной квартиры, я ещё и ещё раз обшаривал все свои карманы – ключа не было. Не было его и в велосипедном бардачке. Было понятно, что ключ я просто-напросто потерял, но верить в это не хотелось.

- Что случилось, Игорь? Где твой ключ? – спросила вошедшая в подъезд мама.

- Да вот не знаю... Вроде бы всё время со мной был... Может, где в карманах... - пробормотал я и вновь с виноватым видом принялся искать ключ.

- Что, посеял? Надо внимательнее быть, - вздохнула мама и, отперев дверь своим ключом, вошла в квартиру.

Я вошёл следом.

- Я, наверное, на озере потерял, когда раздевался. Но мы с ребятами сегодня вечером поедем туда купаться. Я поищу – если там, то обязательно найду.

- Где же ты его теперь найдёшь?! – со вздохом отмахнулась мама, и от этого её тихого упрёка мне стало совсем то-скливо.

Было бы лучше, если бы мама стала кричать, ругаться, но это её молчание, полное немого укора, действовало сильнее всякого крика. Я чувствовал свою вину и даже не решился попросить её оставить свой ключ мне.

- Во сколько вы в лес пойдёте? – наконец, спросила мама.

- В пять. За мной Гутовский заедет. Мы там все вместе ключ поищем, - пояснил я.

- Так тебе оставить ключ?

- Оставь, - кивнул я и виновато уставился в пол.

Мама достала свою связку ключей, сняла с неё ключ от квартиры и подала мне:

- Держи, но смотри, не потеряй, а то в хату не влезем.

- Ладно, - кивнул я.

- Давай, я тебе на шнурок его повяжу, - сказала мама и привязала длинный чёрный шнурок, продев его через круглую дырку в основании ключа.

До пяти было ещё три часа, и я после ухода мамы решил пока послушать музыку. Достав свой коричневый проигрыватель-чемоданчик «Юность», я поставил пластинку с песнями Высоцкого «Сыновья уходят в бой» (совсем недавно мы с Гутовским купили себе по одной в универмаге в

Витебске, куда специально ездили в самом начале июня). Высоцким мы, конечно, просто бредили. Но его пластинки были большой редкостью, а магнитофонов у нас не было, да и не могло быть из-за бедности родителей, поэтому до сих пор лишь иногда удавалось послушать записи Высоцкого у кого-нибудь из приятелей. Больше всего мне понравились «Утренняя гимнастика» и «Переселение душ». После Высоцкого поставил пластинку Антонова, а затем «Stars on 45» - первую иностранную большую пластинку, которую мне удалось купить. Самой последней прокрутил маленькую пластинку «Автографа» - «Ирландия. Ольстер» и «Пристегните ремни безопасности», которые нравились мне необычайно, и силу их воздействия не могло испортить даже то, что не слишком качественная корундовая игла «Юности» время от времени перескакивала с дорожки на дорожку в самый неподходящий момент.

Закончив слушать музыку, я прилёг на диван и взглянул на часы: было уже четыре. Меня начало клонить ко сну, и я, справедливо рассудив, что Гутовский меня разбудит, не стал этому особенно противиться.

Гутовский опоздал минут на сорок, и когда мы заехали за Машевскими, было уже около шести. Пока мы ожидали братьев-близнецов внизу, из подъезда вышел Глухарёв, живущий этажом выше над ними. Глухарёв учился с нами до девятого класса и после восьми ушёл в СПТУ. Мы поздоровались, и Глухарёв, взглянув на наши велосипеды, спросил:

- Что - катаетесь?

- На озеро собрались с Машевскими. Поехали с нами, - предложил я.

- На озеро? Хорошо вам, ещё детство в попе играет! А мне на практику надо в «сэп» идти, - отмахнулся Глухарёв.

- Так сегодня же суббота?! - удивился я.

- Во-во, они, козлы, практику именно в субботу и сделали! Но я только появлюсь и смоюсь. Я и так утром только час был.

- Ну как, Коля, наверное, всех там шугаешь, в «сэпе»? - спросил Гутовский, потому что Глухарёв был хулиганистым парнем и года два назад зимой, будучи ещё школьником, во дворе нашей школы в одиночку отлупил двух

эспэтэушников.

- Всякое бывает, - расплылся в улыбке Глухарёв: - А вы, значит, тут зелёные насаждения ломаете? Мы с Машевскими осеменяем территорию, осеменяем, а вы тут ездите?!

- Мы аккуратно ездим, я сам не люблю, когда деревья ломают, - возразил я.

- Да я же пошутил, Тищенко, а ты и поверил! - засмеялся Глухарёв.

- Смешно придумали: говорить «осеменяем» вместо «озеленяем». Ты придумал? - спросил Гутовский.

- А то кто же?! Этому в школе не учат, своими мозгами надо думать! - расплылся в довольной улыбке Глухарёв. - Ну, ладно, пока, увидимся ещё когда-нибудь.

- Конечно, увидимся, в одном городе живём! - кивнул Гутовский.

На пляже я, Гутовский и оба Машевских обшарили каждый квадратный метр, но ключа нигде не было. Моим товарищам вскоре наскучило это бесполезное занятие, да и на озеро мы приехали не за этим, а чтобы отдохнуть, поэтому вскоре по моей инициативе поиски прекратили: всё равно уже обошли всё вдоль и поперёк не один раз, и я смирился с тем, что ключ утерян навсегда. К тому же вполне могло быть и так, что я обронил его не здесь, на пляже, а где-нибудь по пути домой. В этом случае поиски были тем более бесполезными.

Раздевшись, мы подошли к воде. Осторожно попробовав её пальцами правой ноги, я невольно поёжился и поморщился: вода показалась мне гораздо более холодной, чем была утром.

- Ну, как водичка? - спросил подошедший сзади Гутовский.

- Как в Гренландии! - засмеялся я.

- Ну-ка, дай я попробую, - сказал Гутовский и сразу же вошёл в воду по плечо: - Ничего. Хорошая. Купаться можно! Залазьте сюда, а то вас комары сожрут!

Последнее было адресовано Машевским.

Вокруг нас и в самом деле густыми роями висели комары, которые, казалось, слетелись со всего Бас-острова в предчувствии пиршества. В воздухе стоял сплошной кома-

риный писк, почему-то странным образом сливающийся в густой низкий гул. Меня всегда удивляло, как из множества высоких звуков получается сплошной низкий. Я тут же поделился с товарищами своими мыслями, но никто из них не сказал по этому поводу ничего вразумительного. Тогда я выдвинул собственное предположение:

- Видимо, всё дело в том, что при слиянии звуковых волн путём всевозможных дифракций и интерференций получается как бы длинная ложная волна, а может даже и истинная, вот и возникает то ли иллюзия, то ли и в самом деле низкий звук. Ну, как, логично?

- Вполне. А ты, Тищенко, молодец! – похвалил Машевский Олег.

- Вы сюда купаться пришли или физикой заниматься?! Физика мне и в школе надоела! – возразил Гутовский. - Можете так и стоять весь вечер, а я поплыл.

Гутовский набрал в лёгкие воздуха и решительно нырнул вперёд, разбросав по сторонам целый веер брызг. Метра через три он вынырнул и встал на ноги – теперь вода достигала почти до его рта:

- Класс! Ну, давайте! Игорь, давай! А дно здесь, кстати, не очень, я чуть на стекло не наступил. Да и ил такой, что ноги внутрь засасывает. Всё, я поплыл.

Я входил в воду осторожно, передвигаясь небольшими шажками, постепенно привыкая к холоду. При этом мне приходилось яростно хлопать себя по телу и лицу ладонями, чтобы хоть как-то защититься от комаров.

Машевские давно меня обогнали и уже вовсю плавали вдоль берега. Гутовский отплыл уже метров на восемьдесят. Мне никогда не нравилось кого-то догонять, потому что из удовольствия плавание превращалось в работу, и, чтобы не отставать ещё больше, я, наконец, решил и тоже нырнул. Гутовский подождал, пока я его догоню, и мы вместе поплыли вперёд.

- Ну, что, поплывём к тому берегу? – предложил мне Гутовский.

- Давай, - согласился я.

До противоположного берега был почти километр, поэтому нельзя сказать, что предложение Сергея меня осо-

бенно обрадовало, но высказывать какие-либо сомнения на этот счёт я не стал, не желая, чтобы Гутовский подумал, что я испугался. Плавали мы оба здорово и, пожалуй, луч-ше всех остальных. С нами мог плавать разве что Маузеров, но его сейчас не было. Но Гутовский был гораздо крупнее и сильнее меня физически, и это всё же заметно сказывалось в конце длинных дистанций, когда я начинал отставать из-за усталости, хотя и не хотел в этом признаваться. В конце концов я обычно задыхался от напряжения и вынужден был сбрасывать скорость, но зато методично старался проплыть то же самое расстояние, что и Гутовский, пусть и медленнее, чем он. Надо сказать, что на наших одноклассников наибольшее впечатление производили как раз не скорость, а именно наша с Гутовским способность переплыть самые большие озёра, и на самом деле мою небольшую слабинку никто не замечал. А если и замечали, то, видимо, считали, что если Гутовскому и Маузерову при их росте и сам Бог велел хорошо плавать, то мои способности казались совершенно необычными, а едва заметное отставание в скорости было не только понятным, но и как бы совершенно объяснимым, немного приземляя и делая более реальными мои способности в плавании.

До противоположного берега мы всё же так и не доплыли. Было и так понятно, что мы можем доплыть, но на берегу нас ожидали оба Машевских, и с нашей стороны было не очень красиво оставлять их надолго одних.

- Ну, что, вернёмся назад? - предложил мне Гутовский.

- А на другой берег?

- Доплывём без проблем. Но потом, даже если по берегу пойдём, чтобы было быстрее - возвращение много времени займёт.

- Тогда давай вернёмся, - согласился я.

Гутовский развернулся к берегу и поплыл вперёд. Я уже немного подустал, поэтому не стал за ним гнаться, а перевернулся на спину и поплыл вслед за другом. Вода была достаточно тёплой для середины лета, но я постепенно всё же начал ощущать лёгкий холодок. На спине мне плыть вскоре надоело (так ничего не было толком видно), и я вновь перевернулся на живот. Руки стремительно рассекали воду, и

я с удовольствием почувствовал упругость и пластичность собственного тела.

Мы уже приближались к берегу. Гутовский плыл впереди метрах в тридцати, и тут откуда-то сбоку вынырнула ещё чья-то голова:

- Привет, Тищенко!купаешься?

Я тут же узнал по голосу нашу одноклассницу Галю Иванову, а чуть позже разглядел и её лицо.

-купаемся. А ты неплохо плаваешь!

- Конечно! Поплывём? – с улыбкой предложила Галя.

- Давай, - согласился я, хотя мне уже хотелось на берег, и окликнул Гутовского: - Сергей, тут Галя Иванова предлагает поплавать. Составим ей компанию?

- Давай, - откликнулся Гутовский и вернулся к нам.

Я рассчитывал, что мы немного поплаваем вдоль берега и выйдем из воды, но Галя оказалась на удивление хорошей пловчихой и здорово вымотала нас, заставив вновь прогуляться к середине озера. Самым интересным было то, что Галя как будто бы совершенно не чувствовала усталости (на обратном пути она с улыбкой легко шла на такой скорости, что у меня едва хватало сил не отставать от неё). Да и Гутовский шёл впереди на каких-нибудь пять-шесть метров. Мы, конечно же, проплыли гораздо большее расстояние и успели немного подустать, но для девчонки Галя Иванова плавала просто великолепно, и для нас обоих это стало полным откровением.

Мы уже собирались было, проводив Галю, повернуть к своему пляжу, но Гутовский неожиданно предложил:

- Давай ещё к камышам сплываем!

- Давай, - немного удивился я, но не подал виду.

Путь к камышам и последующее возвращение к нашему пляжу из удовольствия превратились в какую-то нудную повинность. Мы безвылазно намотали в воде около двух километров, и мне уже надоело плавать, да и усталость стала ощущаться ещё сильнее. Гутовский, похоже, чувствовал себя примерно так же. Едва достигнув мелководья, Гутовский встал на ноги и остаток пути проделал пешком. Я тоже устал, но, вспомнив противное, засасывающее дно и обитавших на мелководье пиявок, преодолел последние

метры вплавь. Гутовский был уже на берегу, когда я, тоже выбравшись из воды, сразу же ощутил огромную тяжесть, словно в одно мгновение потяжелел вдвое. Ноги и руки стала бить мелкая дрожь, а всё тело покрылось пупырышками гусиной кожи.

- Ну ты даёшь! У тебя же даже губы стали синими! – удивлённо воскликнул подошедший Машевский Олег.

- Вы, наверное, решили до самого моря доплыть?! – подержал его брат.

Растирая руками тело, я стал чувствовать лёгкие покалывания в мышцах:

- Ну, всё, теперь завтра ноги и руки от перекачки будут болеть. И зачем тебя, Серёжа, только в те камыши понесло?

- Ты ведь сам согласился?! – хитро улыбнулся Гутовский.

- Хочешь, скажу, чего тебя туда понесло? – предложил я другу.

- Ну?

- Хотел, небось, проверить, не выдохся ли я и смогу ли доплыть?! Да? Признавайся!

- Было немного, - слегка смутился Гутовский.

- Вы так когда-нибудь доплаваете! – предупредил Машевский Олег.

- Не бойсь – мы старые моряки! – заверил его Гутовский.

- В воде чувствуешь, сколько сил осталось. Да и отдохнуть можно. Это не море, до берега в любом случае дотянешь, - заметил я.

- Судорога схватит, вот и доплывёшь тогда... топором на дно! – возразил Сашка.

- Сколько ни плаваю, меня ещё ни разу судорога не хватала. Байки это всё – для детей и тех, кто плавать толком не умеет. Но в крайнем случае я без одной руки или ноги вполне обойдусь, а всё сразу судорога не схватит, если она и бывает, - с чувством превосходства заявил я, словно был посвящён в какие-то особенные тайны плавания.

- Ты не прав, Игорь, судороги бывают, - заспорил Гутовский.

- У тебя, например, были?! Ну?

- У меня не было, но...

- То-то и оно. Знаю, что скажешь: у брата, у свата... Вот

так байки и рождаются! – объявил я с победным видом, убедившись, что Гутовский и сам не уверен в правдивости этих историй насчёт судорог.

- Ладно. Бог с ними, с этими судорогами! Но Галя-то, Галя! А?! Как тебе?! Как конь, плавает! – восхищённо прищёлкнул языком Гутовский.

- Какая Галя? Иванова, что ли? – спросил Олег.

- Иванова. Мы с Сергеем думали, что немного с ней поплаваем и она выйдет на берег, но Галя как начала нарезать круги по озеру – мы чуть успевали за ней! Вот так Галя – кто бы мог подумать?! – пояснил я.

- Галя – девушка молодая. На ней пахать можно! – засмеялся Гутовский и спросил у Машевских: - А вы почему в одежде сидите?

Да мы чуть не околели, вас дожидаясь! Да и комары жрут немилосердно! - возмутился Сашка.

- А костёр почему не зажгли? – спросил Гутовский.

- Мы дрова собрали, но спичек нет – так и не нашли, - пояснил Олег и повернулся к брату: - Куда ты только их сунул?

- Эх вы, без меня совсем бы пропали! – засмеялся Гутовский и тут же, резко хлопнув себя по плечу, ойкнул: - Блин! Комары жрут! Где тут ваш костёр?

Достав откуда-то из складок своей одежды спички, Гутовский принялся колдовать над костром. Вокруг него, ежеминутно подавая советы, крутился Сашка.

Меня тоже атаковали комары, и я отступил в озеро. Там было хоть и холодно, зато не доставали маленькие вампиры. Постепенно я вошёл в воду по грудь. Илистое дно понемногу всасывало ноги, и время от времени я переминался с ноги на ногу, чтобы не погрузиться в ил слишком глубоко (опасности в этом большой не было, но ноги потом приходилось тщательно отмывать от грязи).

Взглянув на меня, Машевский Олег сбросил с себя штаны и, оставшись в одних плавках и рубашке, вошёл по пояс в воду, последовав моему примеру. Так мы и стояли в воде неподалёку от берега, дожидаясь, пока Сергей и Сашка разожгут костёр.

Но костёр упорно не хотел загораться, и я уже начал

было смеяться над Гутовским, но тот предложил мне разжечь самому:

- Ишь ты, какой умный! А ты сам иди, попробуй, всё мокрое! А то залезли в озеро, как жабы и сидите.

- Ладно, мы идём! – крикнул Машевский Олег и вышел из воды.

Я ещё немного постоял, но затем тоже выбрался на берег. Не столько из желания чем-то помочь, сколько от того, что замёрз. Оказалось, что спички отсырели и теперь не хотели загораться, выдавая при чирканьи вместо пламени бледно-зелёный дым.

- Вроде бы есть парочка более-менее сухих спичек – может, и зажжём. Но надо чем-то распалить костёр. Есть бумага или целлофановые мешки? – спросил Гутовский.

Но бумаги ни у кого не было. Не было её и вокруг, хотя, когда не надо, бумажного мусора здесь обычно бывало предостаточно.

Машевский Сашка задумчиво снял с ноги свой кед, вытащил из него резиновую стельку и протянул Гутовскому:

- Серёжа, зажигай!

- Нэ могу: Саид спички обоссал! – пошутил я, вспомнив анекдот про фильм «Белое солнце пустыни».

Гутовский зажжёт спичку, и Сашка тут же поднёс к пламени свою стельку от кеда. Нижняя кромка стельки занялась пламенем, и Гутовский, взяв её из рук Машевского, наклонил набок, чтобы дать лучше разгореться.

- Откуда стелька? – подозрительно спросил Машевский Олег, не видевший, как Сашка доставал её из кеда.

Сашка сделал вид, что не услышал вопроса, и поспешно взял стельку у Гутовского из рук.

- Откуда стелька? – повторил свой вопрос Машевский Олег и ещё более подозрительно посмотрел на брата.

Так и не дождавшись ответа, Машевский Олег быстро взял кед Сашки и, наконец, сообразив, в чём дело, выхватил стельку из рук у брата и погасил её о землю:

- Ты что, совсем дурак или прикидываешься?!

- Чего ты орёшь?! Ну, сжёт бы стельку – что с того? – разозлился Сашка.

- Зачем ты погасил – может, теперь не разожжём?! – воз-

мутился Гутовский.

- А тебе, Серёжа, понравилось бы, если бы твоими стельками костёр разжигали? Правильно, она не твоя, вот ты и такой умный! – разошёлся Машевский и повернулся к своему брату: - Мама что, должна каждую неделю тебе обувь покупать?! Нет ума – считай, калека!

- Да ладно, успокойся ты, я же пошутил, сейчас всё на место вставлю, - махнул рукой Сашка и вложил чуть почерневшую по краям стельку обратно в кед.

- Пошутил?! Чуть не спалил, дурак!

- Сейчас я какой-нибудь мешок целлофановый в кустах поищу, - сказал я, чтобы как-то примирить братьев.

Мне повезло: в ближайшем малиннике удалось-таки отыскать два старых целлофановых мешка, и я притащил их к костру. Оставалось всего три спички, и из них лишь одна более-менее сухая.

- Давай я попробую! – попросил я у Гутовского.

- Спокойно, я сам! – отмахнулся Гутовский.

Наконец, вспыхнул долгожданный огонёк и, пробежав по шипящим и капающим мешкам, принялся за маленькие сосновые прутики, и мы, проорав дружное «ура!», принялись стаскивать со всех сторон хворост.

Вскоре прямо среди пляжа весело и уверенно гудел костёр, разбрасывающий вокруг целые снопы искр. Специально для того, чтобы было побольше дыма, мы набросали в огонь целые охапки травы и, сгрудившись вокруг костра, наконец-то почувствовали себя комфортно: комары в мгновение ока отпрянули в стороны, а наши тела ощутили долгожданное тепло.

- Ты куда, Серёжа, после школы думаешь идти? – спросил у Гутовского Машевский Сашка.

- Пока точно не знаю... Может, в Минск поеду, в политехнический, - пожал плечами Гутовский.

- В военное больше не тянет? – поинтересовался Олег.

- Нет, хватит с меня и суворовского! – поначалу уверенно ответил Гутовский, но затем неожиданно засомневался: - Хотя... Посмотрим...

- А Сашка ещё про военное думает - суворовское вспоминает. Но я думаю, что через год у него эта дурь выйдет из

головы, и мы вместе в Минск поедем, в технологический.

- А по какой специальности? – поинтересовался я.

- Лесное хозяйство. Как батька и старший брат. А ты куда? В пед пойдёшь витебский?

- В пед, - кивнул я: - Поступлю наверняка, да и от дома недалеко. Кроме того, химия и биология мне всегда нравились. И в школе учителем я, в общем-то, не против поработать.

- Представляете, разбросает нас скоро жизнь по разным местам и, может быть, мы больше никогда после школы и не увидимся?! – сказал Машевский Сашка и протянул руку в сторону озера: - Смотрите, какой сегодня красивый закат!

- Увидимся. Почему не увидимся? – удивился Гutowский. - Даже если мы и разъедемся, то будем ведь на каникулы к родителям приезжать, а когда станем работать – в отпуск. Да и родители наши, скорее всего, здесь останутся, так что будем встречаться!

Закат и в самом деле был великолепным. Верхушки сосен окрасились багрянцем, и в этой густой пурпурной бахrome было нечто особенное, совершенно не похожее на утреннюю, стыдливую розовую вуаль. Если утром солнце словно пробуждалось ото сна и делало по небосклону свои первые осторожные шаги, то сейчас, вечером, перед нами было последнее торжество угасающего дня. Краски были густыми и на редкость пронзительными, и казалось, что в кровавом зареве прощального заката рождается симфония жизни и смерти, и планета, повернувшись на несколько часов к бездонным, ледяным пространствам космоса, ощутив минутный ужас холодного дыхания небытия, вновь возвратится к своему светилу, пробуждаясь от ночной летаргии к новому дню. Впрочем, я даже не мог сказать наверняка: мои это ощущения, или ощущения самой Земли, пронизывающие моё сознание.

Впереди нас ожидала совершенно особенная, новая жизнь, и мы уже чувствовали её дыхание, доносящееся до нас из будущего сквозь последнее лето нашего детства. И поэтому сейчас, не желая нарушать внутреннюю и внешнюю гармонию и красоту, мы тихо сидели возле костра и смотрели на ровную гладь озера и медленно темнеющее,

усеянное первыми яркими звёздами небо...

До конца ЛТО оставалось всего две недели. Мы только что приехали из Городка рейсовым автобусом в Пальминку и, войдя в нашу комнату, были неприятно поражены омерзительной вонью, которой, как казалось, были пропитаны даже стены.

- Может, местные за выходные, пока нас не было, влезли и нагадили где-нибудь? – предположил Маузеров.

Это было вполне возможно, и мы принялись изучать каждый метр пола, но так ничего и не обнаружили.

- Нет, это не дерьмо, – задумчиво сказал Гутовский, и все рассмеялись, настолько неестественно серьёзно он произнёс эту фразу.

- А что же тогда? – удивился Маузеров.

- Может, чьи носки воняют...

- Носки так не воняют, разве что если целый год их не стирать, – возразил я.

- Чего гадать? Надо просто проветрить, и всё?! – заявил Машевский Олег и принялся распахивать настежь оба открывающихся окна.

Минут через пять в комнате заметно посвежело и хотя бы уже можно было дышать, не зажимая нос руками и не чувствуя приступов тошноты, но окончательно вонь не исчезла, однако искать её источник ещё раз просто не было времени, и мы решили сделать это после работы.

Сегодня нам предстояло грузить на машину солому, а девчонок увезли на другое поле пропалывать свеклу. Мы были этому только рады, потому что свекла успела всем опротиветь.

На ферме нам выдали вилы под роспись Козаку, который сменил в ЛТО Медведева, и мы, словно какие-нибудь восставшие крестьяне из учебника истории, погрузились с вилами в кузов. Посмотрев на наши манипуляции, Козак счёл за лучшее отобрать у нас вилы и сложить их в кучу в углу кузова. Никто особенно не возражал, но с другой стороны, никто и не собирался фехтовать ими или тыкать зубьями друг другу в глаза, так что Козак явно перестрахо-

вался. Вилы дребезжали на ямах и рытвинах, и так и норовили ткнуть кого-нибудь в ногу, так что постепенно стало ясно, что лучше их всё же раздать, и Козак под наши смешки опять рассовал их каждому в руки.

Наконец, приехали в какую-то маленькую деревушку, и там нас пересадили в большущий кузов грузового автомобиля ЗИЛ-131, только-только начавшего сходить с конвейера. Эта машина понравилась мне с первого взгляда: она внешне напоминала свою предшественницу и вместе с тем была зримо мощнее, а огромный, едва ли не в два раза больше обычного кузов, придавал ЗИЛ-131 особый шик, приближавший машину к МАЗам и КАМАЗам. Появление этого грузовика совпало с нашим взрослением, и было приятно, что жизнь не стоит на месте и экономика идёт вперёд, укрепляя уверенность в том, что с каждым годом мы будем жить всё лучше и лучше.

Лето находилось в своём зените. Установилась сухая, солнечная, но не слишком жаркая погода. По небу ползли маленькие обрывки облаков. Порой они проносились так низко, что мне казалось, будь вилы длиннее, я мог бы поднять их вверх и достать до некоторых идущих слишком близко к земле облаков. Хотя, конечно, так мне только казалось, потому что в сухую и солнечную погоду облака никогда не идут близко к земле. По обе стороны машины мелькали поля, время от времени чередующиеся с зарослями кустарника, небольшими ольховыми и берёзовыми рожицами и заросшими травой пастбищами. Вдали показалось длинное поле, на котором лежала солома, упакованная в большие цилиндрические валки. По полю ездил трактор с прицепом и сновали какие-то люди.

Нас привезли как раз на это поле. Оказалось, что мы приехали сменить рабочих совхоза для того, чтобы грузить валки соломы в кузов. Рабочие занимались этим с самого утра и поэтому с удовольствием уступили нам свои места.

- Ну, что, начнём, мальцы?! – спросил тракторист, высунувшийся из окна кабины «Беларуса», покрытого слоем густой пыли, из-под которой едва просвечивалась голубая краска.

- Начнём! – кивнул Гутовский и, с разгона вогнав вилы в

соломенный валок, попытался поднять его вверх.

Но валок весил килограммов под восемьдесят, и Гутовский даже не смог оторвать его от земли.

- Это тебе, Гутовский, не в волейбол играть, тут думать надо! – засмеялся Козак.

- Вы, мальцы, па тры чалавеки бярыте на вилы и разам кидайте. Па аднаму не палучыцца! – объяснил тракторист.

К валку с другой стороны подошёл Маузеров, и они вдвоём с Гутовским подняли солому на вилы и забросили в кузов.

- Во, они и вдвоём вполне справятся, без третьего! – весело сказал Машевский Сашка.

Но Козак рассудил иначе и всё равно разделил всех на тройки: к Гутовскому поставил Жалейко и Колёсова, к Маузерову – Мурикова и Сивчука, а меня – к обоим Машевским. Едва Муриков, Сивчук и Маузеров подняли свой валок вверх, Маузеров отпустил вилы, дёрнул в сторону Сивчука и Муриков, не удержав равновесия, грохнулся на упавшую на землю солому.

- Что-то ты, Муркеш, не проявляешь старания! – засмеялся Маузеров.

- Это ещё что такое? А ну перестаньте баловаться! Так и несчастный случай может произойти! Почему ты, Маузеров, не помог Мурикову?! – крикнул Козак.

- Я хотел, а Муркеш говорит: «Я – сам!». Так активно взялся за работу, что я даже испугался, вот и отошёл в сторону, – пояснил Маузеров и поднял Мурикова за шиворот на ноги: - Что же ты, Муркеш, ноги не тренируешь?! Надо тебя тренировать. Слышишь, что сказали: тут несчастные случаи бывают! Чувствуешь, и с тобой может случиться?!

Муриков возмущённо пробурчал себе под нос что-то нечленораздельное и, обиженно отряхнувшись, отошёл в сторону.

- Ты куда, Муркеш?! А солому кто таскать будет, а?! – крикнул Маузеров, и Муриков был вынужден вернуться назад.

Постепенно все начали подключаться к работе, и вскоре на дурачества уже не оставалось ни времени, ни сил.

Мы с Машевскими пошли на противоположную сторону

и, добредя до ближайшего валка, остановились, поджидая трактор. Трактор остановился как раз рядом с валком и мы, дружно вонзив в солому вилы, подняли его вверх и не без труда, но всё же перетащили его через борт в кузов. Я ожидал этого с некоторым напряжением, опасаясь, что солома будет для меня неподъёмной, но всё оказалось не таким уж и страшным, и первый блин не вышел комом. Конечно, Машевские предпочли бы работать на погрузке валков вместе с Маузеровым или Гутовским, но, во-первых, меня назначил к ним Козак, а во-вторых, мне в таком случае тоже не повезло.

Дно кузова прицепа вскоре заполнили валки, и Гутовскому, Колёсову и Жалейко пришлось лезть наверх, чтобы укладывать очередные валки поверх предыдущих, куда мы уже не могли дотянуться снизу.

Вскоре у нас от пота промокли спины и начали дрожать руки от напряжения и усталости, поэтому отъезд трактора с прицепом на разгрузку был как нельзя более кстати и позволил нам немного отдохнуть.

Минут через десять приехал второй трактор, такой же пыльный и грязный, но с более старым, обшарпанным прицепом. Пришлось возобновить работу. Впереди поле поднималось вверх, и «Беларус», натужно пыхтя и фыркающая выхлопной трубой, начал карабкаться по склону, накренившись в нашу сторону. Мне казалось, что ещё немного, и прицеп опрокинется на нас, увлекая за собой и трактор. Я даже на всякий случай отошёл подальше и поделился своими опасениями с Машевским Сашкой. Сашка внимательно посмотрел на прицеп и покачал головой с видом знатока:

- Нет, не опрокинется: крен небольшой. Хотя приглядывать, конечно, надо, а то задавит, как каких-нибудь клопов.

Грузить валки под углом было ещё труднее, и я устал гораздо быстрее, чем мы наполнили кузов. Гутовскому, Колёсову и Жалейко вновь пришлось залезть наверх.

Наконец, тракторист высунулся из машины и, оглянувшись назад, махнул рукой и крикнул:

- Усё, досыть!

Мы с удовольствием побросали вилы и пошли на край поля к стоявшей неподалёку деревянной вышке. Сюда же

пришёл и Козак, не столько работавший, сколько бродивший от одной нашей группы к другой, «осуществляя общее руководство».

Расположившись вокруг вышки, мы попадали в траву. Я даже закрыл глаза, молча слушая окружающие звуки. Наши молчали, и тишину нарушали лишь шелест листвы, стрекотание кузнечиков и гул ветра в расположенных неподалёку проводах высоковольтной линии. При закрытых глазах появлялось совсем новое, особенное чувство: с одной стороны я оставался всё ещё здесь, на этом поле, с другой же – наполовину погрузился в совершенно иной, особый мир, отделённый от нашего некими невидимыми границами, наполненный теплотой и мысленными потоками, осознанными и мимолётными, пугающими и вызывающими восторг, мир грёз, представлений о будущем и воспоминаний о прошлом. Этот мир где-то там, в далёких своих глубинах соприкасался с миром сновидений, а ещё дальше угадывалось небытие. Но такой путь к небытию казался гораздо дальше пути из нашей реальности.

Из полудремотного состояния меня выдернул недовольный возглас Маузерова:

- Чёрт, опять дерьмом воняет!

- Это не дерьмо, это навоз, - пояснил я, принявшись к неприятным запахам, доносящимся к нам по ветру.

Мы тут же принялись исследовать окрестности, и вскоре Гутовский, взобравшийся на вышку, показал рукой в сторону кустов, росших в метрах тридцати от нас:

- Там большая лужа навоза.

Пробравшись сквозь кусты, мы и в самом деле оказались перед большой лужей навозной жижи. Маузеров поднял с земли большой камень и с силой швырнул его в середину лужи. Камень с громким хлопаньем шлёпнулся в самом центре, разбросав во все стороны навозные хлопья и брызги.

- Пялесь – тья – бовть! – сымитировал Маузеров, и все засмеялись, потому что вышло очень похоже.

Не сговариваясь, мы принялись поднимать с земли камни и швырять их в навоз, стараясь поднять как можно больше брызг. Это и в самом деле было очень интересно, потому

что со стороны напоминало настоящие, только маленькие взрывы бомб или артиллерийских снарядов. К тому же мы все с восторгом вопили: «Пялесь-тяв-бовть!», и это было очень весело и здорово. Особенно смешно было, когда кто-то неудачно пустил большой камень и он, шлёпнувшись совсем рядом, забрызгал Колёсову лицо навозом. Колёсов выругался и, вытершись, отошёл от лужи. Я на всякий случай тоже сделал несколько шагов назад.

Всё испортил появившийся из-за кустов Козак:

- Вам что, совсем делать нечего?! Неужели вы в таком возрасте не нашли другой забавы, кроме как кидать камни в лужу с дерьмом?! К тому же этот навоз потом будут вносить в почву, а вы набросали туда камней – техника может поломаться.

В общем-то, насчёт техники и камней и я, и остальные были согласны: об этом мы как-то не подумали. Да и камни бросать нам тоже надоело, поэтому особенно спорить мы не стали и вернулись к вышке.

Мы с Гутовским, как обычно, хотели взобраться наверх, но Козак неожиданно почему-то разорался, и нам пришлось слезть вниз, не достигнув и середины, чтобы не раздражать его ещё больше. Я вообще заметил, что Козак, если его выводили из себя, долго не мог успокоиться, и это, несомненно, было его слабостью. Заменить Медведева в полной мере ему пока не удавалось.

Согнав нас с вышки, Козак отправился выяснять, когда нас повезут назад в Пальминку, а к нам подошёл тракторист, который до сих пор почему-то никуда не уехал.

- Ну, што, мальцы, як дела? – поинтересовался тракторист и сел рядом с нами у вышки.

- Помаленьку, - откликнулся первым Маузеров.

- Завидуя я вам, мальцы мне б ваши гады! – прищёлкнул языком тракторист.

- Почему? Молодость вспоминаете? – спросил я.

- Как б только па адной моладасти – было б повбяды. Сам я ящэ ничога, Только канец старый! – пояснил тракторист и хитро мне подмигнул.

Все засмеялись.

- Смешна вам! – деланно проворчал тракторист, но было

понятно, что он доволен произведённым эффектом. – Я вам так скажу: я па моладасці столькі девак перапартив!

- А сейчас что же? – улыбнулся Машевский Олег.

- Счас старый став, канец хужэй работает и жонка всё время стерагеть! – засмеялся тракторист. – А у моладасці я ахранникам у жэнским лагеры служыв. Там бабы-зэчки сами на шэю вешались.

- И что, разрешали это? – удивился я.

- Счас – разрэшуть! Вядеш кали куды-нибудь, кали летам – завёв у кусты и адтягивай, сколько хочаш!

- Так ведь она могла автомат схватить и пристрелить вас! – заметил Гутовский.

- Так ёй не да таго было. Ну и я ж тольки с той шов, якая саглашалась. За столькі месяцав службы паняв, што и як. Летам, канешне, лягчэй было – зимой больш тяжка, но и зимой выхад нахадили...

Весь этот рассказ был, конечно, интересным, но в душе всё больше нарастало чувство гадливости и омерзения и к тем женщинам, о которых рассказывал бывший охранник, и к нему самому, словно весь он был измаран и пропитан той грязью, о которой сейчас рассказывал. То же чувствовали и наши остальные, и тракторист, сам того не желая, добился прямо противоположного: вместо всеобщего восхищения и зависти он вызвал к себе лишь чувство неприязни и желание как можно скорее с ним расстаться. Тем более что пока тракторист ещё говорил, наш интерес к нему подогревался простым юношеским любопытством, но когда он замолчал, я был даже рад, что пришёл Козак и позвал нас на противоположный край поля, где нас поджидал уже хорошо знакомый нам ЗИЛ-131.

Возле машины стоял трактор с большим, неизвестно для чего предназначенным агрегатом с большущими плоскими зубьями. Зубья измельчали брошенную нами солому, когда кто-нибудь вертел расположенную сбоку металлическую ручку. Это опытным путём установил Машевский Сашка, который принялся вертеть все ручки подряд, едва только увидел агрегат.

Откуда-то из-за агрегата выскочил разъярённый однорукий бригадир и, толкнув единственной рукой Машевского,

принялся орать так, словно его хотели лишить жизни:

- Што – руки свербять?! Руки свербять, я спрашиваю?!

Машевский тут же отпустил ручку и растерянно отошёл в сторону.

- Руки свербять?! Руки свербять?! – не унимался бригадир, продолжая наступать на Машевского.

- В чём дело? – спросил подошедший Козак.

- Руки у твоих хлопцев свербять, да?! Зачем же дёргать ручки, если мозгов нет?! А потом техника ломается! – переключился бригадир на нашего учителя. – Руки свербять?! Так ты для этого и поставлен – вот и следи за порядком, а не ходи, руки в карманы, по полю!

- А ну, марш отсюда! – прикрикнул Козак на Машевского и, повернувшись к бригадиру, часто-часто замигал глазами и, наконец, выдавил что-то маловразумительное, что, должно быть, было извинением.

- Если руки свербять, надо их поотрезать! – зло сказал бригадир.

- Наверное, ему отрезали, потому что свербели! – вполголоса сказал Машевский Олег, и мы дружно рассмеялись.

- А ну, прекратите смех! – потребовал Козак. – Или и в самом деле руки чешутся?!

- Свербять! – поправил Машевский Олег, и вновь воцарилось веселье.

Козак заморгал ещё быстрее и перешёл на крик:

- А ну, прекратите балаган!

Убедившись, что дело принимает неприятный оборот, мы перестали смеяться, и во время обратной дороги лишь изредка обменивались улыбками, не желая окончательно портить отношения с Козаком. Вместе с тем нас уже начало раздражать полное отсутствие юмора у Козака и его постоянные нервозность и стремление криком компенсировать отсутствие того авторитета, который был у Медведева. И внутри каждого из нас постепенно зрело недовольство. И даже не столько лично против Козака, сколько против всей системы отношений в ЛТО, сложившейся за последнюю неделю, которая была основана на криках и недоверии. Конечно, мы тоже были не подарок, но и не настолько неуправляемые или опасные, когда по-человечески

разговаривать просто нельзя.

После обеда, вернувшись в комнату, мы застали там всё ту же вонь, и это было настолько нестерпимо, что мы вновь принялись переворачивать всё вверх дном, пытаясь отыскать источник мерзкого запаха.

- Да что же это такое?! – не выдержал Маузеров и раздражённо стукнул кулаком по подушке. – Может, кто обделался или давно не мылся?

- Так бы не воняло, - деланно серьёзно возразил я, но, не удержавшись, рассмеялся.

- Нашёл! Фу, ну и дерьмо! – радостно воскликнул Машевский Сашка, догадавшийся, наконец, заглянуть на платяной шкаф, стоящий рядом с печкой.

- Что там? – с неподдельным интересом спросил Гутовский.

- Тут три яйца протухли, - сообщил Машевский.

- Так выкини их! – попросил Маузеров.

- Сам выкини, они так воняют, что даже стоять рядом невозможно! – возразил Машевский Сашка и демонстративно зажал нос рукой. – В них, наверное, уже черви завелись.

- Хорошо, что черви: на рыбалку ходить будем, - пошутил я.

- Выброси их в окно, всё равно ведь ты там стоишь! Да не бойся ты, они всё равно в скорлупе – не вымажешься! – продолжал уговаривать Сашку Маузеров.

- Ладно, - согласился Машевский и крикнул: - Тищенко, открывай форточку, несу выкидывать!

- Она и так открыта, - сообщил я.

Машевский взял двумя пальцами первое яйцо и осторожно понёс его к окну с таким видом, словно держал в руках маленькую атомную бомбу. Следом за ним, взял пальцами второе, двинулся Маузеров.

- Держите аккуратнее, а то упадёт и разобьётся – представляете, сколько тогда вони будет?! – предупредил я.

Но всё закончилось хорошо, и Машевский с Маузеровым благополучно выбросили протухшие яйца во двор. Там они разбились об утоптанную землю и теперь валялись посреди дороги.

- Надо было куда-нибудь подальше отнести, - сказал я, но теперь предпринимать что-либо было уже поздно, и мы были рады уже тому, что избавились от этих яиц, хотя запах долгое время не выветривался, и лишь через час воздух в комнате стал более-менее сносным.

- Пошли куда-нибудь сходим, пока тут не проветрится, - предложил Гутовский.

- Пошли. На пруд, - согласился я.

Проходя мимо комнаты, где жили наши остальные мальчишки, мы зашли узнать, как дела у них. Но в комнате был лишь один Муриков, почему-то нюхавший одеколон.

- Что, Муркеш, одеколон нюхаешь и балдеешь? - со смехом спросил Маузеров.

- Нет, - смутился Муриков. - Я просто так понюхал - узнать, какой запах.

- А зачем тебе одеколон? - не унимался Маузеров.

- Как и всем, - растерялся Муриков, - Чтобы был хороший запах.

- В туалет и баню надо чаще ходить, Муркеш! - засмеялся Маузеров, довольный тем, что смутил Мурикова и похлопал его по плечу: - Ладно, я пошутил.

- Покажи, что за одеколон? - попросил я.

- «Тройной», - пояснил Муриков.

- Хороший, даже пить можно! - засмеялся Колёсов.

- Слушай, Саша, а может, выпьем по чуть-чуть? - предложил я. - Муриков даст - он не жадный.

- Давай, - улыбнулся Колёсов.

Муриков отодвинул флакон в сторону.

- Ну, что, по чуть-чуть? - спросил я и, взяв флакон в руку, отвернул пробку и поднёс бутылку ко рту.

- Ты что, и в самом деле пить собрался? - удивлённо спросил Гутовский.

- А почему бы и нет?! - вопросом на вопрос ответил я. - По чуть-чуть для настроения.

- Кончай дурью маяться! - сказал Гутовский и попробовал отобрать у меня флакон.

Но я не дал и, опрокинув открытую бутылочку, осторожно вылил в рот немного одеколону.

Все тут же удивлённо и вместе с тем с любопытством при-

нялись дожидаться, чем всё это закончится, и не спускали с меня глаз.

На вкус одеколон был просто омерзительным. У меня свело челюсти, и я, сидя с перекошенной гримасой, плотно сжал губы, опасаясь, что сейчас не выдержу и выплуну всё на пол.

- Выплуну, дурачок! – Гутовский мне посоветовал именно так и сделать.

- И-хо! – промычал я, что означало «Тихо!», и отрицательно покачал из стороны в сторону указательным пальцем правой руки.

Собравшись с духом, я сделал глоток, и мне тут же показалось, что вся эта гадость пропитала меня насквозь.

- Фу! Бр-р-р! – с отвращением пробормотал я и едва удержался от того, чтобы не плюнуть прямо на пол.

- Ну, как, понравилось? – с улыбкой спросил Гутовский.

- Я ничего не ответил и протянул флакон Колёсову.

Колёсов так же молча взял, некоторое время смотрел на одеколон, затем с серьёзным видом опрокинул бутылку и сделал маленький глоток. Его лицо тут же исказила гримаса, а характерное давящееся бульканье в горле выдало всем присутствующим, что его только что едва не стошнило.

- Тебе тоже понравилось? – обратился Гутовский к Колёсову.

У Колёсова на глазах выступили слёзы, и он, покраснев, словно рак, перевёл дыхание и, наконец, обрёл дар речи:

- Ничего. Вначале неприятно, но пить можно.

- Ладно, повыпендривались и хватит. Пошли на озеро! Бери, Муриков, свой одеколон, а то они сейчас всё выпьют, - попытожил Гутовский и, взяв флакон из рук Колёсова, вернул его Мурикову.

- Бери, а то я сейчас тоже приложусь! – засмеялся Маузеров.

- Так на, бери, - растерялся Муриков.

- Я пошутил, убери, - пояснил Маузеров.

- Как хочешь, - пожал плечами Муриков и спрятал одеколон в свою тумбочку.

Мы уже выходили со двора, когда я заметил сидящую на скамейке Ольгу. У неё в руках были две ракетки для бад-

минтона и пушистый пластмассовый волан.

- Пошли с нами на пруд! – предложил я. - Я думал, что ты уже там.

- Я и собиралась, но очень захотелось поиграть в бадминтон, - улыбнулась Березнякова.

- А ракетки у Степаненко взяла?

- У неё.

- А сама она где?

- Купается в пруду.

- Так ты одна? Можно, я с тобой поиграю? – попросил я, обрадовавшись очередной возможности поиграть с Березняковой вдвоём.

- Мы же на озеро собирались! – удивился моему решению Гутовский.

- Да ладно, пусть играет, чего ты к человеку пристал?! Не видишь, он занят?! – вместо меня ответил Сашка Машевский.

- Ну, ладно. Если надоест, приходите купаться на пруд, - улыбнулся Гутовский, и ребята один за другим покинули интернатовский двор.

Подходящей площадки для игры в бадминтон не было, но мы кое-как приспособились играть между интернатом и расположенным во дворе частным домом, а точнее, забором этого дома. Дул довольно сильный ветерок, который, время от времени, раз за разом сдувал волан к дому, норovia забросить его через забор. Мне даже пару раз довелось проявить незаурядную ловкость и вытащить совсем безнадежные подачи, хотя при этом я однажды здорово ударился о забор. Ольга даже испуганно подбежала ко мне, но я тут же вскочил на ноги и сделал вид, что мне почти не больно, хотя это и было непросто. Мы почти не разговаривали, лишь иногда подшучивали друг над другом. Разговор отвлекал, да и просто хотелось поиграть и посмотреть на грациозно прыгающую Ольгу, не нарушая эту идиллию излишней болтовней. Березнякова играла не очень хорошо, но я по возможности старался не обременять её сложными ударами, хотя порой они всё же у меня получались, потому что приходилось доставать её далеко не самые точные подачи.

- Игорь, тебе не жалко, что наш лагерь скоро закрывается? – спросила у меня Березнякова.

- Конечно, жаль. Но всё когда-нибудь заканчивается. Осталась последняя неделя. Но ведь каникулы толком ещё и не начинались. Так что и кое-что впереди нас ещё ждёт, - ответил я.

Отвлёкшись, Ольга послала волан слишком низко, и он взмыл свечой вверх от моей, подставленной в последний момент ракетки. Сделал я это, конечно, зря: было бы лучше, если бы волан зарылся в землю, потому что порывом ветра его забросило за забор.

Хозяев, похоже, не было дома, но всё равно было неудобно лезть в чужой двор, и я не без некоторого внутреннего напряжения перелез забор, перебросил Ольге волан и вернулся назад.

- Тищенко, что ты там забыл?! – долетел до меня недовольный окрик Крысы.

Обернувшись на голос, я увидел, что она смотрит на меня сквозь окно и кричит в раскрытую форточку.

- Светлана Ивановна, Тищенко просто волан доставал, который ветром снесло. Он там ничего не трогал! – крикнула вместо меня в ответ Березнякова.

- Всё равно – нечего там шастать! Потом жильцы будут жаловаться, - предупредила Немченко.

Мы отошли чуть дальше, но вскоре произошло то же самое, однако на этот раз волан после удара Березняковой забросило на крышу веранды всё того же дома.

- Ой, как же мы теперь его достанем?! – испугалась Ольга.

- Спокойно, что-нибудь придумаем, - заверил я и, оглянувшись, увидел, что Немченко всё ещё стоит у окна и наблюдает за нами.

- Вот уставилась! Делать ей, Крысе, больше нечего, что ли?! – разозлился я.

Взобравшись на забор, я, балансируя руками и медленно продвигаясь вперёд, добрался до веранды и, поставив ногу на выступающую раму окна, влез на крышу. Шифер подозрительно хрустывал под ногами, но мне удалось всё же дотянуться до волана и сбросить его вниз Березняковой.

- Тищенко, немедленно слезь с крыши! Что это такое?!

- раздался возмущённый крик классной, которая, увидев мои акробатические трюки, вышла на улицу.

- Уже слез! - крикнул я и спрыгнул в траву.

Классная, видимо, хотела меня отчитать, но её отвлекла появившаяся во дворе интерната Казимирская, и она лишь предупредила нас, чтобы мы играли в бадминтон где-нибудь в другом месте.

Вечером сразу же после отбоя все учителя почему-то собрались в комнате, где жили Казимирская и Немченко. То ли у них было какое совещание, то ли какой праздник, но в любом случае, мы не слишком жалели об отсутствии Козака и коротали время, рассказывая друг другу анекдоты, разные веселые истории, и при этом громко смеялись.

Несколько раз нас приходила успокаивать учительница немецкого Цаплак. Почему именно она, нам было непонятно, и особых успехов в нашем «успокоении» «немка» не достигла.

- Чего она дёргается, а остальные - непонятно где?! - удивился Гутовский.

- Сейчас узнаем, - пообещал Машевский Сашка.

- Что ты собираешься делать? - насторожился Машевский Олег.

Сашка ничего не ответил и осторожно выскользнул в коридор. Вслед за ним из дверей высунулся Гутовский.

Через несколько секунд они с шумом влетели обратно и попрятались под одеялами на своих кроватях. Следом за ними заскочила Немченко. Она была какой-то возбуждённой и непохожей сама на себя:

- Прекратите хождение! Или вы не понимаете нормального языка?! Кто из вас только что был в коридоре? Признавайтесь!

Но мы все дружно сделали вид, что спим, и Немченко, немного постояв, проворчала что-то себе под нос и вышла в коридор.

Едва она закрыла за собой дверь, мы тут же разразились дружным хохотом.

- Тихо вы, дураки, она же услышит! - предостерег Машевский Олег.

Мы успокоились, но ненадолго.

- Видели, какая Крыса была? – спросил Машевский Сашка.

- Какая? – откликнулся я.

- Пьяная!

- Ну да, не может быть?! – мне как-то не верилось, что наши учителя станут пить прямо при нас.

- А я говорю – пьяная! У неё даже язык заплетается! Они поэтому и собрались все вместе, что решили праздник отметить: наверное, у кого-то день рождения, – продолжал уверять Машевский Сашка.

- Может, она просто... злая была? Она ещё днём ко мне цеплялась, – предположил я, вспомнив про бадминтон.

- Да ну, Игорь! Квасят они там! Но им тоже праздник отметить надо. Козак, так, наверное, уже и ходить не может – только глазами моргает! – перебил меня Маузеров.

Комнату вновь заполнил смех, и из коридора донеслось резкое хлопанье двери и чьи-то быстрые шаги.

- Целой бандой идут! Всё – спим! – крикнул Машевский Сашка.

Дверь в нашу комнату распахнулась, щёлкнул выключатель, и на пороге появились Цаплак, Казимирская и Немченко. В комнате было тихо: мы организованно и добросовестно «спали».

- Спите, да?! Ну, я вам сейчас посплю! – истерично закричала Цаплак и, выхватив из-за спины внушительную деревянную швабру, подскочила к кровати Гутовского.

Гутовский уже, видимо, был начеку, поэтому едва Цаплак замахнулась шваброй, Сергей молниеносно поджал ноги, и швабра обрушилась на пустое одеяло.

- Ай! – деланно крикнул Гутовский и открыл глаза.

- Не спится? А ну, подъём! Закричала Цаплак и подскочила к моей кровати.

Я поджал ноги по примеру Гутовского заранее, поэтому мне тоже не попало. Но я, конечно, не упустил возможности изобразить боль и недоумение разбуженного посреди ночи человека и возмущённо крикнул:

- В чём дело? Что случилось?

- Вставайте! И все на улицу! – потребовала Казимирская.

- В трусах, что ли? – буркнул Гутовский.

- Вот именно – в трусах! – крикнул, наконец, появившийся Козак.

Цаплак со шваброй прошлась по всем кроватям и везде повторилась одна и та же история: наши успевали поджать ноги, а затем изображали искреннее возмущение и недоумение. Но Жалейко и в самом деле спал сном праведника, и, когда Цаплак подошла к его кровати и потребовала, чтобы он встал, Жалейко даже не шелохнулся. Решив, что над ней просто издеваются, Цаплак стукнула шваброй Жалейко по ногам.

- А?! – вопросительно вскрикнул ошарашенный Жалейко и сел в кровати, дико озираясь по сторонам и пытаясь понять, что вокруг происходит.

Это было настолько комичным, что мы, даже сочувствуя товарищу, не смогли удержаться и вновь стали покатываться со смеху.

- Вставай! – взвизгнула Цаплак и прошлась по Жалейко ещё пару раз шваброй, пока он, наконец, не сообразил, что надо хотя бы встать.

- Что вы его бьёте?! – возмутился я.

- Что это за методы, а?! – поддержал меня Гутовский.

Постепенно начали роптать и все остальные.

- Ты не прикидывайся, что спал! – продолжала кричать на Жалейко Цаплак, но, столкнувшись с нашим всеобщим осуждением, наконец, оставила его в покое.

- Вы, наверное, не хотите спать? – спросила Казимирская.

- А что, мы обязаны?! – начал пререкаться Гутовский.

- Андрей Петрович, проведите, пожалуйста, с ребятами разминку, раз им не спится, – попросила Казимирская Козака.

- Обувайтесь и выходите на улицу! – скомандовал Козак.

- Прямо в трусах и майках? – уточнил я.

- Да! – зло крикнул Козак.

Мы, конечно, могли его и не послушать, но всё происходящее было даже интересным, и мы с шутками и смехом весело и шумно вывалились на улицу.

- Равняйся! Смирно! – построил нас Козак и повёл на школьный стадион, расположенный метрах в ста от дверей

интерната.

Конечно, эта ходьба в одних трусах и майках посреди ночи была чистым идиотизмом, но нам было даже весело. К тому же на улице было всё равно темно.

Козак время от времени подавал команды, а мы вслух посмеивались над его унтер-офицерскими замашками.

- Одно слово – десантник! – с вызовом сказал Машевский Олег, и все засмеялись.

Разозлившись, Козак заставил нас отжиматься. Подошли успевшие одеться Казимирская и Немченко. Отжались мы ровно столько, сколько это было необременительно, больше соревнуясь друг с другом, нежели обращая внимание на Козака.

- Раз-два! – считал Козак, видимо, полностью уверенный в том, что «выбивает из нас дурь».

Кто устал, останавливались и, не обращая внимания на команды Козака, поднимались и вполголоса переговаривались, подсмеиваясь над его утер-офицерством.

- А теперь – ходьба на полусогнутых ногах! Маузеров первый! За ним пошёл Гутовский! Тищенко! – командовал Козак, называя фамилии именно в том порядке, в каком мы расположились сами.

Когда Козак дождался, что мы почти встали на ноги, он тут же подал новую команду:

- Бегом марш!

Нам только того и надо было. Решение уже витало в воздухе, и я просто его озвучил:

- Давайте убежим от Козака?! Вот номер будет: мы в одних трусах бегаем по Пальминке ночью с воплями и гамом!

- Давай! – в один голос охотно согласились Маузеров и Гутовский и передали дальше по цепочке это предложение остальным.

Предложение было встречено с восторгом, и все ожидали нашего сигнала. Козак ничего не подозревал и с довольной, и вместе с тем нервной ухмылкой продолжал нас поучать:

- Вот так дурь выколачивается! В армии с вами церемониться не будут! Ничего-ничего, вам полезно побегать!

Мы выбежали со школьного двора на ту дорогу, которая вела в поле, где мы как-то гуляли с Березняковой. Теперь

было самое время, но я медлил, стараясь выбрать подходящий момент наверняка. Гутовский понял всё по-своему и скомандовал, опередив меня:

- Вперёд!

Тут же по этому, заранее согласованному сигналу мы ринулись вперёд.

- Улю-лю-лю! – закричал я.

- А-а-а-а! – истошно заорал Маузеров.

- У-р-ра-а! – завопил Гутовский.

- Гав! Гав! Гав! – залаял Машевский Сашка.

Каждый вопил и кричал на свой манер, и по ночной Пальминке понеслась жуткая и дерзкая какофония. В домах стали зажигать свет, и наши вопли тут же были поддержаны многоголосым лаем потревоженных собак. Козак, не ожидавший от нас подвоха и растерявшийся от того, какой шум мы смогли поднять, поначалу опешил и остановился, но затем бросился за нами, растерянно призывая:

- Ребята, куда вы? Всё – идём спать! Вернитесь сейчас же!

- Так бы сразу, а то заладил своё «раз-два»! – крикнул я на бегу Гутовскому, и все засмеялись.

Голос Козака и в самом деле утратил свои командные нотки, и теперь было ясно, что наш учитель растерян и не знает, как вести себя дальше.

Кричать мы скоро перестали: во-первых, надоело, а во-вторых, будить людей тоже было неловко. Мы были вполне довольны уже одним тем, что наш протест был услышан не только нашими учителями, но и местными жителями, и на-завтра, конечно, пересудов будет не избежать. Хотя и нас, видимо, утром ожидает непростой разговор.

Но бежать мы продолжали, и Козак как ни пытался нас нагнать, но всё же отстал. Тем более что за деревней мы специально разбежались в разные стороны и спрятались в придорожных кустах – просто присели под ними среди колосьев на самом краю начинающегося ржаного поля.

Вокруг установилась полная тишина, словно мы просто растворились в воздухе. Прибежал Козак и, отдышавшись, удивлённо начал прислушиваться, но, так ничего и не услышав, пошёл вперёд по дороге, матерясь вполголоса себе под нос. Мы буквально умирали со смеху и едва сдержи-

вались, потому что впервые услышали, как ругается Козак.

Переполненные эмоциями, мы со смехом стали обсуждать случившееся, едва учитель скрылся во тьме.

Козак, видимо, услышал наш разговор и вернулся.

- Что, надоело бегать?! Вы что, специально здесь спрятались?! – раздражённо спросил подошедший Козак.

Мы молчали.

- Давайте быстрее возвращайтесь в лагерь, хватит с ума сходить! – зло потребовал Козак и вылез через кусты на дорожку.

Назад мы шли не с Козаком, а сами по себе. По дороге к нам присоединились остальные. Козак понуро брёл сзади, больше не делая никаких попыток командовать. Всем было ясно, что победа оказалась за нами, и Козак боялся только одного: как бы мы не выкинули ещё чего-нибудь неординарного.

Возле входных дверей интерната нас ожидали Казимирская, Немченко и Цаплак.

- Стоят! Почти как торжественный оркестр, - хмыкнул Гутовский.

- Им полезно: пьянка из головы быстрее выскочит! – зло откликнулся Машевский Сашка.

Мне всё ещё казалось невероятным, что учителя решились вышить в ЛТО, пусть даже и в честь праздника, и в душе я почувствовал к ним отвращение, словно на моих глазах педагоги совершили какую-нибудь гадость.

- Что, явились?! – спросила Казимирская.

- Спать захотелось! – с вызовом пояснил Гутовский.

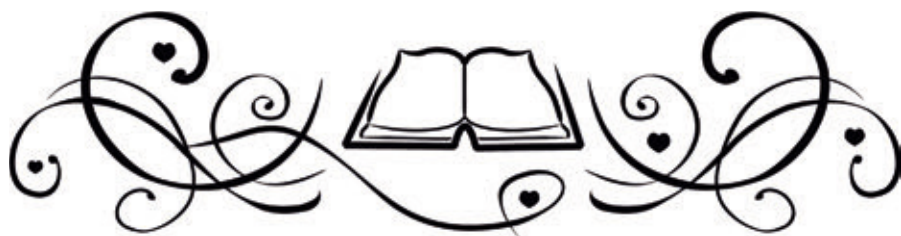
- Немедленно спать, завтра поговорим! – потребовала Немченко.

- Сейчас, надо перед сном в туалет сходить! – отрезал Гутовский. – А спать вы нам сами не дали!

Мы нарочно неспеша сходили в туалет и только потом отправились спать. Когда мы проходили мимо учителей, они пронзали нас ледяными взглядами, и я почувствовал, что завтра и в самом деле будет жарко.

Мы ещё долго не могли уснуть, обсуждая перипетии сегодняшней ночи. В общем-то мы были рады своей победе, и если и испытывали поначалу некоторые угрызения совести

по поводу своей дерзости, то после выходов Цаплак и Козака считали свои действия справедливыми и оправданными.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПРОЩАЙ, ЛТО!

Общее собрание. По мнению классной, мы тайно по ночам бегаем к девочкам. Гутовскому припоминают бунт из-за червей и грозятся выгнать из лагеря. Понемногу достаётся всем. Девчонки выступают в нашу защиту. Нас по очереди допрашивают учителя. Мы получаем «последнее предупреждение». Я чиню радио в комнате девятиклассниц, а они со мной пошло заигрывают. Идём купаться. Козак заставляет нас вернуться к берегу, посчитав, что мы можем утонуть. Мы изучаем плотину. Я прохожу туннель. Видения катастроф. Родители Машевских привезли магнитофон и бобины. Машевский Сашка записывает песни под руководством городокского меломана Карагаева. Олег недоволен работой брата. Готовимся к КВН. Колёсову хочется попробовать себя в качестве йога. Жалейко обсуждает с Николаевым музыкальные стили. Закрытие лагеря. «Клизма» - команда лучших из мастеров! Нам противостоит «Рванный кед». Второй поединок Маузерова и Свиньи. Мы вчистую переиграли пальминских. Гутовскому дают грамоту, а мне... детскую машинку. Вместе с пальминскими уходим на речку. Пьяный Глист пытается устроить драку, но Свинья его быстро успокаивает. Ночные поцелуи. Собираем вещи. Я от нечего делать ломаю стену интерната. Игра в карты. Прощай, ЛТО!

Мои представления о том, что грядущий день будет жарким, полностью оправдались. После работы и обеда нас

сразу же предупредили, чтобы мы никуда не расходились: речь должна была идти о нашем поведении.

Для начала провели собрание в нашей комнате. Мы все расселись в дальнем конце, а Немченко, Казимирская и Козак сели на мою кровать. Но там им, видимо, показалось слишком тесно, и Козак поднялся и пересел на кровать Жалейко.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Наконец, её нарушила Немченко:

- Поскольку здесь, за исключением Андрея Маузерова, мой класс, я начну. Ребята, вы все знаете что, формируя наш лагерь труда и отдыха, наш ЛТО, мы надеялись, что вы уже достаточно взрослые и серьёзные люди, способные контролировать своё поведение и понимать, где и как надо себя вести. И это, конечно, я имею в виду – право выехать в ЛТО, вы заслужили своим поведением в школе.

- Как бы не так, надо ведь кому-то работать! Можно подумать, что в школе у нас не было проблем – Немченко и дня не могла прожить без того, чтобы не наорать на нас, - шепнул я Гутовскому.

- Тищенко, посиди спокойно хоть сейчас! – потребовала Немченко.

Я хотел огрызнуться, но затем ограничился нейтральным объяснением:

- Я – по теме собрания.

- Всё равно помолчи и послушай. Потом мы дадим возможность высказаться каждому. В том числе и тебе, Тищенко. Я думаю, что тебя мы непременно послушаем! Продолжим. С чего вы начали ваше пребывание здесь? Начнём с той ночи, когда вы выставили раму со стеклом и вылезли ночью на улицу. Что вы там делали, я не знаю. Видимо, хотели тайно проникнуть к девочкам. Мне сказали, что в комнату девятиклассниц той ночью приходили Тищенко и Машевский Саша.

- Точно – Тищенко, наверное, ходил к Наташе Демидовой, которая ядра толкает! – засмеялся Гутовский.

Демидова была раза в два тяжелее и на голову выше меня, занималась толканием ядра, и поэтому засмеялись уже все, когда Немченко вдруг с серьёзным видом переспросила:

- К кому? - и тут же добавила: - Вы прекратите этот смех! Я знаю, что Тищенко ходил не к Демидовой, а к Березняковой, а Машевский - к Степаненко. Просто комнаты перепутали, наверное.

- Если бы хотели, по коридру бы прошли. Да и ночью нам ходить не было смысла: мы и днём видимся, - возразил Машевский Сашка.

- Перестаньте, мне обо всём сказали сами девочки!

- Какие девочки?

- Это неважно, они вас узнали! - отрезала Немченко.

- Они не могли нас узнать, потому что нас там просто не было! - возмутился я, не понимая, то ли Крыса просто нас обманывает, пытаясь показать, что всё знает, то ли нас действительно кто-то оклеветал или же перепутал в темноте.

- Вы вообще, Тищенко, Маузеров, Машевский Александр и Гутовский что-то слишком ранние. Вам надо больше об учёбе думать, раз уж в институты собрались, а не о девочках! - безапелляционно заметила Немченко.

После этих слов в комнате сразу же установилась какая-то гнетущая атмосфера судилища, и это было противно и неприятно. Козак тоже чувствовал себя не совсем в своей тарелке: то ли продолжал переживать за то, что вчера не смог с нами совладать, то ли его просто тяготило всё это собрание, затеянное женщинами-учителями. Нас почти не слушали и старались припомнить все наши грехи. Особенно почему-то несколько раз возвращались к той ночи, когда мы вылезли через окно на улицу.

- Что вы всё время кричите?! Вы нас тоже послушайте! - потребовал Машевский Сашка.

- Хорошо, говори, мы слушаем, - неожиданно согласилась Немченко.

- Мы хотели в туалет, а дверь была заперта. Вот и пришлось выставить раму. Потом мы вылезли на улицу и влезли обратно, - Машевский Сашка пояснил, как всё было на самом деле, и я уже думал, что это как-то снимет напряжение, потому что и Немченко, и Казимирская, видимо, поверили, но разговор вдруг принял совершенно неожиданный оборот.

- Так вы что - территорию загаживали?! - всплеснула ру-

ками Казимирская.

- Никакую территорию мы не загаживали, - обиделся я.

- Как же не загаживали? Машевский только что обо всё рассказал, - возразила Немченко.

- Думайте, что хотите! – разозлился я. – Мы вылезли из окна, сходили в туалет и вернулись. И ничего нигде не загаживали.

- Хорошо, с этим всё ясно. А фокусы, которые Гутовский выкидывал в столовой?! Ему, видите ли, показалось, что в рисовой крупе черви, - сменила тему Крыса.

- Ничего себе показалось! В тот день червями и кормили. На броненосце «Потёмкин» за такое за борт выбрасывали! – возмутился Сергей.

- Прекрати сравнивать светлый подвиг героев революции со своим безобразным, выходящим за рамки всяких мыслимых приличий поступком! – потребовала Крыса. – Тогда это была борьба с самодержавием...

- А это тоже борьба, нечего нас червями кормить! – упрямо возразил Гутовский.

- Да, я вижу, что просто слов ты уже не понимаешь. Не случайно произошла драка с Грамотным. Не случайно затем произошла и та большая драка, когда нам пришлось всё объяснять и упрощать милицию. Я думаю, Сергей, что такое поведение несовместимо с твоим дальнейшим пребыванием в ЛТО!

- Как это? – растерялся Гутовский.

- А вот так! Хватит нам уже с тобой нянчиться! Вечером соберёшь вещи и поедешь домой! А уж о соответствующей характеристике при получении аттестата ты можешь не беспокоиться – ты её получишь. И я думаю, что в любом институте десять раз подумают, прежде чем зачислять такого студента! – победно закончила классная.

В комнате повисла гнетущая тишина. Я не мог себе даже представить, что мы можем остаться без Гутовского. И тем не менее, угроза была вполне реальной. Расстроенный Сергей медленно посмотрел нам всем по очереди в глаза, словно ожидал поддержки, затем как-то сразу неожиданно сник и опустил взгляд вниз.

- Почему это он должен уезжать?! Он ни в чём не вино-

ват! С драками – это всё Грамотный. А с червями Сергей тоже был, по сути, прав... Если его исключат, я сам вместе с ним из ЛТО уеду! – принялся защищать я друга.

- И я тоже с ними уеду! – поддержал меня Машевский Сашка.

- Ты, Тищенко, потому так Гутовского защищаешь, что и сам от него недалеко ушёл. На далее как вчера залез в чужой двор. А если бы что пропало, на нас подумали бы. И вчера же вы с Колёсовым пили одеколон. Если вы в таком возрасте одеколон пьёте, то что с вами дальше будет?! Так что пока тебя никто не исключает, хотя, может быть, тоже следовало бы – не надо себя так вызывающе вести. Солидарность с Гутовским надо было раньше проявлять, когда следовало бы предостеречь его от глупостей, а не нарушать дисциплину вместе. А твоему поведению, Саша, я вообще удивлена и возмущена! Как ты вчера мог бросить такие обвинения учителю в лицо?! Это просто уму непостижимо!

- Чего тут непостижимого, когда это правда?! – упрямо пожал плечами Машевский.

- Разве это правда?! А ведь у тебя, Саша, мама – учительница. Я не думаю, что тебе было бы приятно, если бы такие обвинения ученики бросили в её адрес.

- Наша мама тут ни при чём! А ты, Сашка, тоже слишком не выступай – потом только неприятности будут! – предостерёг брата Машевский Олег.

- Да ладно! – отмахнулся Сашка и, повернувшись к Немченко, ещё раз подтвердил: - Если Гутовского отчислят из лагеря, я тоже уеду – так и знайте!

- И я уеду! – подал голос Колёсов.

- И я! – поддержал Жалейко.

- Я тоже один в комнате оставаться не буду, – подал голос Маузеров.

- Ты же из другого класса, Андрей! – вмешалась Казимирская.

- При чём тут класс?! Класс к этому не имеет никакого отношения! – возразил Маузеров.

- Да, Андрей, я думаю, что и тебе надо сделать определённые выводы, – сухо ответила Казимирская. – И эти твои бесконечные придирки к Мурикову! Бросание камней в

местных жителей! Драки! Попытку поломать совхозную технику вместе с Машевским Александром! Целый букет, Андрей, получается!

- Технику я один ломал! – вмешался Машевский Сашка.

- Молодец! – всплеснула руками Немченко. - И ты так спокойно об этом говоришь?!

- Я не ломал! Я в том смысле, что ручку один в агрегате крутил, - смутился Сашка.

- Вот видишь, признался и тут же испугался и – в кусты.

- Не ломал он ничего! – подтвердил Олег.

Досталось и Колёсову за распитие одеколона вместе со мной. К тому же ему припомнили и питье пива из бочки возле городской столовой на переменах.

К Жалейко придраться, в общем-то, было не за что, но и тут классная не удержалась, чтобы не сказать ему гадость:

- Хорошо, конечно, Игорь, что к тебе нет особых претензий, но это и понятно – учёбой ты не блещешь. Значит тем более необходимо поддерживать среди товарищей дисциплину.

- Всё, делаем Жалейко «немецким старостой». Если кто что сделает, отвечать ему! – предложил Гутковский, и мы засмеялись.

- Вам, по-моему, сейчас не до шуток должно быть, тем более до таких, в которых затрагивается тема войны! Хорошо. Общий разговор закончен! – ледяным тоном прервала наш смех Немченко.

- Теперь мы будем вызывать вас по одному и уже после этого решим, кто останется в ЛТО, а кто уже сегодня уедет домой, - объявила Казимирская.

- По одному нельзя: учителя все вместе припрут к стенке, а потом ещё придумают, что мы при этом разговоре их «оскорбляли»! – предупредил Машевский Сашка, и мы дружно загудели, требуя, чтобы на эту беседу мы приходили хотя бы по двое.

Учителя поначалу упирались, но затем Казимирская всё же уступила нашему дружному напору:

- Хорошо. Раз уж вы так боитесь отвечать за свои поступки поодиночке, будете заходить по двое. Если вы думаете, что это хоть как-то повлияет на наше решение, вы очень

сильно ошибаетесь!

После этих слов Казимирская поднялась с моей кровати и вышла из комнаты.

- Вот так-то! – подал голос Козак и, разведя руками в стороны (как бы показывая, что он ничего не может сделать), поднялся с кровати и вышел вслед за Казимирской.

Последней выходила Немченко. В дверях она на мгновение задержалась и, обернувшись, пояснила:

- Заходить будете в нашу комнату.

Немного помедлив, она добавила:

- Мне за вас очень стыдно. Неудивительно, что Маузеров, оказавшись в одной комнате с вами, тоже теперь имеет проблемы с поведением. А вот Витя Сивчук, напротив, ведёт себя достойно. И, слава Богу, что он живёт не в вашей комнате! Хоть за одного человека из класса мне не стыдно!

- Вот Муркеш, падла – всё заложил! Прибыю гада! – зло крикнул Маузеров, едва Немченко вышла за двери.

- Это, может, ещё и не он, - возразил Гутовский: - Давно тебе говорил: не трогай ты его! Прямо другого развлечения у вас нет?!

- Можно? – с улыбкой спросила Марьяна Солдатенко, распахнув входную дверь.

- Входи, - кивнул Машевский Сашка.

Вслед за Марьяной вошли Березнякова и Сазонова. Девчонки, видимо, только и дожидались, когда уйдут учителя, чтобы разузнать, что у нас произошло.

Мы ещё не успели отойти от переполюнявших нас эмоций и, перебивая друг друга, принялись рассказывать об уже прошедшем и ещё только предстоящем судилищах.

- А я тебе ещё всё время у нас в классе, Андрей, говорила: не трогайте вы Мурикова! – назидательно заметила Маузерову Степаненко.

- Маузеров и Колёсов, вы первые. Прошу! – Козак широко распахнул двери и сделал приглашающий жест.

- Подождите, Андрей Петрович, вначале мы сходим, - неожиданно сказала Степаненко и, повернувшись к Березняковой, предложила: - Мы тоже должны свою позицию сказать.

- Конечно, - согласилась Березнякова.

- А ты как, Рита? – спросила Марьяна у Сазоновой.

- Я с вами полностью согласна. Я даже думаю, что если Гутовского, Тищенко или Машевского Сашку выгонят из лагеря, мы тоже должны будем уехать! – решительно сказала Рита.

В ней было столько внутренней правоты и убеждённости, что мы все с изумлением посмотрели на нашу хохотушку Риту и залюбовались её смелостью и искренностью.

- Во-первых, собираются выгонять только Гутовского..., - растерялся Козак.

- Никого не выгонят! Иначе половина лагеря уедет! Пойдём, девчонки! – Марьяна быстро поднялась с тумбочки и подошла к двери, которую загоразивал Козак.

Следом за ней подошли Березнякова и Сазонова. Сзади них, переминаясь с ноги на ногу, с довольно глупым видом стояли Маузеров и Колёсов, которые не знали, что им делать.

- Вы нас пропустите, Андрей Петрович? – с улыбкой спросила у Козака Степаненко.

- Приглашали не вас, а Маузерова и Колёсова.

- Я думаю, что мы договоримся. Андрей Петрович, вам же и самому это не нравится?! – продолжала уговаривать Марьяна, а затем и вовсе взяла Козака за руку и, оторвав её от дверного косяка, с улыбкой сказала: - Ну, не станете же вы нас, девочек, силой удерживать?!

Козак не стал сопротивляться и, быстро-быстро замигав глазами, растерянно отступил вглубь коридора.

- А вы куда? Подождите нас здесь, - сказала Березнякова Маузерову и Колёсову, и они вновь уселись на свои кровати.

Что происходило в комнате учителей, нам не было слышно, но разговор, похоже, был горячим, потому что до наших ушей попеременно доносились обрывки фраз на повышенных тонах то наших девчонок, то Казимирской и Немченко. Наконец, их всё же впустили, и стало тихо.

Через полчаса они вернулись к нам в комнату с победным видом.

- Всё в порядке, никого не выгонят! Только ты, Сергей, я тебя очень прошу, не огрызайся! Вы скажете, что будете ве-

сти себя нормально, и всё. Мне кажется, что Казимирская и Немченко уже и сами не рады, что заварили всю эту кашу, - сообщила Марьяна.

У всех троих горели глаза, а на щеках алел румянец. По всему было видно, что разговор оказался непростым, но все вместе мы всё же победили.

- Не буду я извиняться! Ещё чего! - вспыхнул Гутовский.

- Никто тебя и не просит извиняться! Нас, между прочим, чуть из-за вас тоже не выгнали. И оскорбляли. А ты теперь хочешь всё испортить, да?! - возмутилась Березнякова.

- Ладно, если извиняться не надо, я готов идти, - согласился Гутовский.

- Только смотри, сдержись, если они на тебя нападать начнут. Обязательно сдержись, Серёжа! - попросила Сазонова.

- Ладно, - неохотно кивнул Гутовский.

- И вас, Тищенко и Машевский Сашка, это касается! - предупредила Рита.

Первыми вызвали Маузерова и Колёсова. Пробыли они там всего минут пять. Маузеров пообещал больше не цепляться к Мурикову и не пить пиво, а с Колёсова взяли обязательство не пить одеколон. Всё это «обвиняемые» охотно пообещали, и их тут же отпустили.

Ещё быстрее отделались Машевский Олег и Жалейко: к ним вообще не было серьёзных претензий.

Меня, Машевского Сашку и Гутовского вызвали последними. Припомнили все наши «грехи», и мне даже пришлось несколько раз незаметно дёрнуть Сергея за рукав, чтобы он не вспылит и не закончил всё скандалом. В итоге от нас всё же отстали, объявив, что мы «получили последние предупреждения», а Гутовскому ещё и добавили, что снизят его оценку по поведению за четверть. Кроме того, пришлось выслушать упрёки в том, что мы ничего не делали, «как мужчины», по ремонту бытовой техники, и Гутовский с Машевский Сашкой пообещали настроить телевизионную антенну, а я - починить розетку радиоточки в комнате для девочек.

- Всё же это наша победа, ребята! И достигли мы её только благодаря взаимной поддержке и помощи девчонок! -

радостно сказал я, едва мы вышли в коридор.

Известие о том, что мы и тем более Гutowский остаёмся, вызвало целую бурю восторга, и нашу комнату огласило громкое «ура!». Козак, сидевший в углу на своей кровати, улыбнулся, но так ничего и не сказал. Хотя и так было ясно, что и он рад, что всё закончилось хорошо, и не держит на нас зла за прошедшую ночь. Мы в свою очередь тоже вполне были довольны итогами, но решили впредь вести себя более осмотрительно, хотя, собственно, ЛТО и так уже подходил к концу.

Чтобы долго не тянуть с выполнением обещаний, Гutowский и Машевский Сашка сразу же отправились настраивать телевизионную антенну. Я поначалу тоже принял в этом самое активное участие: кричал снизу Гutowскому, куда её надо вертеть, но затем, вспомнив, что после обеда мы собирались идти на пруд, отправился чинить радиорозетку в комнату девочек-девятиклассниц.

Дверь оказалась незапертой, и я осторожно, чтобы невзначай не застать кого-нибудь раздетой, вошёл внутрь.

- Входи. Чего ты так боишься, не съедим?! – весело сказала высокая светловолосая девочка.

Та самая, с которой любил танцевать Гutowский.

Остальные засмеялись.

В комнате было ещё четверо девочек, и я, как ни странно, не знал больше никого из них. Не то чтобы я не знал никого в лицо – мы ежедневно виделись и в ЛТО, и в школе – но вот имён и фамилий я действительно не знал.

- Я не боюсь – вдруг, кто из вас раздетая?! Сами потом крик подымете! – пояснил я.

- А может быть, мы только обрадуемся, если будем раздетые?! – продолжала заигрывать со мной девочка Гutowского.

- Ну так разденьтесь! Я радио пришёл чинить, – смутился я.

- А-а?! А я, глупенькая, обрадовалась, что он ко мне пришёл! – обратилась девочка к своим подругам, и они вновь прыснули со смеху.

- У нас есть к кому ходить. Ладно, Тищенко, не смущайся, проходи. Вон розетка, – примирительно сказала соседка

кокетки.

У меня с собой был только перочинный ножик, но этого оказалось вполне достаточно. Винтики, крепящие розетку к стене, отвернулись на удивление легко. Внутри оказался оборванным один из проводков.

Комната девчонок была точной, только зеркальной копией нашей. Моё присутствие, видимо, не давало им покоя. Чтобы как-то обратить на себя моё внимание, они принялись обсуждать наших парней. Поначалу я не обращал на это никакого внимания, тем более, что мне было не до того: проводок всё время срывался с болтика и мне никак не удавалось присоединить его к клемме. Конечно, можно было сделать его длиннее, но одним ножом срезать изоляцию, не повредив сам проводок, было непросто, и я решил обойтись тем кончиком, который остался. Наконец, мне удалось закрепить его на клемме, но тут, услышав, что обсуждают девятиклассницы, я чуть не упал со стула.

- Самый большой – у Маузерова. У Мурикова – самый маленький, – со смехом сказала высокая девчонка Наташка, которая приставала ко мне в самом начале.

- И самый длинный у Маузерова тоже, а у Мурикова – самый короткий. Ха-ха-ха! – засмеялась одна из её подружек.

До меня, наконец, дошло, что они обсуждают наше мужское достоинство. Поначалу я даже не поверил своим ушам, но потом, после ещё нескольких подобных реплик я понял, что всё же не ошибся. Это было чересчур. К тому же я был ростом едва ли не ниже, чем Муриков, и эти реплики, возможно, произносились специально для меня.

- Ну вы даёте, девчонки! Нашли, о чём говорить, – покачал я головой.

- А что, нельзя, что ли?! Можно подумать, что вы нас не обсуждаете?! – с вызовом сказала Наташа. – Вчера, например, на весь коридор обсуждали, у кого груди больше и кто более пластичен или ноги может шире раздвинуть.

Я смутился, потому что это было правдой, но тут же нашёл контраргументы:

- Во-первых, мы не на весь коридор кричали. Вы, наверное, подслушивали... Или мимо шли...

- Не затыкать же нам уши!

- А во-вторых, мы всё это обсуждали не при вас, а сами. К тому же для ребят такие разговоры вполне обычны.

- А мы что, хуже?! – весело вскинула брови Наташа.

- Девчонкам некрасиво об этом говорить. Нашли тоже, о чём говорить – у кого больше и длиннее! Видели вы, что ли?! К тому же я здесь сижу... Неужели вам совсем не стыдно?! – удивился я и обвёл всех взглядом.

Некоторые девочки опустили глаза вниз, но остальные смотрели с вызовом и насмешкой.

- Нет никакого соответствия между ростом и размером половых органов, - растерянно заметил я.

- А мы ни в чём тебя и не обвиняем! – засмеялась Наташа.

Увидев, что я совсем растерялся, девчонка, которая поддерживала меня вначале, вновь пришла ко мне на помощь:

- Не слушай ты их! Зато в следующий раз будешь знать, что от нас живым не выйдешь. А ты, Наташка, перестань! И в самом деле, хватит на эту тему!

- А может, я, Танька, хочу, чтобы Тищенко на меня внимание обратил.

- Он уже обратил, - усмехнулась Таня.

- Обратил? – спросила у меня высокая Наташа.

- Да уж! А ты как думаешь?! – засмеялся я.

- Вот так – долго будешь помнить!

Как-то незаметно наша беседа перешла в более спокойное русло, и, прикрепив розетку на место, я ещё с полчаса сидел в комнате, рассказывая о перипетиях наших сегодняшних препирательств с начальством.

- Ну, чего ты тут торчишь, мы на пруд уже собрались?! – удивлённо спросил заглянувший в комнату Гутовский и подмигнул Наташе.

- Антенну сделали?

- Сделали, - недовольно махнул рукой Сергей, - Это телек еле показывает, а не антенна. Но чуть лучше сделали – смотреть можно.

Телевизор у нас и в самом деле был старенький – чёрно-белый школьный «Горизонт», давно выработавший свой ресурс. Но хорошо, что был хоть такой: иногда можно было скоротать время, посмотрев интересный фильм. Хотя нам, в общем-то, было не до телевизора: дни были заполнены

работой и общением. Мы были молоды, счастливы и больше заняты своими реальными проблемами дружбы, любви, уважения сверстников, и по сравнению со всеми этими чувствами, переживаемыми многими из нас впервые, мир голубого экрана тускнел и казался каким-то далёким и нереальным.

- Ему у нас понравилось! – с улыбкой сказала Наташа.

- Да? – улыбнулся Гутовский. – Так и мне, может быть, тоже понравится?

- Может быть.

- Пошли с нами на пруд, девчонки?! – предложил Гутовский.

Я думал, что они пойдут. Впрочем, Наташа, видимо, хотела пойти, но никто из её подруг не захотел составить ей компанию, и она в итоге осталась в интернате.

На пруд мы отправились всей нашей комнатой, захватив с собой Степаненко, Березнякову и Сазонову.

День выдался жарким, и хотя и было уже ближе к вечеру, и воздух, и вода были на редкость тёплыми.

Расположившись возле круто уходящих в воду плит, которыми был выложен весь берег, мы разделись и, немного посидев, дружно полезли купаться. Входить в воду по уложенным под углом в сорок пять градусов плитам было, конечно, неудобно. Особенно страдали девчонки, и нам даже пришлось помочь им спуститься вниз, что мы с удовольствием и сделали.

Березнякова почти не умела плавать, поэтому я сначала бродил рядом с ней по пояс в воде вдоль береговых плит, но затем всё же отправился плавать на середину пруда, где меня уже поджидали Гутовский и Маузеров. Тем более, что все остальные наши плавали немногим лучше Березняковой и в общем-то жались к берегу, а вскоре и вовсе вскарабкались по плитам на берег и принялись загорать. Березнякова не обижалась, когда я оставлял её на берегу и отправлялся плавать вместе с Маузеровым и Гутовским. Ей, наоборот, даже льстило, что я хорошо плаваю, а не сижу, как Машевский Сашка, рядом с Марьяной на берегу.

Почти сразу же вслед за нами на пруд пришёл Козак. Он разделся возле наших и сразу же залез в воду.

- Дурак, Козак, разве можно сразу после перегрева в воду лезть?! – сказал я с чувством превосходства Гутовскому и Маузерову.

- Ничего, ему не страшно. Он же десантник! – засмеялся Гутовский.

- Это ещё что... если начнёт ресницами грести, сразу же на крейсерскую скорость выйдет! – пошутил я.

- Ха-ха-ха-уа-тьфу! – засмеялся и тут же закашлялся от попавшей в рот воды Маузеров, – перестань смешить, Игорь, а не то я захлебнусь!

Захлебнуться таким образом было, конечно, нельзя, но я по себе знал, что если кто-нибудь очень рассмешит, то можно здорово наглотаться воды.

Заметив наши головы, Козак поплыл прямо к нам. Плыл он даже чересчур энергично, шумно вдыхая воздух, отплёвываясь от воды и поднимая при этом фонтаны брызг.

- Во даёт, плывёт кролем, словно от крокодила удирает, - хмыкнул Гутовский. – При такой технике хорошо выступать на соревнованиях, но на озёрах на дальность так особенно не поплаваешь.

- Выдохнется быстро – ясное дело! – согласился Маузеров.

Козак почему-то решил, что нас должен был впечатлить его заплыв и, едва поравнявшись с нами, он тут же начал нас поучать:

- Разве можно так далеко заплывать?! Может произойти несчастный случай. Я ведь за вас отвечаю. Чтобы так далеко плавать, я не один год тренировался, а вы всё сразу хотите.

При последних словах мы быстро обменялись едва заметными улыбками.

- Давайте к берегу! Ну – чего вы?! Поплывём назад. И больше, пожалуйста, так далеко не плавайте.

- Разве это далеко, Андрей Петрович?! В этом пруду и плавать то толком негде, - хмыкнул Гутовский.

- Всё будет нормально, - заверил Маузеров.

- Давайте к берегу, ребята! Пожалуйста, - продолжал настаивать Козак.

- Андрей Петрович, но дома то мы плаваем?! Почему же здесь мы должны на мелководье сидеть?! – возмутился я.

- Там всю воду замутили, здесь хоть почище, - поддержал

меня Маузеров.

Но Козак упрямо настаивал на своём, и нам пришлось возвращаться к берегу. В душе мы решили, что, как только отделаемся от учителя, тут же начнём купаться там же, где и прежде. На обратном пути Козак примирительно завёл беседу по поводу нашей неплохой работы и сообщил, что руководство совхоза собирается наградить некоторых из нас грамотами.

- А как же сегодняшнее заседание в лагере? – недоверчиво спросил Гутовский.

- Работа – это одно, а дисциплина – совсем другое. Не стоит всё в одну кучу валить, – спокойно пояснил Козак.

Вопреки нашим ожиданиям Козак не стал возвращаться в интернат, а остался загорать вместе с нами. Мы с Березняковой при учителях чувствовали себя неловко, и я не стал садиться с ней рядом, а вместе с Машевским Сашкой, Маузеровым и Гутовским отправился изучать плотину, которая запирала пруд и поддерживала уровень воды.

Плотина представляла собой сооружение из бетона и металла метров в пять высотой и около десяти в ширину. По бокам торчали запорные механизмы, удерживающие огромную железную заслонку. Всё было так плотно подогнано, что с противоположной от пруда стороны не было и намёка на какую-либо течь. Маузеров первым делом ухватился руками за огромный вентиль, но, сколько он ни старался, не мог сдвинуть его с места. От напряжения у Андрея набухли жилы на лице и руках.

- Перестань, Андрюха – сейчас что-нибудь отломаешь, и тогда польётся вода. А если пруд спустим – и вовсе посадить могут! – предупредил Гутовский.

- Да ну, Серёжа, я просто так, размялся, – с улыбкой отмахнулся Маузеров. – Ты думаешь, что они такие дураки и оставили возможность крутить этот вентиль первому встречному?! Как бы не так, тогда любая пьяная компания могла бы этот пруд спустить. Тут или заварено что-нибудь, или намертво закреплено. Когда будет нужно – этот вентиль освободят от закрепления, вот тогда и можно будет его крутить.

- Смотрите, тут какой-то туннель, – позвал нас всех Ма-

шевский Сашка.

Чуть ниже плотины, прямо за невысоким заборчиком, и в самом деле прямо в траве начиналась большущая бетонная труба, уходящая в землю. Вверху она была более широкой и свободной, а книзу сужалась и становилась идеально круглой. Но, даже будучи узкой, она легко вместила бы двух-трёх человек, идущих во весь рост рядом друг с другом.

- Ух, ты! - радостно воскликнул я, прикинув, что сверху до сужения не меньше шести метров.

- А там что? - спросил Гутовский и показал на расположенную в метрах тридцати от нас круглую площадку, обнесённую таким же невысоким заборчиком, как и вход в туннель.

- Здесь тоже туннель, через решётку вниз уходит. Вижу дно, - сообщил оттуда отправившийся на разведку Машевский Сашка.

- Это, наверное, второй конец туннеля, - предположил я.

- Может, да, а может, и нет - нельзя проверить, - пожал плечами Гутовский.

- Почему нельзя?! Можно! - возразил я.

- Ну и как ты проверишь?

- Спустишь в туннель.

- Тут слишком круто. А вдруг назад не вылезешь?! Там ведь решётки, а тут - резкий уклон, - засомневался Сергей.

- Не такой уж и резкий. А по склону вылезу, вы что-нибудь мне бросите и вытащите, если что.

- Ну, лезь, раз тебе так хочется.

Мне, конечно же, хотелось. Было ясно, что этот туннель хорошо знаком пальминским, но мы обнаружили его впервые, и для нас он не потерял ещё своей притягательности и таинственности. Присматриваясь к бетонному спуску и выбирая место, где можно легче спуститься вниз, я почувствовал в душе азарт первооткрывателя, готового к первому проникновению в чужой, ещё не изведанный мир. Остальные чувствовали то же самое, но после того, как вниз вызвался лезть я, у каждого из них интерес к тому, как мне удастся спуститься в туннель, перевесил интерес к самому подземному ходу, и одноклассники с любопытством ожидали, когда я начну спуск.

Я медлил, потому что стены бетонного проёма и в самом деле были слишком крутыми, но Маузеров, поняв всё иначе, положил мне руку на плечо:

- Перестань, Игорь, клада там нет, а лишнее приключение на свой зад ты можешь запросто получить.

- Да я легко спущусь, - заверил я и, опустив плечи и упершись подошвами кедров и ладонями в холодный бетон, начал сползать вниз на карачках, только наоборот - спиной вниз, а не вверх. В самом низу ноги попали на песок, и я съехал на дно, немного оцарапав руку.

- Вот видишь, а мог бы и в самом верху сорваться! - назидательно заметил Гутовский.

- Ладно, я пошёл в туннель, - отмахнулся я и шагнул вглубь уходящей в землю трубы.

Внутри было светло, и я сразу же увидел в конце яркий свет и тут же понял, что подземный ход выходит на поверхность. Как раз ровно посередине пути на полу выделялось светлое пятно. «Как раз под той решёткой, что мы нашли», - подумал я.

- Ну, что там внутри? - донёсся до меня сверху приглушённый голос Гутовского.

- Темно, но идти можно, - соврал я и решил, что незаметно вылезу на противоположном конце туннеля, тайком проберусь назад и своим неожиданным появлением устройю друзьям сюрприз.

Где-то высоко в небе загудел реактивный сверхзвуковой самолёт, и туннель тут же странным образом заполнило многократное эхо, слившееся в один сплошной, постепенно усиливающийся гул. При этом, то ли мне показалось, то ли и в самом деле появилась мелкая, едва ощутимая вибрация самой бетонной трубы. Мне стало не по себе. Было непонятно, откуда появился этот, казалось бы, совершенно беспричинный страх. Я наверняка знал, что это летит самый обычный транспортный самолёт и что плотина наглухо перекрыта, и вместе с тем откуда-то из самых дальних глубин сознания неожиданно начали возникать обрывки видений каких-то катастроф, которые тут же исчезали, едва я пытался зафиксировать их в своём воображении. То ли это были забытые воспоминания моих предков, храня-

щиеся в моей бессознательной памяти, то ли это просто разыгралась моя фантазия, но в любом случае всё это сменяло друг друга с калейдоскопической быстротой. То я видел, как рушится плотина и в туннель врывается поток мутной, грязной, пенящейся воды, который вот-вот настигнет меня и, раздробив моё тело о бетонные стенки, вышвырнет наружу через тот самый выход, к которому я сейчас шёл. Или казалось, что гудящий самолёт – это американский военный бомбардировщик, который вот-вот сбросит вниз атомную бомбу, и в туннель ворвётся вихрь смертоносного огня. И в первом, и во втором случае туннель не давал практически ни единого шанса на спасение. Но странное дело, едва я начал думать о том, как действовать в таких обстоятельствах, как сразу же облегчённо вздохнул от того, что всё это – всего лишь мираж, а над головой у меня самое обыкновенное мирное небо. Страх тут же ушёл прочь, и я даже посмеялся над собственной глупостью.

На бетонном полу попадались кирпичи, обломки каких-то досок и камни. Но в общем-то их было не так и много: забирались внутрь туннеля, видимо, не так уж и часто.

Под закрытой решёткой шахты, из которой меня пытался рассмотреть Машевский Сашка, я притаился и стал дожидаться, когда он отвернётся, чтобы незаметно проскочить мимо. Ждать пришлось не слишком долго, Машевского вскоре позвал Гутовский, и мне удалось незаметно проскользнуть дальше.

Я уже был почти у самого выхода, когда меня начали окликать Гутовский и Маузеров. Вскоре к ним присоединился и Машевский Сашка. Но я, желая вернуться незаметно, не откликался.

Туннель вывел меня прямо на берег небольшой речушки. Внизу была забетонированная площадка с бетонным сливом, ведущим к самой реке, и мне пришлось, ухватившись руками за край бетонной трубы, свеситься вниз. Но даже и так я всё равно не доставал ногами до площадки метра два, и мне пришлось прыгать. Посмотрев на выход из туннеля снизу, я понял, что назад в него через этот вход можно влезть только с помощью лестницы. И туннель, и все эти площадки, видимо, были единой ирригационной си-

стемой для отвода излишков воды в реку из пруда в период половодья.

Наверх пришлось карабкаться по кустам, а затем незаметно пробираться вдоль правого склона.

К полному моему восторгу к нашим мне удалось подобраться совершенно незамеченным. Ребята сгрудились над входом и уже, видимо, решали, кто отправится на мои поиски, но тут я подошёл сзади и, положив руки на плечи склонившимся Гутовскому и Маузерову, весело спросил:

- Что, чего-нибудь потеряли?!

- Ну ты даёшь! А мы тебя ищем-ищем! – удивился Маузеров.

- Ты что, с неба свалился, что ли?! – спросил Гутовский.

- Я через шахту вылез, там решётка поднимается.

- Не ври, там Машевский Сашка и Козак тебя ждут, – возразил Гутовский и показал рукой в сторону шахты.

- А Козак что уже там делает?! – в свою очередь удивился я.

- Он услышал наши крики и тоже пришёл. Мы уже думали, что с тобой что-нибудь случилось. Хотели уже вниз лезть, – пояснил Гутовский. – Ну и шутки у тебя! Так как ты, всё-таки, вылез?

- Там, возле речки, ещё один выход есть. Только высоко – надо прыгать вниз, – пояснил я, наблюдая за Козаком и Машевским, которые уже успели меня заметить и быстро шли в нашу сторону.

- Почему ты не отвечал, когда тебя звали?! – раздражённо поинтересовался подошедший Ко-зак.

- Я не слышал, Андрей Петрович, я в это время возле реки уже, наверное, был, – начал выкручиваться я.

- А я почему тебя не видел? – удивился Машевский.

Я пожал плечами:

- А я откуда знаю, наверное, плохо смотрел. Пошли – покажу выход.

- Никаких выходов! – потребовал Козак. – Хватит тут лазить, а то шеи свернёте! Что это такое, а?! Взрослые парни, а лазите везде, словно пацаны!

- Мы не будем лазить – просто сверху посмотрим, – заверил я.

В итоге нам удалось-таки уговорить Козака оставить нас в покое, и он, поначалу желавший идти вместе с нами, вернулся на пляж, а мы отправились осматривать найденный мною выход, словно это была какая-то местная туристическая достопримечательность. Хотя по сути так оно и было, потому что туннель для нас оказался, пожалуй, самым интересным местом в Пальминке.

Вечером Машевским родители наконец-то привезли на своих белых «Жигулях» магнитофон и бобины к нему. Вместе с ними приехал и Гена Карагаев – молодой меломан, захвативший с собой в придачу свой бобинник и свои бобины. Как уж они с ним договаривались, я не знаю, но весь вечер мы перезаписывали мелодии с одного магнитофона на другой. Записывал Машевский Сашка, а Олег вместе с родителями уехал куда-то по делам.

Карагаев всё время норовил навязать нам свои вкусы, и Машевский порой этому поддавался. Мне многие песни не слишком нравились, но я помалкивал, помня о том, что магнитофон принадлежит Машевским, и они, конечно же, имеют право записывать на собственные бобины всё, что им нравится. Гутовский же оказался гораздо менее терпеливым и время от времени откровенно фыркал, услышав совсем уж плохую, на его взгляд, композицию.

- Это же Челентано, ребята! – с чувством превосходства снисходительно пояснил Карагаев.

Машевский, уже готовый было согласиться с Гутковским, при таких репликах испытывал замешательство и писал дальше песни, которые и на него самого, видимо, не производили должного впечатления.

Но ближе к концу бобины Машевскому и самому всё это надоело, и он попросил Карагаева записать больше танцевальной музыки, тем более, что мы готовились к конкурсу клуба весёлых и находчивых и прощальной дискотеке. Карагаеву эта просьба не слишком понравилась, потому что нас он считал ничего не смыслящими в музыке профанами и дилетантами, но в итоге он всё же дал Машевскому Сашке записать «Казино-казино», «Арабесок», «Чингисхана», Юрия Антонова и ещё кое-что из нашей и зарубежной

эстрады – в общем, всё то, что мы слушали и под что танцевали.

Едва бобина закончилась, приехали родители Машевских. Минут тридцать они беседовали с Немченко, узнавшей об их приезде, затем туда же позвали и обоих братьев-близнецов и, наконец, родители Машевских, забрав с собой Карагаева, уехали в Городок. Машевские (особенно Сашка) получили изрядную порцию нравоучений и вернулись в комнату не в духе. У нас уже сидели Степаненко, Березнякова и Сазонова.

- Ну, показывай, что ты там записал?! – спросил у брата Машевский Олег, ещё, видимо, не успевший отойти от «воспитания» у Немченко.

Сашка пожал плечами и, отмотав бобину в самое начало, включил магнитофон.

- *А-морэ-морэ-морэ-морэ-морэ-мо! А-морэ-мо!* – доносилась из бобинника хорошо всем знакомая итальянская песня.

- Что это? – поморщился Машевский Олег.

- Головой в море! – засмеялся Гутовский.

- А ты сам не слышишь, что это?! – вопросом на вопрос ответил брату Сашка.

- Разве это танцевальная музыка?

- Пойдёт, как медленная, – заступилась за Сашку Марьяна.

- Ну, а дальше что? – махнул рукой Олег.

Сашка принялся перематывать бобину, время от времени давая брату прослушать те или иные участки ленты. Чем дальше перематывалась лента, тем всё более мрачным становился Машевский Олег, тем более что Гутовский не прекращал свои шутки. Примерно на середине бобины Машевский Олег не выдержал:

- Всё, хватит! Всё ясно! Записал всякой туфты, ни одной песни нормальной нет! Чем ты только слушал?!

- Это Гена Карагаев посоветовал. Он ведь спец, – пояснил я вместо обескураженного Сашки.

- Тоже мне – спец! Он нас лет на семь старше: у нас и вкусы то разные. Знал бы – ни за что тебе не доверил! – в сердцах бросил Олег брату.

- Надо было самому сидеть и записывать! Ты слишком

умный, как я посмотрю! Пошёл ты, знаешь куда?! – взорвался Машевский Сашка.

- Ты сам иди туда, тормоз! Ничего толком сделать не можешь! – продолжал наступать на него Машевский Олег, затем повернулся к нам и с укором спросил: - А вы ему помочь не могли, что ли?!

- Это не мой магнитофон, чего я буду навязываться?! – пожал я плечами.

- Да ладно, Олег, мы тут все «большие спецы», - примирительно сказал Гутовский.

- Надо было рок писать, а не эту дурацкую поп-музыку, - солидно заметил Маузеров, считавший себя знатоком современного музыкального мира.

Да там хорошие песни в конце записаны, чего вы разгалделись, толком до конца не дослушав?! Нормальную музыку Сашка записал. Чего ты, Олег, на него нападаешь?! – перебила нас Ольга. - Вы ещё подеритесь здесь! Тоже мне, братья ещё.

- Там и в самом деле неплохая музыка, в конце бобины, - поддержал её Гутовский.

- Неплохая? Ну крути дальше, - буркнул Машевский Олег брату.

- Сам крути, раз тебе надо! – зло огрызнулся Сашка и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

- Головой ещё стукни, дурак! – крикнул ему вдогонку Олег.

Степаненко выскочила в коридор вслед за Сашкой, а Олег принялся мотать бобину дальше. Сашка и Марьяна вскоре вернулись и сели на соседнюю кровать, время от времени обмениваясь мнениями по поводу той или иной песни. Причём если Марьяна обращалась ко всем, то Сашка говорил только с Марьяной, всем своим видом показывая, что его несколько не тревожат нападки брата.

В итоге даже Олег решил, что всё не так уж и плохо, и братья если и не пришли к полному согласию, то во всяком случае примирились.

Подошло время закрытия лагеря. Произошло это как-то исподволь, буднично и незаметно. Сегодня вечером должен

был состояться конкурс КВН между нашей командой, составленной из представителей нашей комнаты, Степаненко, Березняковой и Сазоновой и командой местной школы, усиленной пальминской молодёжью постарше. Мы почти не сомневались в собственной победе, но чувствовали, что именно это и может нас подвести. Поэтому старались всё продумать наверняка, чтобы не было никаких сомнений и неожиданностей. Трудность заключалась ещё и в том, что нам заранее не сказали, какими будут конкурсы, поэтому мы старались подготовить сильное домашнее задание и получить преимущество сразу, чтобы не испытывать судьбу только во всякого рода непредсказуемых конкурсах. Между конкурсами предполагалось показывать и сольные номера, которые должны были оценивать дополнительными баллами.

Гутовский, Маузеров и в большей степени Березнякова и Сазонова занимались обсуждением программы. Мы с Колёсовым молча сидели рядом. Я уже просто устал от споров, и мне было лень что-то говорить, потому что в общих чертах всё было абсолютно ясно, а Колёсов ожидал удобного случая, чтобы ещё раз предложить вставить в выступление один из своих «йоговских номеров». Колёсова уже давно тянуло на всякого рода упражнения с собственным телом. Это увлечение пришло у него на смену моделированию. Дома у Колёсова хранились много моделей самолётов, космических кораблей и пароходов. Одни он покупал и собирал, другие же делал сам. Получалось у него всё здорово, и мы по-хорошему завидовали и его коллекции, и его умению. Но, немного повзрослев, Колёсов почему-то стал стесняться своего увлечения и то ли прекратил моделирование вовсе, то ли просто стал скрывать это от нас, посчитав, видимо, что мы можем решить, что он никак не выйдет из детского возраста. Скорее всего, так оно и было, потому что я тоже никак не хотел выбрасывать собственные пластилиновые крепости и армии, которые когда-то участвовали в сражениях, ведомые мною и Гутовским, и даже иногда устраивал одну-две пластилиновые битвы.

В любом случае публично Колёсов начал увлекаться йогой. Но не так, чтобы серьёзно (у нас просто не было ни

подходящей литературы, ни людей, которые могли бы в этом помочь), а так – изучит какое-нибудь упражнение по картинкам и начинает всем его демонстрировать. В отличие от моделирования к йоге Колёсова мы относились несерьёзно, считая всё это дрянью, и порой даже испытывали неловкость за это странное увлечение товарища. Вот и сейчас Колёсов, улучив момент, предложил:

- А давайте как раз тут я выйду и лягу голой спиной на гвозди?

- Ага, и проколешь кожу до крови?! Вот «здорово» будет! – хмыкнул я.

- Не проколю – я уже пробовал, – возразил Колёсов. – Если не хотите, чтобы я ложился на гвозди, не надо! Для вас же стараюсь. Могу тогда проткнуть спицей кожу на руке.

С этими словами обиженный Колёсов достал откуда-то спицу, поддел ею кожу на ладони и осторожно, едва заметно поморщившись, протащил её через образовавшуюся кожную складку.

Мы дружно поморщились, а Березнякова и вовсе ойкнула и испуганно спросила:

- Тебе не больно, Саша?

- Нет, – улыбнулся Колёсов, довольный тем, что на него обратили внимание.

Его улыбка показалась мне довольно глупой. Да и вообще в последнее время мне начало казаться, что он явно неравнодушен к Березняковой.

- Дурость, и всё! – буркнул я: - Никто этого из зала не увидит, если ты будешь всё это со сцены показывать.

- Могу ещё что-нибудь: например, щеку проколоть, – вновь улыбнулся Колёсов.

- Щеку?! – изумилась Ольга.

- Хочешь, покажу?! – предложил Колёсов.

- Саша, кончай ерундой заниматься! – не выдержал Гутовский. – Тебе что, больше делать нечего?! Что ты, как дурачок?! В зале только посмеются и всё. Не надо нам такие номера!

- Я же для всей команды предлагаю! – обиделся Колёсов.

- Не надо нам этого! Я ведь тебе говорю, что всё равно будет плохо из зала видно, – поддержал я Гутовского.

- Как хотите! – махнул рукой Колёсов.
- Чем занимаетесь? – весело спросил вошедший Коля Николаев, которого также включили в нашу команду.
- Музыка ещё раз к вечеру прослушиваем, программу обсуждаем. А ты где бродишь? – спросила у него Степаненко.
- По делам бродил, - уклончиво пояснил Коля.
- А на гитаре сыграешь? – поинтересовалась Березнякова.
- Само-собой – как и договаривались.

Наскоро прослушав урывками записанную Машевским Сашкой бобину, Николаев остался вполне доволен её содержанием. Жалейко тут же принялся расспрашивать у Николаева о видах музыки и музыкальных стилях, не упуская при этом возможности продемонстрировать и собственные познания в этой области.

- Слушай, Коля, какая бывает музыка? – спросил Жалейко и сам же ответил: - Рок-музыка, классическая музыка, поп-музыка, джаз-музыка. Да?

- Ну да. А тебе какая музыка больше нравится? – улыбнулся Николаев.

- Мне? Мне поп-музыка нравится. Особенно иностранная. Русскую я не люблю. А поп-музыка – это здорово: дис-буф, дис-буф, дис-буф! – Жалейко губами и языком продемонстрировал, как дребезжание тарелок чередуется с ударами барабанов.

- А нашу музыку ты совсем не любишь? – мне не понравилось, что Жалейко как-то пренебрежительно отозвался о музыке своей страны.

- Советскую? Нет.
- Совсем никакую?
- Почти никакую.
- А рок любишь? – продолжал допытываться я.
- Не люблю рок. Он не танцевальный какой-то.
- Это ты зря. Конечно, рок не для танцев, а для души. Те же «Москва», «Диалог», «Автограф», «Земляне»! – продолжал убеждать я.

- Не знаю я, Игорь, всех этих групп. Если тебе нравится, то слушай. А я лучше иностранную музыку буду слушать.

Коля Николаев тем временем начал перечислять песни,

которые собирался петь на конкурсе КВН. Внимательно его выслушав, Жалейко неожиданно спросил:

- А песни Юрия Антонова ты знаешь?

- Юрия Антонова?! – фыркнул Николаев, - Тоже мне, спросил. Нет, чтобы сказать – Антонова, а то так серьёзно – Юрия Антонова. Нашёл звезду!

- А что, разве он плохо поёт?! – возразил Жалейко.

- Наш земляк – из Белоруссии родом, - сообщил Гутовский.

- Так ты, Коля, знаешь его песни? – повторил свой вопрос Жалейко.

- Знаю, конечно, - кивнул Николаев.

- Споёшь на КВН?

- На КВН - нет, мы ведь уже наметили программу. А вот после КВН, когда будет время, конечно.

Конкурс КВН совместили с торжественным закрытием нашего лагеря. Поначалу всё это хотели провести в пальминском клубе, но потом решили, что там всё же слишком мало места и остановились на школьном актовом зале, набитом до отказа ещё за полчаса до начала. Казалось, что в школу пришла вся Пальминка: здесь были и директор совхоза, и местные специалисты, рабочие, участковый, Абдулла, Свинья и другая знакомая нам молодёжь. Были и все наши – в такой вечер никому не хотелось оставаться в интернате, да этого просто никто и не понял бы.

Мы расположились на местах, находящихся недалеко от прохода, потому что всё равно должны были выходить на сцену. К микрофону вышел Козак и объявил:

- Вас приветствует Клуб весёлых и находчивых. Сегодня встречаются команды Пальминки и Городка. За Пальминку играет команда «Рванный кед»!

При последних словах Козак несколько смутился, потому что прочёл название команды только сейчас с заявочного листка.

- Ну и название, одно слово – деревня! – засмеялся я.

- Сейчас посмотрим, что будет, когда наше название скажут! – возразил Гутовский.

Мы с интересом застыли, ожидая того момента, когда

Козак объявит наше название.

- За Городок играет команда «Кв... Кли... Клизма»! – ошарашено произнёс Козак.

Зал грохнул от хохота. Немченко и Казимирская окинули наш ряд испепеляющими взглядами, но сдержались и промолчали.

- Здесь и расшифровка есть, - сообщил овладевший собой Козак и зачитал: - «Клизма» - команда лучших из мастеров! Что ж, не очень скромно, но... вполне оригинально.

Теперь Немченко и Казимирская посмотрели уже на Козака. Но зал встретил нашу расшифровку овацией.

- Ну, видал?! А ты говорил, что про вас с Маузеровым скажут, что вы - самые большие клизмы! – я радостно ткнул Гутовского в бок.

Дело в том, что название команды придумал именно я, и мне стоило немалых трудов убедить остальных, что его нужно оставить, тем более что у меня получилась и удачная расшифровка.

У каждого из нас с собой была маленькая картонная клизма, а у Гутовского как у капитана команды - большая. Все эти клизмы мы прикрепляли булавками к своей одежде, и получилось очень даже здорово. Во всяком случае, мы, когда вошли по приглашению Козака под всеобщие аплодисменты на сцену, смотрелись куда лучше местных, некоторые из которых и в самом деле облачились в рваные кеды.

Председателем жюри стал директор совхоза. Немченко и директор местной школы – членами. Жюри получилось в своём большинстве пальминским, но это было даже и хорошо: к нам относились неплохо и мы не опасались, что нас могут засудить. К тому же в случае нашей победы, в которой мы и не сомневались, никто не смог бы сказать, что нам подсуживали, что могло бы произойти, если бы в жюри было больше городокских.

Вводную часть и приветствие мы выиграли. Счёт стал 1:0 в нашу пользу.

Первым конкурсом оказалась... чистка картошки. В тарелке лежало шесть картофелин, и нам нужно было определить, кто из членов нашей команды будет участвовать в

конкурсе.

Свинья, которого выбрали капитаном команды пальминских, быстро посоветовавшись с остальными, подтолкнул вперёд одну из трёх их девчонок. Она была на редкость не-симпатичная, но это только обеспокоило Гутовского. Повернувшись ко мне, он вполголоса пояснил:

- Сейчас за одну минуту всё почистит! Если страшная, но взяли – значит, что-то может хорошо делать!

Из парней у нас, конечно же, с ней никто не смог бы тягаться, и мы выставили Сазонову.

По сигналу Козака девчонки принялись чистить картошку. Получалось это у них очень ловко: во все стороны летели очистки и шелуха, а в тарелках оставалось всё меньше неочищенных картофелин.

- Танька, сматры, пальцы сабе вместо бульбы не атрэж! – смеялись из зала пальминские. - Да-вай! Быстрэй!

- Рита! Ри-та! Ри-та! – скандировали наши.

Закончили они почти одновременно. Даже, пожалуй, Рита уступила какие-то доли секунды, но в итоге объявили ничью. Счёт стал 1,5:0,5 в нашу пользу.

Сразу после конкурса на сцену вышел Коля Николаев с гитарой и спел песню Андрея Макаревича «Костёр». Песня всем понравилась, но мне показалось, что многие пальминские слышат её впервые.

После Николаева пришлось поработать уже мне. По условиям нового конкурса, нам нужно было заштриховать единственный выход из лабиринта. Искать выходы из лабиринтов я любил и сравнительно легко, используя собственные секреты поиска, заштриховал нужный проход. Не прошло и двух минут, как я справился с заданием. Увидев, что я уже закончил, пальминский школьник смутился и начал нервничать и суетиться, но так и не смог справиться с заданием. Мы повели 2,5:0,5.

В следующем конкурсе Машевский Сашка с завязанными глазами собрал со сцены больше всех бутылок, и счёт стал почти разгромным – 3,5:0,5.

Затем последовали конкурс капитанов, который выиграл Гутовский, теоретический тур и юмористические вопросы-ответы, которые вновь выиграла наша команда и повела

6,5:0,5. В общем-то всё было уже ясно, и мы, не особенно стесняясь, принялись поздравлять друг друга с победой.

Из зала начали посвистывать пальминские, недовольные провальным выступлением своей команды, но их быстро успокоил участковый, местные учителя и сам директор совхоза. Наши сидели достаточно спокойно, потому что предвидели такой результат заранее.

Оставалось всего два конкурса: силовое единоборство на руках и танцы на газете. Гутовский хотел было выйти померяться силой со Свиньёй, тем более что они оба были капитанами, но наши дружно на него зашикали, и мы выставили Маузерова.

Андрей проспал сигнал Козака, и Свинья едва не положил его на первых же секундах поединка, но в самый последний момент Маузерову удалось удержать руку в каких-то сантиметрах от поверхности специально принесённого на сцену стола.

- Ну, вот, говорил же, что лучше я пойду! Что-то Андрюха оплошал, - разочарованно сказал Гутовский.

Мы затаив дыхание следили за поединком. На общий результат он уже никак не мог повлиять, но с учётом произошедшей драки, это был слишком принципиальный для всех конкурс. И Маузеров, и Свинья напряжённо смотрели друг другу в глаза. Лицо Свиньи начало медленно наливаться кровью. На его лбу отчётливо проступили жилы. Покрылся и Маузеров, но у него покрылась выступающими венами рука. Андрею каким-то невероятным усилием удалось выровнять положение, и теперь психологическое преимущество было уже на его стороне. Постепенно Свинья уступал сантиметр за сантиметром, и теперь уже его рука начала клониться к столу. Когда она была совсем близко к поверхности, Свинья вырвал свою ладонь из руки Маузерова и хлопнул ею Андрея по плечу:

- Фу! Ну и здоровый же ты, как кабан!

Пальминские были огорчены таким исходом, но всё же сдержали свои эмоции. Зато мы всюду поздравляли Маузерова.

- Что же ты, Андрюха, сразу чуть не сдался?- удивился Жалейко.

Вместо Маузерова ответил Гутовский:

- А это он поддался, чтобы было интереснее. Да, Андрюха?!

Маузеров с улыбкой кивнул, но потом, с шумом выдохнув воздух, пояснил:

- Он очень здоровый. Я его вначале чуть удержал. Да и руки у него короче, значит, рычаг лучше, я поначалу даже и не думал о победе. А потом он стал сдавать, вот я его и дожал.

На танцевальный конкурс нужно было выставить по три пары от каждой команды. От нас вышли Николаев и Сазонова, Машевский Сашка и Степаненко и, зная наши отношения с Ольгой, предложили выйти мне с Березняковой. Но смысл конкурса заключался в том, чтобы как можно дольше танцевать на постоянно складываемой и уменьшаемой вдвое газете. Одной из уловок было то, что можно было держать партнёршу на руках, а уж с этим Гутовский справился бы явно лучше, и я уступил ему своё место. Ольга отнеслась ко всему этому с полным пониманием.

Поначалу я расстраивался и в душе корил себя за то, что не стал участвовать в конкурсе, но потом, когда со сцены сошли две пальминские пары и оконфузился Машевский, который не удержал равновесие, переминаясь с ноги на ногу на сложенной вдвое газете, и упал на пол под смех всего зала, увлекая за собой Марьяну, я понял, что поступил правильно.

Когда сделали паузу и сложили газету ещё раз, Свинье и его тоже далеко не самой худой партнёрше было трудно удержаться в пределах маленького газетного квадратика, и они в конце концов вынуждены были уйти. Остались только Гутовский с Березняковой и Николаев с Сазоновой. Им пришлось держать девчонок на руках. Газету сложили ещё раз, и почти тут же Гутовский и Николаев сделали заступы, но Коля сделал это на мгновение раньше, и победителями конкурса были объявлены Гутовский и Березнякова. Счёт стал 8,5:0,5.

Директор совхоза, объявивший результаты, вовсе не выглядел расстроенным: он уже давно, видимо, смирился с поражением своей команды.

Дождавшись, когда мы займём свои места в зале и затихнут аплодисменты, директор вновь подошёл к микрофону:

- Сегодня мы прощаемся с нашими гостями из Городка. Целый месяц вы прожили у нас в Пальминке, успели подружиться с нашими ребятами, помогали нам на сельскохозяйственных работах. Конечно, не всегда всё было гладко, случилась и драка, и в столовой были проблемы, но в целом, я думаю, что в ваших сердцах останутся самые добрые воспоминания о Пальминке, а у нас – добрая память о школьниках из Городка.

Это было правдой. Конечно, я и мои товарищи не испытывали особой любви ни к Свинье, ни к остальным его приятелям, но всё же Пальминка стала для нас совершенно новым этапом в жизни, когда вместо уроков мы впервые испытали совершенно особое чувство самостоятельной жизни и совместного созидательного труда, впервые почувствовали себя уже в значительной степени взрослыми и познали первые томления горячей юношеской любви. И уже только поэтому каждый из нас сохранит в памяти то лето 1983 года и будет не раз возвращаться к нему в своих воспоминаниях в последующем, хотя случится у каждого из нас в жизни немало гораздо более ярких и значимых событий. Но в том-то и ценность этого первого опыта самостоятельной жизни, что он был первым, а значит, во многом определяющим.

После вступительного слова, получившегося немного сентиментальным, но от этого только выигравшим, потому что нам всем уже надоела казёнщина, директор принялся отмечать наших персонально. Грамотами совхоза наградили Степаненко, Сазонову, Березнякову, Кирпичевскую, Николаева, Маузерова, Сивчука, обоих Машевских и... Гутовского. Последнее удивило меня больше всего. Работал Гутовский, конечно, хорошо, но после всего, что случилось, я не думал, что грамоту дадут и ему. Сергей, похоже, был удивлён не меньше моего, но по его широкой улыбке было видно, что ему это приятно. Дали грамоты и нескольким девятиклассникам. Остальным, в том числе и мне, подарили «за хорошую работу»... маленькие детские машинки, а девочкам – пластмассовых голяшей в ванночках. Понятно, что никто не думал, что мы будем в них играть, просто

в магазине не было других дешёвых сувениров. Машинку я тут же решил отдать дома в Городке младшему брату Славику, который перешёл в четвёртый класс. У машинки была оранжевая кабина, синий кузов и белые колёса, нанизанные на небольшие металлические оси.

- Лучше бы мне машинку дали, а не грамоту! Что с неё взять – бумага, да и только?! – проворчал сидевший рядом со мной Гутовский.

Он меня просто пожалел, но от этого мне стало ещё более неприятно и досадно, тем более что с другой стороны рядом со мной сидела Березнякова.

- Работать надо было лучше, а не пропускать дни! – засмеялась Березнякова и уже более серьёзно заметила: - Ну, чего ты надулся, как индюк, не всем же грамоты давать!

Я и в самом деле испытывал досаду. С одной стороны, я действительно пропустил больше дней, чем остальные, часто задерживаясь дома и в понедельник после положенных выходных и нормы я выполнял тоже не всегда, но работал явно не хуже всех и, если честно, в душе мне было неприятно, что из всей нашей компании грамоты не дали только мне, Колёсову и Жалейко, словно мы были какими-то неудачниками. Теперь не получится похвастаться перед родителями. Ещё более неприятным было то, что одноклассники заметили моё недовольство и стали меня утешать, словно маленького ребёнка. Впрочем, внешне я быстро справился с эмоциями и вскоре не подавал вида, что меня это задело, но в душе долго не мог отделаться от неприятных мыслей. «Почему мне неприятно? Неужели я такой тщеславный? – думал я. Ведь нет. Вовсе нет. Просто мне неприятно, что я оказался хуже своих товарищей. Но, возможно, я и в самом деле хуже? Наверное, это справедливо, что так всё получилось. В конце концов, если вручать грамоты всем подряд, то они утратят всякую ценность и значимость. Конечно, приятно получить грамоту, когда её дают одному из десяти, но и поработать для этого надо на совесть».

- Наверное, мы должны быть благодарны вам за то, что кое-чему вы научили и наших ребят: модным танцам, интересным играм! – продолжал говорить директор. – Но так и должно быть: вы городские, более бойкие. Наши ребята

попроще, но они очень трудолюбивые, открытые. Теперь и они, научившись многому у вас, будут другими. Не зря же столько говорили о смычке города и деревни. А наша Пальминка благодаря свинокомплексу лет через десять может стать городским посёлком, - при последних словах директор улыбнулся.

- Кресты есть кресты! Ничему они не научатся! - скептически хмыкнул Жалейко.

Поначалу его реплика мне не понравилась, но я промолчал, однако затем подумал, что в его словах есть доля истины, но связано это прежде всего с тем, что в деревне школьникам, кроме самой школы и сельскохозяйственного труда просто нечем заниматься. Да и взрослым тоже, от того и пьют многие по-чёрному, что это единственное известное им времяпровождение в свободное от работы время.

Сразу после КВН и награждения грамотами устроили дискотеку. Чтобы не помять грамоты, наши дружно отдали их Козаку.

После нескольких быстрых танцев зазвучала полюбившаяся многим песня (в особенности - Жалейко) - «Я всё тот же». Не теряя времени зря, я отправился приглашать Березнякову.

- Ну, что, пережил, что не получил грамоту? - спросила Ольга, когда мы начали медленно двигаться в такт музыке.

- Пережил, - улыбнулся я.

- Вот и заканчивается наш лагерь.

- Да, - кивнул я. - Погуляем сегодня?

- Так ведь отбой будет, хотелось бы ещё потанцевать, - удивлённо пожала плечами Березнякова, решив, что я предлагаю ей пойти гулять прямо сейчас.

- Конечно, ещё потанцуем. А отбой может и вовсе не будет - во всяком случае, многие наши после дискотеки собираются идти гулять, - сообщил я.

- Тогда, конечно же, погуляем, - улыбнулась Ольга.

Отбой после окончания дискотеки и в самом деле не было, и наши небольшими группами разбрелись по деревне, а учителя заперлись в комнате Казимирской и Немченко, решив, видимо, отметить окончание лагеря.

Из всего лагеря у нас собралась самая большая группа:

вся наша комната, Березнякова, Степаненко, Сазонова, Пятитуркина, Симченко, Кирпичевская, Пушкина, Николаев, Сивчук, Муриков. По дороге к нам присоединились Абдулла, Свинья со своей компанией и наша группа выросла до тридцати человек. Былая вражда со Свиньёй и пальминскими если и не исчезла полностью, то ушла куда-то очень далеко вглубь, и о ней уже никто не вспоминал. Не было и пьяных. Шли мы поначалу довольно шумно, и на наши крики стала стекаться вся попадавшаяся по дороге молодёжь: и пальминские, и те из наших, кто ушёл гулять раньше, так что вскоре нас было уже около полусотни.

Солнце уже зашло, и повеяло ночной прохладой. На небе одна за другой зажигались крупные, яркие звёзды. Вскоре уже можно было различить Большую Медведицу. Пальминка по большей части ещё не спала: люди недавно пришли после КВНа и концерта домой и ещё не успели завершить неотложные хозяйственные дела. Другие же, видимо, беспокойно прислушивались к издаваемым нами крикам, опасаясь, что вновь может случиться массовая драка, участниками которой могут оказаться и их дети. И они, и местный участковый, наверное, очень бы удивились, если бы узнали, что мы идём по Пальминке одной большой компанией.

- Пошли на речку, там шикарный пляж есть. Костёр там разожжём, песни под гитару послушаем?! – предложил нам Свинья.

- Далеко до пляжа? – спросил Маузеров.

- Километр с лишним, – пояснил Свинья и, уловив некоторую неуверенность у Маузерова, предложил более настойчиво: - Пошли, всё равно это ваш последний вечер! Да и отбоя у вас всё равно уже не будет. Сидеть здесь негде, а там в самый раз!

- Ладно, пошли! – вместо Маузерова сказал Гутовский, и мы пошли вслед за Свиньёй по какой-то просёлочной дороге.

- Сейчас Свинья заведёт нас куда-нибудь, как Иван Сусанин! – пошутил я.

- Знает, наверное, куда идти, он ведь здесь родился и вырос, – серьёзно возразил Гутовский, так и не поняв моей

шутки.

- Я же пошутил! – засмеялся я.

Идти всем вместе по узкой просёлочной дороге было невозможно, и мы, постепенно разделившись на небольшие группки, растянулись на добрую сотню метров. Где-то в самом начале брэнчал на гитаре кто-то из пальминских. Но его почти не было слышно, потому что чуть позади нас шёл Коля Николаев и тоже пел одну из песен Антонова специально по просьбе Жалейко.

Мы с Ольгой шли рядом, взявшись за руки, а чуть впереди на фоне ночного неба вырисовывались силуэты спин Гутковского и Колёсова, которые о чём-то вполголоса переговаривались между собой. Мы с Березняковой молчали. Слов было не нужно, потому что вместо них в наших сердцах и ушах звучала музыка. Это была музыка любви, молодости и дружбы. Высоко-высоко вверху горели целые россыпи звёзд, и мне казалось, что это – застывший салют, взорвавшийся ночной купол, но так и замерший на одном месте из-за того, что остановилось само время. Мне и в самом деле хотелось, чтобы оно остановилось. Всё вокруг – песок под ногами, шелестящая по бокам дороги рожь, небо, прохладный ночной ветерок и вообще всё, всё на свете – голоса и силуэты наших одноклассников, стрекотание кузнечиков и цикад, дыхание Березняковой, которое я порой ощущал своей щекой, её волосы, касающиеся при ходьбе моих плеч, - создавало совсем особенную, чарующую, околдовывающую симфонию жизни. Я любил всё вокруг и ловил себя на мысли, что сейчас, именно сейчас мне хочется обнять весь мир и поделиться с каждой его частичкой – даже травинкой или камешком, переполнявшим меня счастьем, хотя и сам плохо понимал его источник и природу.

Когда мы подошли на берег речки, там уже горел разведённый Свиный и его товарищами костёр.

- Ну, чего встали? Несите дрова! – сказал Свиный, когда мы пришли на поляну.

Мы тут же взялись за работу и минут за двадцать натащали столько дров, что их могло хватить до самого утра. Приведя в порядок костёр, мы принялись рассаживаться вокруг огня. Рядом текла небольшая речка, и от костра к

противоположному берегу протянулась узкая и зыбкая полоска купающихся в воде отражений языков пламени. Пальминский парень пытался что-то побренчать на гитаре, но тут же прекратил, едва на поляне появились Машевские, Степаненко и Николаев (видимо, постеснялся Николаева, потому что играл пока явно хуже).

- Вот кто играет, не то, что ты! – хмыкнул Свинья и, щёлкнув по лбу своего гитариста, попросил Николаева: - Сыграй «Костёр» ещё раз, здорово у тебя получается!

Николаев не стал ломаться и, усевшись на предложенное ему место, сразу же взял первые аккорды и запел песню. Когда дело дошло до припева, и мы, и пальминские, не стовариваясь, подхватили песню:

*Ещё не всё разрешено,
Ещё не всё дорешено,
Ещё не все погасли краски дня,
Ещё не жаль огня.
И Бог хранит меня.*

Песня и в самом деле была отличная и очень подходила к нашему костру.

Так мы и сидели: Николаев пел песни, мы ему подпевали, время от времени рассказывали друг другу анекдоты. Жалейко затеял с пальминскими соревнование: кто дальше метнёт камень вдоль реки, но все быстро прекратили, потому что из-за темноты невозможно было наверняка рассмотреть, кто куда добросил. Я, впрочем, даже не сомневался, что Жалейко мог перебросить любого.

- Кто тут?! – заорал каким-то идиотским голосом худой и высокий пальминский парень, неожиданно выскочивший из кустов на поляну.

Вслед за ним вышел и второй – маленький, но зато толстый. Оба они были заметно пьяны.

- Чего горло дерёшь, Глист?! – недовольно откликнулся Свинья. – Или увянь и сиди тихонько, слушай песни, или катись отсюда!

- Это ты, Витёк?! – узнал Свинью Глист и тут же сменил тон: - А я – что? Я ничего. Мы п-песню п-послушаем.

Они оба пробрались к костру, но ещё долгое время удивлённо и озадаченно оглядывались вокруг пьяными глазами

ми. Из-за опьянения они, видимо, никак не могли понять, почему на поляне собралось столько людей, половина которых была им вообще незнакома. Со стороны это было комично наблюдать, и сами пальминские время от времени подтрунивали над своими незадачливыми пьяными земляками.

Спутник Глиста вёл себя тихо, а вот сам Глист попытался затеять драку со своими же, но Свинья так рыкнул в его сторону, что Глист тут же сник и тихо сел на место.

Гутовский, подбросив очередную порцию дров, подсел к Наташке из девятого класса, которая смеялась надо мной, когда я делал у них в комнате радиорозетку. Минут десять Сергей что-то рассказывал ей на ухо, а Наташка заливалась радостным смехом, а затем они поднялись и пошли в сторону дороги.

- Вы уже в лагерь? - спросил я у Гутовского, когда они поравнялись с нами.

- Так, погуляем ещё немного, - улыбнулся Гутовский.

- Много будешь знать, Тищенко, скоро состаришься! - подмигнула мне Наташка.

- Ясно - больше вопросов не имею! - засмеялся я в ответ.

Немного посидев у костра, я решил последовать примеру Гутовского. Тем более что сегодня была наша последняя ночь в ЛТО. Березнякова была не против, и мы, уловив удобный момент, незаметно покинули уже изрядно подвыпившую компанию. В общем-то особого выбора маршрута у нас не было, и мы, взявшись за руки, медленно пошли в сторону Пальминки.

- О чём ты сейчас думаешь? - спросил я у Ольги, пытаюсь в темноте рассмотреть её глаза.

- Мне просто хорошо. Ни о чём не думаю. Разве всё время о чём-нибудь надо думать?! А ты?

- Не знаю. Порой в голове столько мыслей проносится, что я даже сам удивляюсь, как они туда вмещаются. А порой и мне кажется, что я тоже ни о чём не думаю, - пожал я плечами в ответ, и это было правдой, потому что я думал обо всём и ни о чём одновременно.

- Ой, Игорь, звёздочка упала! Загадывай желание! - дёрнула меня за рукав Ольга и показала на упавшую звезду,

но я так ничего и не успел заметить. - Это правда, что если видишь упавшую звезду, исполняется желание? - спросила Березнякова, хотя и сама, наверняка, знала ответ на свой вопрос.

- Нет, конечно. Это просто метеорит, звёзды никогда не падают. Они рождаются, переживают свой расцвет, если хочешь - свой звёздный час, и умирают. Совсем, как люди. Есть старая легенда, что как только кто-то умирает, сразу же гаснет или падает одна из звёзд. Но другие народы считают, что во время смерти, наоборот, на небосклоне появляется новая звезда, - сказал я и, высвободив свою руку из руки Березняковой, обнял её за талию.

- А ты боишься смерти? - неожиданно спросила Ольга.

- Не знаю... Боюсь, наверное... Каждый человек боится смерти. А ты?

- Я? Ужасно боюсь. Я хочу жить. Хочу быть молодой и красивой. Ну зачем нужна смерть? А ты веришь, что после смерти мы попадём в ад или в рай?

- Нет, чушь всё это! Умрём, и ничего не будет. Хотя... С другой стороны, мы смертны, но всё же живём вечно.

- Как так? - удивилась Березнякова. - Ты, наверное, веришь в переселение душ, как древние индусы, да?

- Переселение душ тут ни при чём, - улыбнулся я. - Но если кое-что верно, то мы с тобой жили вечно, живём и будем жить вечно. Как и Пётр Первый, Ленин, Ломоносов. Но они будут жить в своё время, а мы - в своё.

- Как это? - удивлённо шепнула Березнякова и, доверчиво прижавшись ко мне, в свою очередь тоже обняла меня рукой за плечо.

- Если наш мир конечен по числу составляющих его элементов и объёму, то существует, пусть даже и невероятно огромное, но всё же конечное число возможных комбинаций, сочетаний и расположений кирпичиков мироздания. А это значит, что рано или поздно всё опять повторится по кругу. И опять будет Пётр Первый, Ломоносов, Ленин и мы. И опять будет наш разговор и эта ночь.

- Вот здорово! А знаешь, у меня порой бывает чувство, что я уже это видела, хотя точно бываю где-то в первый раз. Может быть, как раз поэтому?

- Нет, это не то. Это, скорее всего, просто кажется. Мы не можем помнить наши прошлые жизни. В этом и заключаются весь парадокс и великая тайна мира: жизнь у нас вечная, но и единственная и конечная одновременно. Каждое мгновение, по сути, – тоже вечность. Поэтому с одной стороны время стремительно и неуловимо, а с другой - его просто нет, потому что одна вечность сменяет другую.

- Какой ты умный! – восхищённо сказала Ольга. – Ты обо всём этом в астрономии прочёл?

- Не только в астрономии. Кое до чего и сам додумался, – радостно ответил я, будучи не в силах скрыть, что мне приятно похвала Ольги.

- Ты... хороший. Мне очень интересно с тобой, – сказала Березнякова и остановилась посреди дороги.

- Мне тоже! – восторженно прошептал я и, подойдя к Ольге вплотную, добавил: - Знаешь, если я стану великим астрономом, то обязательно назову твоим именем какую-нибудь звезду или планету, которую открою.

- Правда?

- Конечно!

- Иди сюда! – шепнула Ольга и, притянув меня к себе за шею, поцеловала меня в губы долгим, сладким поцелуем.

В первое мгновение я даже растерялся от восторга и блаженства, затем машинально обнял Ольгу в ответ и, прижав её к себе, принялся целовать её глаза, щёки, губы.

- Ну, что ты?! Что?! – смущённо прошептала Березнякова, но не стала вырываться и откинула голову назад.

Я тут же принялся целовать её шею...

Я даже не понял, сколько всё это продолжалось – то ли всего несколько мгновений, то ли полчаса...

Позади послышались голоса, и Ольга, раньше пришедшая в себя, бережно оттолкнула мои губы своей ладонью и предупредила:

- Тихо! Пошли, а то кто-нибудь увидит – будет неудобно.

Я покорно взял её за руку, и мы пошли к Пальминке. Голоса позади затихли, и я хотел было обнять Ольгу ещё раз, но она этого не позволила:

- Хватит, а то на завтра ничего не останется.

- Останется. Завтра мы уже уедем.

- Завтра будет Городок.

Проводив Ольгу в её комнату и обменявшись с нею поцелуем на прощание, я, словно пьяный, пошёл к себе и, наскоро раздевшись, упал в кровать.

- Ну, как погулял? – шёпотом спросил у меня Гутовский.

- Эх, Серёжа, жаль, что ЛТО закончился! – шепнул я в ответ, задыхаясь от избытка чувств.

- Я тоже неплохо погулял. Эта Наташка – отличная девчонка! – сказал Гутовский и принялся рассказывать мне о своих похождениях, но я его почти не слушал, потому что думал о нас с Ольгой.

Мне хотелось непременно жениться на ней, чтобы она имела от меня двух детей. Обязательно мальчика и девочку. Мальчик должен был быть похож на меня, а девочка – на неё. На губах всё ещё чувствовалась сладость ночных поцелуев, и я даже с восторгом провёл по ним языком и только тут понял, что Гутовский уже уснул. Мои глаза тоже смыкались от усталости, и я незаметно для себя тоже уснул со странным ощущением полного счастья и душевного покоя.

Утро выдалось совсем не таким романтичным, какой была прошедшая ночь: сразу же после пробуждения пришлось окунуться в унылую прозу жизни, таскать на грузовики вещи, собирать наше нехитрое, но всё же довольно громоздкое имущество. После того, как всё было упаковано, собрано в узлы и коробки, и готово к отправке в Городок, нас предоставили самим себе, предупредив, чтобы никто никуда не расходился, потому что вот-вот должны были придти машины, на которые нам и предстояло загрузить всё собранное.

От нечего делать мы со скучающим видом слонялись по интернату, который без тюфяков и матрацев на кроватях приобрёл какой-то странный вид, словно в нём только что провели эвакуацию. Меня всегда удивляли подобные перемены. Казалось бы, привыкаешь к какому-то определённому месту, живёшь здесь день, неделю, месяц, и всё всегда остаётся настолько постоянным и неизменным, что даже не допускаешь и мысли, что что-либо может измениться – до тех пор, пока в один прекрасный день всё рез-

ко вдруг приобретает совсем иные очертания и порождает ощущение какой-то беспомощности и растерянности. Так было и сейчас.

И я, и остальные неприкаянно бродили по интернату и не знали, чем заняться. Мы с Гутовским зашли в смежную с нашей комнату. Сергей подошёл к стене и с видом знатока несколько раз постучал по ней кулаком:

- Смотри, Игорь, как качается! Стенка-то дрянь – просто простенок.

- Если создать резонанс, она на голову рухнет, - заметил я.

- Тут и резонанса никакого не надо – хорошенько ударить, она и так развалится, - хмыкнул Гутовский.

- А это мы сейчас посмотрим! – задорно сказал я и с разбега боднул стенку плечом.

- Ты что, дурачок, делаешь?! Она же сейчас рухнет! – испуганно крикнул Гутовский, увидев, что стена резко завибрировала после моего толчка.

- Эй, мальцы, вам что, делать нечего?! – донёсся из-за перегородки удивлённый возглас Колёсова.

- Это землетрясение! – со смехом сказал я и вновь с разбега боднул стену плечом.

Не знаю, что со мной произошло, но откуда-то из самых глубин моей души возникло непреодолимое желание разрушить эту стену плечом, и я даже предвкушал, как она рухнет под моим натиском, и от одной мысли об этом испытывал восторг. Хотя, конечно, вместе с тем я понимал, что этого делать нельзя и сдерживал себя, чтобы моя шутка не зашла слишком далеко. То, что мои товарищи не одобряли моего дурачества, лишь ещё больше меня раззадорило, потому что испуганные крики Гутовского и Колёсова казались мне просто комичными.

Разогнавшись, я ударил в стену ещё два раза. На той стороне раздался какой-то треск. Через мгновение в комнату вбежал Колёсов:

- Ты что, Игорь?! С ума сошёл, что ли?! Там штукатурка растрескалась.

- Да? – удивлённо спросил я и побежал в нашу комнату, разминувшись по пути в коридоре с Машевским Сашкой.

- Что, поломал стену? – спросил Машевский.

- Нет – только учусь, – пошутил я.

Забежав в нашу комнату, я увидел, что через всю стену поползла большая трещина.

- Ну, что, убедился? – крикнул через перегородку Машевский Сашка.

- Ничего, сейчас мы её выровняем! – откликнулся я и боднул стенку уже с нашей стороны.

Раздались треск и грохот, слившиеся с криками наших, но что именно мне кричали, я не смог разобрать. Через мгновение в комнату ворвались Гутовский и Машевский.

- Ты что, совсем дурак?! Там уже кусок стены оторвался и на пол упал! – зло сказал Машевский Сашка.

- Ладно, не ори, я больше не буду! – отмахнулся я.

- Ты пойдди, посмотри, что наделал! – потребовал Машевский.

Но мне и самому интересно было взглянуть на то, что там произошло, и мы втроём пошли в ту комнату, откуда я начал распатывать перегородку. Посередине стены зияла большая выемка, внутри которой виднелись расположенные под косым углом друг к другу ряды деревянных планок, служащих своеобразной арматурой для штукатурки и цемента перегородки. Упавший вниз кусок штукатурки раскололся на несколько частей, разлетевшихся по полу и поднявших целое облако пыли. Колёсов придерживал края выемки рукой.

- Ты чего? – удивился я.

- Держу. Мало ли чего тебе в голову может прийти! – пояснил Колёсов. – Вдруг ты снова будешь ломать, вот я и держу.

- Отпусти, я ведь всё равно здесь, – сказал я и, посмотрев на разбившуюся штукатурку, почувствовал угрызения совести.

- Давайте уйдём быстрее отсюда, пока никто не увидел! Чуть что, скажем, что не знаем, кто это сделал, – предложил Машевский Сашка, и мы тут же вышли на улицу.

- Жалко стену, – виновато сказал я Гутовскому, когда мы остались одни.

- Так зачем же ломал? – удивился Сергей.

- Не знаю даже, какая-то дурь нашла, - виновато пожал я плечами и добавил: - Строили люди, труд затратили, а я, как придурок, поломал! Что теперь пальминские скажут?!

- Да ладно, теперь ремонт сделают. Эта стена и сама через месяц поломалась бы, - махнул рукой Гутовский. - Со всем гнилая!

- Да не гнилая она, просто это такая конструкция. Она ведь не рассчитана на то, что всякие идиоты начнут её ломать! - продолжать я себя корить.

Мне стало почему-то ужасно стыдно за то, что я повредил стену. Стыдно не перед Гутовским или Немченко, а перед теми совершенно неизвестными мне людьми, которые эту стену строили.

- Да ладно тебе! Что ты заладил одно и то же, как попугай?! Пошли, на лавку сядем и в карты сыграем, что ли? - решительно прекратил моё самобичевание Гутовский.

- Ты же не любишь в карты играть?! - удивился я.

- Всё равно пока больше делать нечего. Сидеть просто так скучно, - пояснил Гутовский.

Едва мы начали играть, мне на память тут же пришла надоедливая и прилипчивая песенка из художественного фильма «Голубой карбункул» о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, и я даже напел несколько раз вслух её припев:

- *Кто-то кого-то ловит, кто-то хватает, а человек погиб!*

- Что ты разнылся - погиб да погиб?! Никто ведь не видел, как ты стену ломал - никто и не узнает! А то заладил одно и то же - погиб, погиб! - с досадой сказал Гутовский, который понял всё по-своему.

- Ну ты даёшь, я же просто так эту песенку спел! - удивился я. - При чём здесь стена?!

- То-то и оно, что ни при чём! - назидательно заметил Гутовский.

- Что, в карты играете? - спросила вышедшая из интерната Березнякова.

- Играем, - кивнул я.

- А мне можно с вами?

- Конечно. Садись на моё место, - предложил я.

- А ты?

- Я на траве посижу.

Уступив место Березняковой, я пересдал карты, и мы, так и не доиграв предыдущую игру, начали играть втроём в дурака. Карта мне, в общем-то, шла, но шла она и Гутовскому, а вот Березняковой не слишком везло. И я, решив ей помочь, фактически начал играть с Ольгой в поддавки. В итоге из шести игр я стал дураком четыре раза, а Гутовский – два.

Но Березнякову мне всё же удалось уберечь от проигрыша, и я был этому рад, нисколько не обращая внимания на ехидные и насмешливые подначивания Гутовского, который, конечно же, прекрасно понимал, в чём тут дело. Ольга же, видимо, тоже обо всём догадывалась, но лишь довольно смеялась: ей нравилось такое шадящее отношение с моей стороны, да ещё и в присутствии Гутовского.

Пока Гутовский в очередной раз пересдавал карты, я посмотрел вверх. Сквозь густо сплетённые, свисающие вниз ветви большой берёзы, под которой стояла наша скамейка, просвечивало яркое, раздробленное на десятки отдельных переливающихся огоньков солнце. Не выдержав его сияния, я отвёл глаза в сторону, но на месте солнечных бликов передо мной ещё долго маячили какие-то чёрно-зелёные пятна.

Нашу игру прервала Немченко, собравшая всех на линейку.

- Эх ты, казак! – хмыкнул Гутовский. Проигрывать специально – позор!

- Много ты понимаешь! Девушек надо уважать, особенно любимых! – улыбнулся я.

Когда все построились, Казимирская вышла вперёд и объявила:

- Через полчаса будет автобус. Вначале уезжают девочки, затем – мальчики. Ребята, вот и закончились наши труд и отдых в Пальминке...

Казимирская ещё продолжала что-то говорить о лагере, о том, что кое-кто работал и вёл себя не слишком достойно, но я её уже не слушал. Я обводил глазами своих одноклассников и друзей, и ещё долго потом вспоминал эту торжественную и вместе с тем грустную последнюю линейку.

Рядом со мной стоял Муриков, над головой которого стоявший позади Маузеров держал сложенную из пальцев «козу». По другую руку стояли близнецы Машевские. Саш-

ка украдкой поглядывал в сторону Марьяны Степаненко, а Олег без конца смотрел на свои наручные часы и явно хотел быстрее уехать в Городок. Рядом с нами стояли Сазонова, Березнякова, Гутовский и Жалейко и вполголоса обсуждали наши планы на ближайшее воскресенье, а серьёзный Николаев рассказывал Сивчуку новости музыкальной жизни.

Все разговоры прервали первые прозвучавшие ноты гимна СССР, торжественным реквиемом разлетевшиеся по Пальминке. Сразу за гимном Советского Союза прозвучал гимн БССР – чуть более провинциальный, но не менее родной и дорогой каждому из нас. По сигналу Немченко Машевский Сашка подошёл к флагштоку и потянул за верёвку. Алый флаг с золотистыми звёздочкой и серпом и молотом медленно, будто бы прощаясь с нами, заскользил вниз, развеваясь на сильном ветру.

При виде опускающегося флага у меня защемило на сердце, и хоть я и хотел домой, но особой радости не испытывал: что-то неуловимое и вместе с тем необратимое произошло с нами в течение этого месяца. И этим что-то было взросление. Где-то там, в голубой дымке позади ос-талось наше детство, а впереди ожидала новая жизнь. И что-то подсказывало мне, что жизнь эта будет непростой, и никогда уже не вернуть былой беззаботности и былого детского счастья.

Оглянувшись по сторонам, я увидел, что все наши стали серьёзными и, видимо, испытывали то же самое, что и я. Даже Маузеров убрал с головы Мурикова «козу» (наверное, и ему было сейчас не до шуток).

Флаг медленно опускался вниз, сверкнул на прощание золотистой звёздочкой и замер в руках подхватившего его Машевского Сашки.

Почти тут же подъехал дед Забудуй на своём запылённом «Фердинанде».

«Прощай, ЛТО!», - мысленно кивнул я сложенному вчетверо алому флагу, который Машевский передал классной.

*г. Витебск – г.п. Бегомль – г. Витебск – г. Глубокое
– г. Витебск – г. Верхнедвинск – г. Витебск*

29 сентября 1996 года - 12 января 1999 года

Содержание:

Об авторе.....	3
Слово к читателям	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОХОД В ВЕРЕЧЬЕ.....	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЕННЫЕ СБОРЫ.....	51
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПАЛЬМИНКА	79
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ДРАКА.....	124
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ТУРИСТИЧЕСКИЙ СЛЁТ	153
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. НОЧНОЙ БУНТ	206
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПРОЩАЙ, ЛТО!.....	242

ГЕРАЩЕНКО
Андрей Евгеньевич

НА ИСХОДЕ ДЕТСТВА

Текст публикуется в авторской редакции.
Корректор: Е.М.Ураева.

Подписано в печать 27.08.2021 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Заказ №699. Тираж 1000 экз.

Отпечатано КГБУ
«Типография управления делами Администрации Алтайского края».
E-mail: art@alregn.ru